Восточный архив

№ 2 (42), 2020

Восточный архив
Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Журнал можно посмотреть на сайте Института востоковедения РАН

Редакционный совет
В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия
В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление
С.И. Потабенко

Вёрстка
Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Подписано в печать 15.09.2020
Объем 14,0 п. л.
Тираж 80 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12
Цена в розницу договорная

© Авторы, 2020
© Институт востоковедения РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора ……. **3**

Анайбан З.В. Тува в XVII веке. Начало пути к российскому протекторату …….. **5**

Цвижба Л.И. Абхазия в графических материалах Военно-учёного архива ……..……... **13**

Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 5 …… **18**

Атанова С.А. Из туркменского адата. Неопубликованная рукопись Г.И. Карпова …… **30**

Филиппова Т.А. Гендерные образы Востока в русской журнальной сатире эпохи Русско-японской войны ……. **36**

Кузьмин С.Л., Дмитриев С.В. Движение за восстановление монархии после Синьхайской революции: маньжурский замысел …….. **45**

Моллеров Н.М. Революционные события и гражданская война в Урянхайском крае в документах (март 1917 – сентябрь 1921 г.) (окончание) ……..……. **62**

Кадырбаев А.Ш. Араратская республика – политический проект Антанты ……..…….. **72**

Шмидт В. Нацистская Германия и Палестина в 1930-е годы **77**

Локшин А.Е. Критика иудаизма в оценке экспертов КГБ ... **84**

Бухерт В.Г. Переписка В.К. Яцунского с Сунь Цзинчжи …. **89**

Беляков В.В. Решение об отправке советских войск в Египет **95**

Прожогина С.В. Очерк истории литературного франкоязычия тунисцев …….. **100**

Наши авторы ……... **112**

Oriental Archive

No. 2 (42), 2020

CONTENTS

Editor's notes …….. **3**

Anayban, Zoya. Tuva in XVII Century. First steps on the Road to Russian Protectorate ….……. **5**

Tsvizhba, Larissa. Abkhazia in Graphic Materials of the Military Science Archive …..... **13**

Norik, Boris. Diary of Colonel Kossagovsky. Part 5 ..…… **18**

Atanova, Svetlana. Unpublished Manuscript of Professor Karpov …..... **30**

Filippova, Tatiana. Gender Image of Orient in Russian Magazines' Satire during Russian-Japanese War …….. **36**

Kuzmin, Sergey and Dmitriev, Sergey. Movement for Restoration of Monarchy after Xinhai Revolution ……..... **45**

Mollerov, Nikolay. Revolutionary Activities and the Civil War in Uryankhai Described in Documents (March, 1917 – September, 1921). The second part …..... **62**

Kadyrbaev, Alexander. Ararat Republic as Political Project of Antanta …..... **72**

Schmidt, Waldemar. Nacist Germany and Palestine in 1930s …..... **77**

Lokshin, Alexander. Criticism of Judaism in Estimation by Comity of State Security…….. **84**

Bukhert, Vladimir. Correspondence of Professor Yasunskiy and Doctor Sun Jingzhi ……..…… **89**

Beliakov, Vladimir. Decision to Send Soviet Troops to Egypt ……... **95**

Prozhogina, Svetlana. Essay on History of Tunisian Francophone Literature ……... **100**

Contributors ……... **112**

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-03-04

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

19 августа 2020 года в нашем Институте востоковедения РАН произошло важное событие – избрание нового директора института. Прежний директор, доктор исторических наук, профессор В.П. Андросов не мог претендовать на вторичное избрание из-за возрастных ограничений – ему исполнилось 70 лет. Кандидатов на должность директора было трое: А.К. Аликберов, А.С. Балахванцев и Д.В. Стрельцов. Избран был А.К. Аликберов, за него проголосовало 247 человек из 313 присутствовавших сотрудников института. Аликбер Калабекович занимается проблемами Кавказа, в июне этого года защитил докторскую диссертацию. Занимал должность заместителя директора института.

На выборы директора все сотрудники пришли в масках. Коронавирус надолго запер нас дома, но выборы должны были состояться. И они состоялись.

Несмотря на отсутствие в институте (сотрудники работали дома или на даче), нынешний номер «Восточного архива» сложился легко. Не подвели и те наши авторы, что работают далеко от столицы. Так что объём номера даже немного больше, чем обычно.

В нашем журнале по традиции публикуются сначала материалы на более давние темы. Начинается нынешний номер со статьи З.В. Анайбан «Тува в XVII веке. Начало пути к российскому протекторату». В ту пору тувинцы вели переговоры с Россией о протекторате с её стороны. Договориться тогда не смогли, и ещё почти три столетия Тува жила самостоятельно. Она вошла в состав СССР в XX веке.

Продолжает номер материал Л.И. Цвижбы. Он тоже, как и предыдущий, о родных местах автора. На этот раз – об Абхазии. В статье анализируются многочисленные графические материалы, вошедшие в Военно-учёный архив РГВИА.

Читающие размышления полковника В.А. Косаговского, возглавлявшего российскую казачью бригаду в Персии в конце XIX века, могут заинтересоваться его пятой частью. Автор статьи, Б.В. Норик, приводит текст его дневника практически полностью.

Юная С.А. Атанова публикует свою первую статью. Она посвящена неопубликованной рукописи знатока Туркмении Г.И. Карпова. Он начинал работать там ещё до Октябрьской революции, возглавлял научные институты и внёс своими публикациями весомый вклад в изучение этой страны.

Совершенно другая тема у Т.А. Филипповой, причём не только по географии. Она анализирует гендерные образы Востока в русской журнальной сатире эпохи Русско-японской войны. Интересная, не совсем классическая по традициям нашего журнала, статья иллюстрирована многочисленными картинками из русских журналов той эпохи.

Два автора, монголовед С.Л. Кузьмин и китаист С.В. Дмитриев, посвятили большую статью движению за восстановление монархии после Синьхайской революции. События там, на северо-востоке Китая, волновали и Россию, и Японию. Авторы опираются главным образом на переписку российских дипломатов.

Революционным событиям и гражданской войне в Урянхайском крае посвящено окончание статьи Н.М. Моллерова. Это документы из местных архивов, мало известные в столице. Подборка заканчивается сентябрём 1921 года.

Этому же периоду первых лет после революции 1917 года в Армении посвящена статья А.Ш. Кадырбаева. Он анализирует попытки дашнаков уничтожить нехристианское населе-

ние – азербайджанцев и курдов. Политику дашнаков поддерживали государства Антанты – и безуспешно.

В. Шмидт рассматривает отношение нацистской Германии к Палестине, сионистскому движению и арабскому миру до начала Второй мировой войны.

Статья А.Е. Локшина посвящена уже послевоенному времени. Он приводит анализ иудейской религиозной литературы, сделанный в 1950-е годы в Киеве. Эксперты критиковали иудаизм как националистическое течение и призывали дать ему отпор.

В это же время переписывались советский специалист по исторической географии В.К. Яцунский и китайский профессор Сунь Цзинчжи. Их письма приводит В.Г. Бухерт. 1950-е годы были периодом интенсивных контактов советских и китайских ученых.

Полвека назад, в январе 1970 года, было принято решение об отправке советских солдат в Египет. Оно стало результатом тайного визита в Москву президента Египта Гамаля Абдель Насера. О его переговорах с советскими руководителями рассказывается в моей статье.

И, наконец, последний материал. Он о литературе Туниса, написанной на французском языке. Его автор – С.В. Прожогина, специалист по франкоязычной литературе стран Магриба.

Как видите, материалы номера «Восточного архива» весьма разнообразны. Коронавирус нам не помешал. Уверен, что он не помешает и в дальнейшем.

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-05-12

З.В. Анайбан

ТУВА В XVII ВЕКЕ. НАЧАЛО ПУТИ К РОССИЙСКОМУ ПРОТЕКТОРАТУ

Как известно, несколько лет назад (2014 г.) Республика Тыва встретила весьма значимую и судьбоносную дату – 100-летие со дня установления протектората России над Урянхайским краем – Тувой. И, как мы отмечали в своей предыдущей публикации, провозглашение покровительства России над Урянхайским краем (Тувой) уходит историческими корнями вглубь нескольких веков, к началу XVII в. Между тем все особенности этого исторического события, начиная с обстоятельств, основных условий его появления и отдельных личностей, явившихся инициаторами этого процесса, и по сегодняшний день остаются предметом непростого обсуждения не только в научных, но и общественно-политических сообществах. В этой связи не меньший интерес вызывает вопрос и связанные с ним дискуссии о том, был ли такой факт на самом деле в истории Тувы и, если да, то почему и вследствие чего в 1914 г. вновь был объявлен российский протекторат над Тувой?

В данной работе, опираясь на документальные архивные материалы, попытаемся по возможности раскрыть некоторые аспекты российско-тувинских отношений. В частности, тех, которые непосредственно касаются самых первых сведений о присоединении тувинских племен к России в начале XVII в. – периоду господства на территории современной Тувы Алтын-ханского княжества, этапы и динамику развития этого времени, являющегося важной и памятной вехой в истории тувинского этноса. Тем более, что во многом сегодня это стало возможным благодаря ряду относительно недавно изданных документальных источников. Среди них для нас особую значимость в свете названной проблематики представили сборник архивных материалов «За три века. Тувинско-монгольско-китайские отношения (1616–1915)» и «Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события)», которые, с нашей точки зрения, не только существенно сократили и тем самым облегчили поиск необходимых архивных материалов, но и дали возможность и дополнительное время, с одной стороны, для более скрупулезного и детального анализа тех или иных фактов и событий, с другой – более глубокого их научного осмысления и обобщения. Вместе с тем следует попутно заметить, что в связи с работой над данной темой исследования оказалось весьма проблематичным найти в Москве, например, первый из вышеназванных сборников. В частности, вопреки ожиданию, эта публикация не числится в каталогах таких центральных библиотек страны, как Российская государственная библиотека и Государственная публичная историческая библиотека России. По признанию сотрудников «Ленинки», это обстоятельство объясняется тем, что в «лихие» 90-е, кроме всего прочего, практически сошла на нет безукоризненно отлаженная ранее система межбиблиотечной связи, и по этой причине многое из того, что в тот период издавалось в регионах, к сожалению, не доходило до центральных библиотек страны, как это было прежде.

Итак, в XVII в. тувинские племена входили в состав Алтын-ханского княжества. В тот период Алтын-ханы занимали северо-западную часть Монголии. По мнению известного советского историка-этнографа Л.П. Потапова, «громким титулом Алтын-хан именуют хотогойтских князей XVII в., которые были омонголившимися по языку тувинцами»[1]. Первым правителем и основателем царства Алтын-ханов, с которым встретились в первой четверти XVII в. в верховьях Енисея русские послы, был Шолой Убаши Хун-тайджи. Впервые о нём стало известно из статейных списков русских послов Василия Тюменца и Ивана Петрова, посетивших в 1616 г. его ханство. В этом же

описании говорится о землях Алтын-хана, занимающих весь район озера Упса (ныне оз. Убсу-Нур) и район реки Тес. На севере граница его владений доходила до Саян. На юге кочёвки его достигали, возможно, до предгорий Монгольского Алтая. Районы озера Сангин-Далай и реки Дэлгэр-Мурэн составляли восточную границу его владений, на западе он соприкасался с ойратами[2].

Из архивных материалов доподлинно известно, что к началу XVII в. земли к северу от Кобдо вплоть до Саян, включая долины реки Тес и озера Убсу-Нур, а затем от Русского Алтая на западе до озера Хубсугул на востоке принадлежали тувинским племенам. Некоторые из них проживали и по северную сторону Западных Саян. Так, между городами Томском и Кузнецком обитало тувинское племя кужугет, а в районе верховья реки Оби – племя ооржак. Соседствуя с енисейскими кыргызами, в Минусинской котловине кочевали тувинские племена маады, кужугет, ооржак, соян, которые впоследствии составили этническое ядро современных тувинцев[3]. Таким образом, в этот период тувинцы заселяли довольно большую территорию, включая в том числе и часть российских земель, которые входили в район их кочевий.

В XVII в. тувинскими племенами, находившимися в составе государства Алтын-ханов, управляли свои князья. Князья осуществляли сбор и доставку дани, в их обязанности входило обязательное выполнение распоряжений и приказов Алтын-хана, а также они должны были обеспечить участие своих соплеменников в ханских походах. В отличие от них тувинцы, платившие ясак в русские города-остроги, управлялись только своими князьями. При этом русская администрация, как правило, не вмешивалась в их внутренние дела и была озабочена лишь тем, чтобы от них своевременно поступал ясак. Как сказано в «Истории Тувы», «этим объясняется в значительной мере то обстоятельство, что многие правители тувинских племён и родов предпочитали находиться в российском подданстве, так как оно не затрагивало их самостоятельности, в то время как подданство у монгольских правителей было сопряжено с некоторой её потерей»[4].

Первое, хотя и до сих пор оспариваемое, документальное подтверждение распространения на эту землю российской защиты и поддержки относится к первой половине XVII в., периоду царствования Михаила Фёдоровича. Однако следует прежде всего сказать, что, судя по сохранившимся историческим документам, всё же впервые прошение от тувинских племён о российском покровительстве поступило в самом начале XVII в. от рода маады, насчитывавшего в то время 2300 людей и возглавляемое князем Четеем (кстати, мне, автору данной статьи, являющейся прямым потомком и представителем этого рода, этот факт по-своему примечателен). Так, ещё в 1609 г. в «Отписке томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву о матских людях», направленной «Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии», говорилось, что «матцкие люди прежде сего были не под твоею высокою царскою рукою и ясак платили Алтыну царю. И пришли, государь, из Мат февраля в 29 день и в расспросе, государь, нам холопем твоим сказали Первуша Бобр с товарыщи, что оне, государь, матцких людей князька Четея, да Олгана, да Тумея и ево людей привели под твою царскую высокую руку, и тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии князьки их и лутчие люди шертовали на том, что им быть под твоею царскою высокою рукою неотступным и тебе государю служити и прямити и ясак сполна платити…»[5].

Здесь следует пояснить значение термина «шерть», которое подразумевало в сущности прошение и принятие присяги о покровительстве. С точки зрения некоторых исследователей, начиная со второй половины XVI в. шертная грамота являет собой начальную веху обращения в российское подданство[6]. Видно по всему, что к XVII в. эта система как своего рода ритуал установления определённых взаимоотношений между отдельными сообществами, по-видимому, уже была достаточно распространена. При этом, как

можно судить по имеющимся архивным материалам, по крайней мере, на начальном этапе, тем или иным племенам, пожелавшим получить покровительство русского царя, достаточно было обратиться с этим прошением к ближайшему (территориально) русскому воеводе, который далее, в свою очередь, в виде «Отписки» письменно уведомлял об этом российского государя. Свидетельства того, что эта просьба была удовлетворена, в результате чего род маады был взят под российское покровительство, можно встретить в сведениях XVII в., касающихся уплаты ясака разными племенными группами Сибири, где в том числе неоднократно упоминается и это тувинское племя.

Как было выше сказано, первое русское посольство в лице атамана Тарского города Василия Тюменца и десятника Ивана Петрова посетило Алтын-ханское государство в 1616 г. О своей поездке они детально изложили в Посольском приказе (март 1617 г.), где, наряду с подробным описанием пути следования и своих впечатлениях о встречах с местными жителями, характеристикой их жизни и быта, сообщают также, что донесли до хана, что «… как он, Алтын-царь, учинитца под ево государевою рукою и шерть учинит, и великий государь к тому ж учнет ево держать в своем царском жалованье навеки»[7]. На это Алтын-хан отвечал, «…что он великому Белому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержцу служить и под ево царскою высокою рукою быти рад, и шертовати на том готов, а то он и сам ведает, что надо всеми цари нет большие ево, великого государя, и ему такому великому государю служить мочно»[8].

Таким образом, в 1616 г. первый Алтын-хан шертовал, т.е. присягал на преданность и верность русскому царю. В этом же году хан отправил в Москву с двумя послами письменную просьбу о взятии его под покровительство. В результате этого визита послам была вручена «Жалованная грамота царя Михаила Фёдоровича Алтын-хану о принятии его в русское подданство и о посылке ему жалованья», в которой было сказано, что «ты, Алтын-царь, нашего царского величества любительного жалованья жадаешь и хочешь быти под нашею царскою рукою со всею своею ордою и на непослушников наших с своими ратными людьми хочешь ходити, как тебе о том наше царское повеление будет»[9].

Особо отметим, что, кроме всего прочего, данное событие сохранилось и живёт в исторической памяти тувинцев, передаваемое от поколения к поколению. Не случайно «Прошение заведующих тувинцами Бээзи хошуна чиновников на имя императора Николая II» от 29 октября 1913 г. начиналось словами: «Около трёхсот лет назад (в 1616 году) при первом русском царе из царствующего ныне Дома Романовых Михаиле Фёдоровиче предки наши, кочевавшие по реке Кемчику, присягали на подданство России через первого русского посланца в этом крае Василия Тюменца, и с того времени покровительство Императоров из Дома Романовых продолжалось в течение более шестидесяти лет»[10]. Добавим, что по прошествии трёх столетий это принципиально значимое событие нашло отражение также в докладе Совета Министров Российской империи «По вопросу об Урянхайском крае» 8 ноября 1911 г. В предваряющей части этого доклада говорилось, что «в половине XVII века Алтын-Хан, владения которого, по-видимому, лежали в нынешнем Урянхайском крае, отдался под покровительство Царя Михаила Фёдоровича»[11].

Однако, как показывают дальнейшие события, на протяжении собственно всего XVII в. между этими двумя державами было много несогласованности и недопонимания относительно этого вопроса – вопроса о покровительстве. Так, в разделе «Тува в период государства Алтын-ханов» второго, переработанного и дополненного издания «История Тувы» сказано, что «…недоразумение с подданством России первого Алтын-хана всплыло, когда в 1618 г. к Алтын-хану прибыло третье русское посольство, которое было попутным, так как возглавлявший его И. Петлин должен был с помощью Алтын-хана проехать в Китай. Будучи у Алтын-ха-

на и получив от него помощь для дальнейшего следования, И. Петлин обнаружил, что Алтын-хан не собирался быть подданным русского царя и поэтому отказался подписать грамоту о присяге, которую посол привёз из Москвы, чтобы юридически закрепить подданство Алтын-хана»[12]. Вместе с тем Алтын-хан с возвращавшимися в Москву во главе с И. Петлиным русскими послами отправляет своих послов, чтобы те донесли до царя его просьбу о защите его государства от ойратов. В ответ на это ему был поставлен ультиматум о принятии им прежде русского подданства, которого, как можно судить по имеющимся документам, так и не последовало. После этого какие-либо отношения между Русским государством и княжеством Алтын-хана более чем на десять лет прекращаются и получают новый виток развития уже в годы правления сына Шолоя, второго Алтын-хана, Омбо-Эрдени.

В 1631 г. русский посол К. Карякин поехал к Омбо-Эрдени фактически по его просьбе, так как тот настоятельно просил защитить его от угрозы набегов чахарского Лигден-хана (Южная Монголия). И, как описывает в своей статье этот и последующий визит (возглавляемый на сей раз томским сыном боярским Я.Е. Тухачевским) известный монголовед Н.П. Шастина, опираясь на архивный материал, поведение Омбо-Эрдени при приёме этих посольств ясно показывало, что он и не думал стать подданным Московского государя или, согласно терминологии XVII в., «принести шерть». Он рассматривал эту шерть скорее как договор о дружбе, и требование Якова Тухачевского подтвердить клятвою принесение шерти вызвало в нем искреннее негодование. Он с раздражением говорит государеву послу, что, посылая в Томск гонца (перед приездом Карякина), он, Алтын-хан, просил «от Чагарского де Дючины хана оборонить и особо государьском де я жаловании велел же бить челом, а о шертованя де я не приказывал». Томские же воеводы заставили гонца принести шерть, велев ему при этом есть хлеб с ножа, «да стояли над шеею с саблею». Тухачевский также настаивал, чтобы Омбо-Эрдени после прочтения составленного в Москве акта присяги — шертной грамоты, пил воду с золота. Омбо-Эрдени ни за что не хотел этого сделать, прервал аудиенцию и после бесплодных переговоров с послом уехал на три недели в другое кочевье. Но получить богатые дары московского царя ему хотелось, и в конце концов он пошёл на компромисс, велел принести за себя присягу двум своим приближенным «табунам» («княжеский зять»)[13].

Затем в 1636 г. Алтын-хану была отправлена ещё одна жалованная грамота царя, где говорилось, что «и мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец наше царское величество, тебя, Алтын-царя, похваляем за то, что ты поискал к себе нашей царского величества милости и жалованья и учинился со всею своею ордою под нашей царскою высокою рукою в нашем царском повеленье и в холопстве навеки неотступно, и хотим тебя держати под нашею царскою высокою рукою в нашем царском милостивом жалованье и в призренье и от недругов твоих во обороне и в защищенье»[14].

В августе этого же года в ставке Алтын-хана побывали два русских посольства, возглавляемые С.А. Гречениным и соответственно Б. Карташовым. А осенью 1637 г. и в самом начале следующего 1638 г. в Москве царь Михаил Фёдорович принял послов Алтын-хана. После этих встреч в феврале этого же года русским царём была пожалована очередная грамота о принятии Алтын-хана в русское подданство. Однако последовавшие с этой же целью в апреле и сентябре 1638 г. визиты посольства Василия Старкова и Степана Неверова, оказавшиеся по большому счету безрезультатными, показали, что Алтын-хан по-своему истолковывает принесённую присягу, в сущности она не имела для него особой значимости и, с его точки зрения, ни к чему его не обязывала[15].

В данном случае важно также учитывать, что подобное было характерно не только для тувинских племён, но и для многих других сибирских народов. Так, Г.Ф. Миллер в своём монументальном труде «Исто-

рия Сибири» особо подчёркивал, что теленгуты и другие подобные им народы не придавали серьёзного значения шерти. «Кочуя с места на место и зная, что до них нелегко добраться, они тогда показывали покорность, когда под давлением других врагов своих были вынуждены приближаться к русским пределам или когда могли опасаться нападения со стороны русских. Но как только проходила опасность, данная ими шерть переставала беспокоить их совесть»[16]. Подтверждение тому мы наблюдаем и на примере Тувы. Как известно из истории, в середине XVII в. Алтын-хан делает выбор в сторону Цинской династии Китая и становится её вассалом, поскольку на тот момент этот вариант казался для его положения более удобным. Следует также заметить, что как раз в это время, когда Алтын-хан отказался от подданства Русского государства, некоторые тувинские племена, наоборот, обращаются в русские города-остроги с просьбой о принятии их. Так, например, в результате большинство из обратившихся тогда были приписаны к Красноярскому и Иркутскому уездам. Они получили покровительство России и стали платить ясак русскому царю.

Кроме всего прочего, как отмечают исследователи, шерть есть персональное соглашение правителей, терявшее силу после смены одного из них, почему и требовалось её периодическое обновление в виде подтверждения прежнего подданства государству протектору и изъявления преданности его новому государю[17]. Здесь по сути действовал принцип «сын за отца не отвечает». По этой причине в дальнейшем Омбо-Эрдени, сын и преемник Алтын-хана, не признал российского покровительства, в своё время с почтением принятого его отцом.

Таким образом, с 1638 г. на довольно длительное время контакты России с Алтын-ханами были прекращены, но в мае 1645 г. Алтын-хан направляет русскому царю грамоту с просьбой о восстановлении отношений. Из архивных материалов видно, что в дальнейшем эта ситуация о принятии русского подданства не раз повторялась как при Лубсан-тайджи, сыне Омбо-Эрдени и третьим по счету Алтын-хане, так и при Гендун-Дайчине, брате и преемнике Лубсана, вплоть до захвата и подчинения в конце XVII в. Алтын-ханского княжества джунгарским ханом Галданом. При этом, как можно судить по имеющимся источникам, во все времена в качестве основного побудительного мотива постановки вопроса о покровительстве чаще всего выступало опасение вторжения врагов, просьба о защите от их набегов, в связи с чем, как правило, излагалась просьба о постройке острога, где можно было бы уберечься от неприятеля.

В последовавшей далее смене правителей, возникновении и падении империй, незамысловатых ошибках чиновников-делопроизводителей права России на территорию современной Тувы впервые после XVII в. были заявлены только в упомянутом выше докладе Совета Министров Российской империи как юридически непреложный факт. До этого момента, почти два столетия Тува находилась под властью маньчжурской династии Цин, управлявшей Урянхайским краем с помощью своих монгольских вассалов. После известных событий 1912 г. и выдворения маньчжуров из Урянхая тувинцы оказались как бы «между двух огней» – Россией и Монголией. И в создавшейся ситуации одни из них склонялись к русскому подданству, другие были готовы перейти под покровительство Монголии. На основании просьбы представителей пяти хошунов Урянхайского края, обратившихся во второй половине 1913 г. с просьбой принять их в русское подданство, 4 апреля 1914 г. император Николай II на первой странице докладной записки министра иностранных дел России С.Д. Сазонова по вопросу протектората России над Урянхайским краем начертал «Согласен»[18].

Оценивая значение установления протектората России над Тувой в 1914 г., в упомянутом последнем издании «Истории Тувы» отмечается, что «образование протектората имело большое значение для тувинского народа. Этот акт обеспечил возможность сохранения тувинского этноса, так как в противном случае тувинцы вошли бы в со-

став Внешней Монголии и утратили свою этническую специфику, и прежде всего родной язык …»[19]. Несмотря на имеющийся и по сей день ряд дискуссионных вопросов, в основе своей в целом в таком же позитивном ключе писали и пишут об этом историческом событии многие советские и российские исследователи. К числу наиболее обсуждаемых и по-разному интерпретируемых аспектов, касающихся данной тематики, пожалуй, следует отнести вопросы, связанные с основными факторами, предопределившими в итоге решение и принятие Тувой российского покровительства. В этой связи хотелось бы привести отрывок из статьи В.А. Василенко, посвящённой памяти бурятского ученого-монголоведа П.Б. Балданжапова и его неопубликованной рукописи «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков», где в ёмкой и лаконичной форме аргументируется волеизъявление Тувы о присоединении в 1914 г. к царской России: «Он (Китай) не мог оказывать какое-либо прогрессивное влияние на экономическое и культурное развитие Тувы, как это имело место в соседних с Тувой странах на севере, находившихся тогда в колониальной зависимости от царской России. Действительно, в течение более чем 150-летнего периода нахождения Тувы под гнетом маньчжуров, в стране не было построено ни одного километра дороги, не говоря о железных дорогах, не было проведено почтово-телеграфных линий, не открыто ни одной школы, больницы и какого-нибудь другого типа культурных учреждений» (БНЦ СО РАН. Общий отдел. Ф. 28. Оп. 1. Д. 118. Л. 20)[20].

Таким образом, почти вековое господство в XVII в. Алтын-ханского княжества на территории Тувы в истории тувинцев является, на наш взгляд, по-своему уникальным периодом. Именно в это время впервые был поставлен вопрос и так или иначе оформлено соглашение о российском покровительстве над тувинскими племенами, окончательное решение которого, как видим, фактически растянулось на три столетия. Как справедливо отмечает в своей работе историк-сибириевед А.А. Борисов, посвящённой истории тюрков Сибири позднего средневековья и нового времени, «трудным и противоречивым был процесс присоединения/вхождения их в состав Российской империи. Самыми первыми после разгрома Сибирского ханства были присоединены предки сибирских татар. Процесс был болезненным и занял несколько десятилетий. Сравнительно ранним и скоротечным он был в Якутии, более продолжительным – на Алтае и Хакасии. Завершился процесс в Тыве. По времени он занял около 300 лет»[21].

Несмотря на то, что неоднократные попытки присоединения в течение XVII в. к имперской России Алтын-ханского княжества по большому счету не принесли желаемых результатов, всё же нельзя отрицать присутствия самого этого факта и конкретных действий, предпринятых обеими сторонами по реализации установления этого покровительства, в числе которых были и взаимные визиты послов, состоявшиеся по этому поводу официальные приёмы, и неоднократные шертования со стороны Алтын-хана, и ответные жалованные грамоты со стороны русского царя. Другой вопрос, что в этот период России, ещё не оправившейся от последствий крестьянской войны и польско-шведской интервенции, попросту говоря, видимо, было не до того. По этой причине, кроме отправки посланцев к Алтын-хану с целью принятия «шерти» о подданстве, Россия в дальнейшем не предпринимала никаких практических шагов, чтобы закрепить эти отношения. Кроме того, видимо, в это время в какой-то степени всё ещё продолжала «работать» установка, принятая в 1616 г. Боярской Думой, призывающая «… с Алтыном-царевичем и Китайским государством ссылки не быти, а вперед розведывать про них ещё подлинно…», т.е. не вступать с ними ни в какие отношения, пока они не будут изучены в полной мере[22].

Можно констатировать, что в данном случае, с одной стороны, покровительство носило скорее условный характер и не было установлением протектората в правовом смысле, с другой, – нельзя отрицать того, что присоединение, причем признаваемое,

по крайней мере, на тот момент или на определённый отрезок времени обеими государствами, все же имело место. Более того, по убеждению историка-архивиста В.А. Дубровского, составителя нескольких сборников архивных документов, касающихся разных этапов истории Тувы, «фактически тогда Тува в составе одного из ханств Монголии входила в состав России, хотя некоторые историки отрицают это»[23].

Тем не менее, при всех различиях в оценках и толкованиях исследователями взаимоотношений Российского государства с Алтын-ханами, можно сделать бесспорный вывод о том, что именно с этого времени началось движение тувинских племен к «Белому царю», осознание ими всех преимуществ единения с Россией. Всё это, в конечном итоге, и привело к установлению в 1914 г. протектората России над Урянхайским краем – Тувой.

Примечания

[1] История Тувы. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001. С. 174.

[2] *Шастина Н.П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение, 1949. № 6. С. 384-385.

[3] История Тувы. С. 175-176.

[4] Там же. С. 192.

[5] Архив Академии Наук. Ф. 21. Оп. 4. № 17. Л. 16-17. №10 // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. 1. С. 413.

[6] *Трепавлов В.В.* «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории, 2007. № 11. С. 160-161.

[7] Расспросные речи в посольском приказе атамана Тарского города В. Тюменца и десятника И. Петрова о их поездке к Алтын-хану (не ранее 19 марта 1617 г.) // РГАДА Ф. Монгольские дела. 1616 г. Д. 1. Л. 1-34. Подлинник // За три века. Тувинско-монгольско-китайские отношения (1616–1915). Архивные документы. К 380-летию начала русско-тувинских связей. Кызыл, 1995. С. 18.

[8] Там же. С. 19.

[9] Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Алтын-хану о принятии его в русское подданство и о посылке ему жалованья (между 13 апреля и 29 мая 1617 г.) // РГАДА. Ф. Монгольские дела. № 126. Оп. 2. Грамоты. Д. 2. Л. 1, 2, 5. // За три века. Тувинско-монгольско-китайские отношения (1616–1915). Архивные документы. К 380-летию начала русско-тувинских связей. С. 26.

[10] Прошение заведующих тувинцами Бээзи хошуна на имя императора Николая II от 29 октября 1913 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. № 143. Оп. 491. Д. 3113. Л. 23-25об. (подлинник, машинопись) // Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события). Кызыл, 2014. С. 78.

[11] № 113. Особый журнал Совета Министров Российской империи от 08 ноября 1911 г. По вопросу об Урянхайском крае // Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1911 г. М.: Росспэн, 2002. С. 430.

[12] История Тувы. С. 179.

[13] *Шастина Н.П.* Указ. соч. С. 385-386.

[14] Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Алтын-хану о принятии его в русское подданство и о посылке ему жалованья (9 февраля 1636 г.) // РГАДА. Ф. Монгольские дела. №. 126. 1636 г. Д. 1. Л. 1-18 // За три века. Тувинско-монгольско-китайские отношения (1616–1915). Архивные документы. К 380-летию начала русско-тувинских связей. С. 40-41.

[15] Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения. 1636-1654. Сборник документов. М., 1974. С. 31, 50, 92, 94, 97, 103, 134.

[16] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 107.

[17] *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 160-161.

[18] Докладная записка министра иностранных дел России С.Д. Сазонова императору Николаю II от 29 марта 1914 г. о принятии населения Урянхайского края под покровительство России с резолюцией царя «Согласен» от 4 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3113. Л. 69-70. Копия // Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события). С. 84.

[19] История Тувы. С. 327.

[20] *Василенко В.А.* Неопубликованная рукопись Пурбо Балданжапова «Тува под гнётом маньчжурских захватчиков» // Новые исследования Тувы, 2012. № 2. С. 90.

[21] *Борисов А.А.* Тюрки Сибири позднего средневековья и нового времени: актуальные проблемы историко-сравнительного изучения // Вестник Томского государственного университета. История, 2013. № 3 (23). С. 19-20.

[22] Приговор Боярской Думы о сношениях с Монголией, Китаем, калмыками и Бухарой. 31 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. Калмыцкие дела. № 119. 1616. Д. 1. Л. 83, 84 // За три века. Тувинско-монгольско-китайские отношения (1616–1915). Архивные документы. К 380-летию начала русско-тувинских связей. С. 12.

[23] *Дубровский В.А.* Введение // За три века. Тувинско-монгольско-китайские отношения (1616–1915). Архивные документы. К 380-летию начала русско-тувинских связей. С. 7.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-13-17

Л.И. Цвижба

АБХАЗИЯ В ГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ ВОЕННО-УЧЁНОГО АРХИВА

Краткий обзор карт

Военно-учёный архив (ВУА) является богатейшим фондом Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Он возник по приказу Павла I от 8 августа 1797 г. как Собственное его императорского величества Депо карт и вошёл в 1812 г. в состав вновь образованного Военно-топографического депо, в 1867 г. преобразован в Военно-учёный архив Главного штаба[1]. ВУА содержит уникальные текстовые и картографические документы, отражающие исторические процессы, происходившие как в Российской империи, так и в иных государствах. Вопросам картографирования и использование графических материалов (планов, карт) регионов России посвящены исследования, публикации известного ученого, картографа А.В. Постникова[2]. Прав учёный, когда говорит, что возможности ВУА, несмотря на интенсивное и плодотворное их использование по истории картографии, в этом отношении нельзя считать исчерпанными[3].

Карты являются неотъемлемой частью выставочных проектов, используются в реставрационных работах по восстановлению ландшафтов и памятников архитектуры. В этих источниках исследователи находят всё новые темы для своих научных практик[4].

ВУА – эта часть архивного фонда, материалы которого своим разнообразием и содержательностью представляют огромный интерес для изучения. Кавказские материалы, содержащиеся в коллекции ВУА, исследуются не одним поколением историков-кавказоведов и, как правило, в большей степени это текстовые документы, а графические материалы (планы, карты) больше используются как иллюстрации к определённым историческим сюжетам**.** Например, иллюстрированная энциклопедия «Шамиль»[5]. Она снабжена большим блоком карт, планов, но практически все иллюстрации даны без указания шифров, что недопустимо при публикации любого источника.

Итак, Абхазия! На каких картах ВУА и как она отражена?

Например, в «Собрании карт Персии и Кавказского края», датированном 1740 г.[6], обнаружена карта Кавказа, на которой подробно обозначены места ранее существовавших христианских соборов (церквей) в Абхазии и в других регионах Западного Кавказа: в вершинах рек Кубани, Лабы и Белой, в землях абадзехов, шапсугов и натухайцев, а также в Южном и Северном Дагестане, Чечне, Осетии и Кабарде, где позднее появились исламские культовые сооружения. В фонде Главное управление Генерального штаба есть документ, датированный 28 февраля 1860 г.: «О предоставлении карты Кавказа [примерно 1740 г.] в Архив военно-топографического депо, составленный на грузинском и русском языках»[7]. Эти два документа дополняют друг друга, хотя и хранятся в разных фондах. Сама же карта является безусловной иллюстрацией существования христианства на значительном пространстве Кавказа и показывает, каково было влияние Османской империи, пришедшей надолго на Кавказ в XVI–XVII вв.

«Карта Российских владений на Кавказе с обозначением нового разграничения», составленная в конце XVIII в.[8], имеет также определённую историю. К тому времени Российская империя вела активную политику на Кавказе. Окончание Русско-турецкой войны 1768-1774 г. подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. укрепит позиции России на Кавказе, а в 1783 г., по многочисленным прошениям царя Ираклия II, Восточная Грузия (Картли

и Кахети) будет взята под покровительство России. Изменившаяся граница Империи отражена на карте, на которой отмечена территория Западного Кавказа, в частности – Абхазия. Она нанесена с названиями населённых пунктов (Лехне [Лыхны], Анакопия, Меркула и др.), крепостей (Гагра, Сухум-кале, Келасур), расположенных на территории от укрепления Гагра до границ Менгрелии и Сванетии на северо-востоке. На карте отмечены границы: государственная, между народами, провинциями, областями, владениями, обществами; нанесены дороги – от главных до вьючных. Экспликация карты содержит названия обществ и народов Кавказа, например, Кабарда, Абхазия, Сванетия, Картли, Кахети, чеченцы, лезгины, черкесы, абадза, ногайцы и другие.

Абхазию начала XIX в. можно увидеть на многих общих картах. Так, «Карта части Российского края между берегами Чёрного и Каспийского морей»[9] показывает восточную часть Абхазии от реки Гумиста до границы с Менгрелией. Карта интересна тем, что, помимо нанесённых населённых пунктов с указанием их названий, на ней отмечены места расположения воинских частей, провиантского магазина, причала в Сухумкале. На «Карте Кавказских гор по южную сторону главного хребта»[10] отражены горы от р. Хоста до р. Галидзга. По территории Абхазии отмечены Цебельдинские горы и Самурзаканские перевалы. Горы в этой части Абхазии важны для России и в дальнейшем будут активно изучаться с целью использования удобных маршрутов для перехода через Кавказский хребет. Ещё одна карта – это «Генеральная карта земель, между Чёрным и Каспийским морями лежащих, с обозначением новой границы России с Персиею», сочинённая генерал-майором Хатовым в 1819 г.[11]. Она показывает границы Большой Абхазии – от Геленджика до Менгрелии. На ней обозначены населённые пункты и реки. Кроме того, указаны укрепления, крепости, таможенные и карантинные посты.

В 1830-е годы, в период утверждения Российской империей своей власти на Кавказе, особенно в её западной части, появились новые карты. Например, «Карта части Абхазии от крепости Поти до монастыря Гагра» (на французском языке), датированная 1830 г.[12], составлена штабс-капитаном Медниковым. Она отражает определённое время – это период завершения прокладки сухопутной дороги в этом обозначенном промежутке Черноморской береговой линии. Эта дорога должна была способствовать активному интегрированию народов Западного Кавказа в Российскую империю. Другой документ – «Карта народов, обитающих между морями Чёрным и Каспийским», составленная в 1833 г., по сведениям, собранным Генеральным штабом Кавказской армии[13], ценна тем, что имеет таблицу народонаселения с указанием обществ, количества душ, в том числе и в Абхазии. Карта сопровождена отношением командира Отдельного Кавказского корпуса Г.В. Розена военному министру А.И. Чернышеву от 15 июня 1833 г. о предоставлении карты народов, проживающих между Чёрным и Каспийским морями[14]. Также информативна «Карта Кавказского края с пограничными землями», составленная при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1834 г.[15] На ней Абхазия обозначена с указанием населённых пунктов. Кроме того, карта также содержит таблицу о населении (этносах) Кавказа. «Карта Кавказского края» 1838 г.[16] показывает границы владений народов Кавказа, в том числе и Абхазии. «Карта расположения Кавказских линейных батальонов» от 1839 г.[17] даёт информацию о местах расположения линейных батальонов. Это – Гагра, Бамбора, Сухум-кале. Кроме того, обозначены разрушенные, существовавшие и предполагаемые крепости и укрепления на Кавказе. «Карта 2-го отделения Черноморской береговой линии»[18], составленная примерно в 1840 г., показывает территории расположения абхазских этнических групп и обществ: убыхов, вордане, хизе, саше, джигеты, садзы, Цвиджа, Бага, Ареда, Геч, Цандрипш, Аибга, Псху, Ахчипсу, Цебельда, Самурзакань. Это является ценной ин-

формацией при изучения истории Абхазии, особенно периода Кавказской войны, тем более что ВУА содержит, кроме карт, большой блок текстового материала по этой теме: рапорты, донесения, журналы военных действий и т.д. Эти разные по видам источники позволяют проводить исследования более ёмко.

«Карта вновь предполагаемых сообщений через главный Кавказский хребет», составлена прапорщиком Чуркиным в 1837 г. На ней обозначен маршрут от Сухум-кале до Хумары[19]. Карта является иллюстрацией текстового документа с названием «Описание дороги, ведущей от крепости Сухум-кале через Цебельду, главный Кавказский хребет, землю карачаевцев и реку Кубань в укрепление Хумару, составленное корпуса топографов прапорщиком Чуркиным в 1837 г.»[20].

Сохранились карты, имеющие одинаковое название – «Карта Кавказского края», составленные в разное время. Например, в 1842 г.[21], на ней отображены округа Абхазии с населёнными пунктами, отмечены укрепления на береговой линии. Одна из карт содержит таблицу численности населения Кавказа, в том числе и в Абхазии[22]. Аналогична вышеназванной карте другая, составленная при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1842 г.[23] Ещё одна «Карта Кавказского края» 1847 г.[24] показывает округа Абхазии – Бзыбский, Абхазский, Абживский [Абжуйский]; Цебельдское и Самурзаканское приставства с нанесением населённых пунктов, укреплений, постов, рек, озёр.

Активное политическое вторжение вглубь Кавказа сопровождалось более подробным и точным изучением региона, которое фиксировалось, в том числе, и картографированием. Карты стали более содержательными, по ним несложно установить время появления постов, укреплений, крепостей. Изменилось и покрытие карт населёнными пунктами, т.е. новыми станицами на земле горцев Западного Кавказа, в Абхазии – с наделением землёй переселенцев и образованием также новых сёл.

«[Карта] разделения Кавказской линии на Черноморскую линию, правый фланг, левый фланг и управление Владикавказского коменданта»[25], подписанная генерал-лейтенантом [А.А.] Скалоном, относится к середине XIX в. Данный источник интересен ещё и тем, что на нём обозначена территория Большой Абхазии, простирающаяся до Геленджика.

Помимо общих карт Кавказа, составлялись дорожные, маршрутные, почтовые, водные карты. В коллекции Военно-учёного архива хранятся также «Дорожные карты Кавказского края», составленные при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. На одной из них, датированной 1841 г.[26], Абхазия обозначена от реки Ингур до границы с джикетами. Джикеты (джики или садзы), проживавшие на территории современного города Сочи, были представителями абхазо-абазинского этноса. Указанная карта имеет разграничения территорий проживания горцев. Абхазия показана с обозначением границ её округов и приставств. Отмечены посты, укрепления, таможенная застава в Сухум-кале. На другой «Дорожной карте Кавказского края»[27], составленной при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1841 г., содержится таблица кордонных постов по границе Черномории и Кавказской области с землями горских народов. Она имеет подробные обозначения почтовых застав, постов, дорог почтово-повозочных, просёлочных и главных, в том числе и по территории Абхазии, а также ведущих в пределы Турции и Персии. Следующая «Дорожная карта Кавказского края», датированная 1847 г.[28], также содержит информацию об укреплениях, крепостях, таможенных заставах, существовавших на территории Абхазии. «Дорожная карта Кавказского края», составленная в 1847 г. и дополненная в 1853 г.[29], похожа на вышеназванную карту, но более информативна. Ещё ряд «Дорожных карт», составленных при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 г. и дополненных в 1852, 1854 и 1856 гг.,[30] показывает вновь разработанные дороги. Карты имеют

обозначения укреплений, крепостей, штаб-квартир войск, постов казачьих, таможен и таможенных застав. На «Дорожной карте Кавказского края», составленной в 1853 г. Военно-топографическим отделом Кавказской армии[31], Абхазия обозначена на пространстве от Джикет до Менгрелии. На карте указаны укрепления, таможенные посты, пристани, населённые пункты с их названиями, отмечены места проживания христианского населения Абхазии.

Интерес представляют и другие карты, например, «Почтовая карта европейской части Российской империи и Кавказского края», датированная 1852 г.[32], «Карта сухопутных и водных сообщений Европейской России и Кавказского края», составленная в 1860 г.[33] На ней Абхазия обозначена с указанием времени морского пути от Тамани до Сухум-кале и от Сухум-кале до Редут-кале, которое составляет от 25 до 30 часов и от 5 до 6 часов соответственно.

В 1860-е годы карты Кавказа создаются в новых исторических реалиях. С завершением Кавказской войны и начавшимся заселением освободившихся земель, после выселения значительной части населения в Османскую империю, переселенцами из губерний Российской империи появляются новые населённые пункты, которые будут зафиксированы в графических материалах. Это многочастевая «Карта Закубанского края», созданная в 1860-е годы, на которой Абхазия обозначена с подробным указанием населённых пунктов, крепостей с их названиями[34]; «Карта Кавказского края» 1866 г.[35] отражает часть Абхазии – от мыса Адлер до города Сухума; на «Карте Кавказского края», составленной в 1869 г.[36], обозначены населённые пункты с указанием примерного количества дворов. С аналогичным названием карта, составленная в 1882 году[37], содержит таблицу административного деления Кавказского края, в том числе и Абхазии.

«Дорожная карта Кавказского края», датированная 1870 г.,[38] содержит изъяснения обозначений административных границ, укреплений, населённых пунктов (станиц, сел, аулов), дорог (вьючных, колёсных, почтовых, железных). В том числе отмечена Абхазия по новым административным наименованиям, т.е. Сухумский отдел с округами: Пицундским и Очамчирским с нанесением населённых пунктов, с обозначением мест проживания населения христианского и магометанского вероисповеданий. Район современной Красной Поляны, историческое название которой урочище Гбаада, где 21 мая 1864 г. было отслужено войсками русской армии «благодарственное господу Богу молебствие» за окончание Кавказской войны, на карте значится уже с новым названием – «Романовское».

Следует отметить, что здесь сказано не обо всех картах, хранящихся в коллекции Военно-учёного архива. Их намного больше: одни более информативны, другие менее, но практически каждая является важным документом, в котором зафиксирована история народов Кавказа. Графические материалы (карты, планы) имеются и в других фондах РГВИА. Это – Главное управление Генерального штаба (Ф. 38), Главный штаб Военного министерства (Ф. 400), Военно-исторические карты, планы и альбомы XVII–XX вв. (Ф. 386), Кавказские войны (Ф. 482), Штаб Кавказского военного округа (Ф. 1300) и другие.

Карты представляют огромный интерес не только для изучения географии страны, но и служат бесспорным материалом при исследовании истории отдельных населённых пунктов, родов и обществ, истории регионов в целом, отдельных военных экспедиций. Они являются также бесценными источниками при разрешении пограничных вопросов, при демаркации границ между вновь образовавшимися государствами постсоветского времени.

Примечания

[1] Фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Краткий справочник. М.: РОССПЭН, 2001. С. 7-11.

[2] Список трудов А.В. Постникова. http://www.icr.su/rus/about/direction/president/02.php (дата обращения 25.01.2020).

[3] *Постников А.В.* Значение материалов фондов ВУА РГВИА для исследований по истории картографии // Документальные реликвии Российской истории. 200-летие Военно-учёного архива. М., 1998. Труды РГВИА. Вып. II. С. 58.

[4] *Литвин А.А.* Собственное его императорского величества Депо карт и развитие отечественной картографии в 1797-1812 гг. // Документальные реликвии Российской истории. 200-летие Военно-учёного архива. М., 1998. Труды РГВИА. Вып. II. С. 37-53; *Нелипович С.Г.* Картографические материалы по истории Восточной Пруссии в коллекциях ВУА // Документальные реликвии Российской истории. 200-летие Военно-ученого архива. М., 1998. Труды РГВИА. Вып. II. С. 92-98; *Цвижба Л.* Картографические документы по истории Новой Сербии в фондах Российского государственного военно-исторического архива // сеоба срба у русско царство половином 18 века. Зборник радова са међународног научног скупа у Новом Саду, 7-9. Мауа 2003. Нови Сад, 2005. С. 449-460; Кавказская война в графических материалах Военно-учёного архива // Документальные реликвии Российской истории. 200-летие Военно-учёного архива. М., 1998. Труды РГВИА. Вып. II. С. 194-201.

[5] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М.: Эхо Кавказа, 1997. 224 с.

[6] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20501. Л. 5, 6, 10.

[7] Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 782. Л. 152-153.

[8] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 25683. Л. 1.

[9] Там же. Д. 25924. Л. 1.

[10] Там же. Д. 25252. Л. 1.

[11] Там же. Д. 20544. Л. 1.

[12] Там же. Д. 18501. Л. 1.

[13] Там же. Д. 1060. Ч. 1. Л. 79а.

[14] Там же. Д. 1060. Ч. 1. Л. 66-67.

[15] Там же. Д. 20530. Л. 1.

[16] Там же. Д. 20606. Л. 1.

[17] Там же. Д. 6365. Л. 25.

[18] Там же. Д. 6413. Л. 196-197.

[19] Там же. Д. 24792. Л. 48. Опубликовано: Западный Кавказ в первой половине XIX века: по материалам Ф.Я. Лисовского и В.Л. Чуркина. Сборник архивных документов / Сост. Л.И. Цвижба. М.: Наука, 2019. 190 с.: карты, ил.

[20] Там же. Л. 6-20об. Опубликовано: Западный Кавказ в первой половине XIX века…

[21] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21196. Ч. 1. Л. 1.

[22] Там же. Д. 21195. Л. 1.

[23] Там же. Д. 20529. Л. 1.

[24] Там же. Д. 21207. Л. 5, 10, 18.

[25] Там же. Д. 25679. Л. 1.

[26] Там же. Д. 25364. Л. 4.

[27] Там же. Д. 25080. Л. 1.

[28] Там же. Д. 25079. Л. 1.

[29] Там же. Д. 25354. Л. 1.

[30] Там же. Д. 24806; Д. 24809. Ч. 1. Л. 1, 2; Д. 24811; Д. 24814.

[31] Там же. Д. 25283. Л. 1.

[32] Там же. Д. 25098. Л. 8.

[33] Там же. Д. 25290. Л. 3.

[34] Там же. Д. 6760. Л. 7, 8.

[35] Там же. Д. 21214. Л. 8.

[36] Там же. Д. 21215. Л. 1, 7.

[37] Там же. Д. 21218. Л. 1.

[38] Там же. Д. 25372. Л. 1.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-18-29

Б.В. Норик

ДНЕВНИК ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО

Избранные отрывки. Часть 5

3 мая. Сегодня Наиб-эс-Сальтанэ заставил прождать Мартирос-хана с 9½ до 4½ часов. Наконец, выходя из дворца, Наиб-эс-Сальтанэ только спросил Мартирос-хана: «Ну что, покончил полковник свои расчёты?» – «Он уже более недели тому назад подал их Вашему Высочеству», – ответил Мартирос-хан. «Сколько же тысяч?» – «Примерно около 20-ти». Наиб-эс-Сальтанэ ужаснулся, но бывший тут же Низам-уль-Мульк подтвердил, что и по его расчёту выходит 20 600 *туманов*. ([x]Но и то это одни только уходящие офицеры. Сюда надо ещё прибавить 4½ тысячи на пенсионеров, да 5 тысяч на *мухаджиров* нижних чинов. Таким образом, вся сумма на уходящих из бригады доходит до 30 000. Если из этих 30 000 скостить 2 000, неправильно захваченных или имеющихся уже в *магалах*, то всего получится всё-таки 28 000, которые 1) или Шах должен уплатить из своего кармана, или 2) на эту сумму должен уменьшиться бюджет бригады. А так как каждый казак стоит в год 80 *туманов*, то с отнятием от бюджета бригады 28 000 бригада должна уменьшиться на 28 000/80=350 казаков **конных)**. Затем Наиб-эс-Сальтанэ, ничего не ответив путного, прибавил только: «фада біай»[1] (приходи завтра).

Положение крайне двусмысленное, а между тем надо торопиться: через 5 дней Шах уезжает в летнюю резиденцию Султан-Абад (12 вёрст от Тегерана)[2], и тогда все дела Персии впадут в летаргию. Наиб-эс-Сальтанэ уезжает в Камраниэ, Посланник – Зергендэ[3], а Садр-Азам будет вынужден вечно и таскаться и торчать там, где будет жуировать Шах (л. 81).

4 мая. *Мухаджиры* – это в сущности те же янычары, и подобно тому, как с янычарами можно было покончить, только внезапно избив всех до единого, так точно и с *мухаджирами* нет никакого иного средства. Но Турецкое правительство – не Персидское правительство, и энергия султана – не энергия теперешнего Шаха! Положительно ума не приложу, как Персидскому правительству удастся выкрутиться из *мухаджирского* вопроса и решить трудную задачу, поставленную им мною.

Сегодня был опять у Наиба-эс-Сальтанэ. Потребовав, чтобы он выслал всех залишних людей из аудиенц-залы, я стал говорить с ним крайне резко, указывая на то, что русские офицеры не наймиты, подобно австрийцам и итальянцам, носящим персидскую форму и герб «Льва и Солнца» на шапках, а русские офицеры, состоящие на русской службе. В это самое время было получено от Шаха два *дестихата*[4] – снова принять на службу двух исключённых из бригады негодяев-*мухаджиров*. Я так и подпрыгнул, словно ужаленный (л. 81об.).

Наиб-эс-Сальтанэ торжественно передал мне эти *дестихаты*, провозгласив: «De la[5] Majesté Impériale!» Я спрятал оба *дестихата* с твёрдым намерением не возвращать их более.

Персидское правительство главным образом озабочено финансовым вопросом. Я самым наглядным образом объяснил несостоятельность персидской системы: как только в Персии кто-нибудь из служащих добьётся какого-нибудь жалованья, оно уже на веки веков останется в его **роду** в качестве наследственной **родовой** пенсии, переходящей от прапрадеда к праправнуку. Пагубные следствия подобной нелепой системы совершенно ясны и понятны: в персидской армии ежегодно выбывает из строя никак не менее 10%, следовательно, ровно через 10 лет весь бюджет нынешнего года **целиком** уйдёт на **вечные** пенсии; через 20 лет снова уйдёт другой такой же бюджет и т. д. Принимая же во внимание, что не в одном только военном ведомстве, но и во **всех остальных** ведомствах (л. 82) проделывается то же самое, становится совершенно ясно, что **Персия живёт только сегодняшним днём**, как птица небес-

ная, не помышляя о той катастрофе, которая вот-вот должна разразиться над оскудевшими сынами Ирана!

Но это понятие настолько въелось в плоть и кровь каждого подданного Шахиншаха (царя царей), что, хотя всякий и сознаёт, что дни Персии давно уже сочтены, всё-таки отдаст свой последний грош, чтобы **купить своим потомкам** пенсию, которую Шахиншах, придравшись каким-нибудь нелепым и бессовестным образом, отберёт у него, и все окружающие видят это и глубоко сознают, а всё-таки лезут и лезут, словно мотыльки на огонь, в пасть хищников, всё-таки надеясь, что, кто знает, быть может, купленная ими пенсия и достанется их несчастным наследникам (л. 82об.).

Думал я, думал, и, наконец, сказал Наибу-эс-Сальтанэ: «Знаете, Ваше Высочество, все Ваши колебания относительно того, чтобы дать 5 000, 10 000 и т. д., не выдерживают ни малейшей критики: надо дать **всё**, что офицеры, нижние чины и *мухаджиры* получают **теперь**, до единой копейки, т. е. приблизительно 28 000 *туманов*. Если Вы этого не добьётесь, Вы сами подорвёте Ваше значение в глазах всей Персии, ибо Персидское правительство слабо, и, если Вы решитесь обездолить хоть одного из уходящих в настоящее время из бригады, через некоторое время Вы вынуждены будете снова возвратить ему отнятое теперь, т. е. сами признаете несостоятельность Вашего теперешнего распоряжения; и если бы устояли Вы сами, то в недалёком будущем не устоит Его Величество, что ещё хуже. Теперь представьте себе, если Вы дерзнёте обездолить 108 пенсионеров, 126 офицеров и 184 *мухаджира* нижних чина, т. е. всего 418 человек, то какой вопль поднимется по всей Персии? (л. 83) Бесспорно, наследственные пенсии – абсурд, но раз они существуют, нельзя, не имея на то определённого закона, обездоливать кучку людей в 418 человек, тогда как на всю остальную Персию эта мера не распространяется. Поэтому я прошу Ваше Высочество доложить Его Величеству Шаху, что по этому поводу я желал бы лично переговорить с ним. Да и потом, что Вам-то за дело до того, сколько именно отдадут уходящим из бригады? Это ведь дело Садр-Азама, а не Ваше!»

Эти аргументы, особенно последний, глубоко подействовали на Наиба-эс-Сальтанэ: перспектива общего неудовольствия на него *мухаджиров*, пенсионеров и залишних офицеров, неизбежность уступок в будущем, клянченье и проклятия, а главное – возможность всё свалить безнаказанно на Садр-Азама так глубоко поразили и обрадовали Наиба-эс-Сальтанэ, что он не мог скрыть своей радости. Я торжествовал внутренне: значит, всю эту сволочь есть надежда сбыть из бригады, а какое мне дело до того, обойдётся ли это Персидскому правительству 28 000 или 28 миллионов?! (л. 83об.)

5 мая. Так как 28 000 отходит от бюджета бригады, то остаётся всего 70 854 *тумана*, на которые мы сегодня целый день и составляли смету.

6 мая. Сегодня, когда я потребовал от Рафаловича отчёта о расходах за 1894/95 гг. до 9го марта, то оказалось, что у него решительно ничего не готово. По этому поводу произошло чрезвычайно резкое объяснение. Видимо, я только тогда успокоюсь, когда Рафалович уедет отсюда совсем <…> (л. 84).

Сегодня я категорически потребовал, чтобы Наиб-эс-Сальтанэ добился у Шаха аудиенции. При этом я счёл долгом предварительно подготовить его к некоторым вопросам и высказал ему свои соображения. Прежде всего, я подал ему мысль сформировать конницу из кочевых племён: в Персии считается несколько десятков тысяч конницы, а между тем в действительности в ней решительно ничего нет. Поэтому, если Персидское правительство решится, вместо того чтобы целиком класть в карманы различных губернаторов бюджеты на фиктивные конницы, отдать мне часть этих бюджетов, я сформирую на них отличную конницу в каком угодно количестве.

При этих словах Наиб-эс-Сальтанэ оживился, глаза его заблестели, и он сказал: «Да, да, это гениальная мысль. Об этом следует основательно подумать!» Кто не знает этого негодяя,

может, пожалуй, подумать, что он действительно понял мою мысль и хочет добра Персии! Ничуть не бывало: ему улыбнулась мысль по очереди стращать каждого генерал-губернатора, что у него отнимут его доходную статью. Генерал-губернатор струсит и немедленно откупится несколькими тысячами *туманов*. Тогда он постращает другого и т. д., покуда не соберёт обильную жатву со всей Персии (л. 84об.).

7 мая. В 1 ч. пополудни за мною прислал Шах. Часа два сидел я с Ихтимат-Низамом и Мартирос-ханом за ширмою, рассказывая анекдоты. Наконец, пошли к Шаху. В конце длинной картинной галереи Шах сидел и писал. Наиб-эс-Сальтанэ шёл впереди меня, извиваясь, как червь. Когда мы подошли, Шах встал. Первый вопрос Шаха был – сколько же человек уходит по моему требованию из бригады? Когда я сказал, что 418, Шах ужаснулся и спросил: «А нижние чины *мухаджиры* тоже уходят?» Я твёрдо ответил: «Да!» – «Но ведь из них бо̀льшая часть очень хорошие казаки?» – «Ваше Величество», – начал я спокойно, но твёрдо – «если хоть один *мухаджир* останется в бригаде на *мухаджирских* правах, мы, русские, не можем больше продолжать командовать персидскими казаками». Шах пристально поглядел мне прямо в глаза, но я встретил его проницательный взгляд так твёрдо, что Шах сам опустил передо мною глаза (л. 90).

«На что я могу ещё согласиться, – продолжал я, – так это, когда в декабре месяце истекает трёхлетний срок командировки Рафаловича, не вызывать на его место нового офицера впредь до полного поправления финансов. Это будет мне нелегко, но, если Ваше Величество согласитесь убрать от нас всех пенсионеров и *мухаджиров*, я готов работать за двоих офицеров».

Моё предложение, составляющее экономию в 2800 *туманов* в год, так понравилось Шаху, что он пришёл в прекраснейшее настроение духа. Моё самопожертвование до того подкупило его, что он согласился пойти на все мои требования. Я хотел было, воспользовавшись настроением Шаха, выпросить у него разрешение возвратить нашу сотню из Астрабада, но Шах боится, как бы там не произошло какого беспорядка, и как бы сотня не взбунтовалась. Как я ни убеждал и ни доказывал, что всё равно в Астрабаде моментально всё узнается, ибо туда ежедневно летят от наших *мухаджиров* и письма, и телеграммы (л. 90об.).

Шах всё-таки не решился трогать астрабадскую сотню новою сотнею, составленною из *мухаджиров*, исключённых из бригады.

Я обратился к Наибу-эс-Сальтанэ за разрешением содержать налицо меньше, чем по штату, дабы поскорее заплатить долги. Наиб-эс-Сальтанэ разрешил мне это своею собственною властью впредь до устройства всех дел.

Шах поинтересовался узнать, что будет стоить увеличение бригады до 1000 и даже до 1500 человек. Я ответил, что для этого потребуется добавить ещё 16 обер-офицеров, что составит, считая кругом по 250 *туманов* на каждого, около 4000. Стоимость казаков: каждый казак стоит 80 *туманов*, следовательно, если прибавить ещё 100 казаков, то надо 100×80 = 8000. Если прибавить 200, то надо 200×80 = 16 000 и т.д. И наконец, если надо прибавить 1000 казаков, то надо 80×1000 = 80 000 *туманов*.

Затем зашёл разговор об источниках для подобного (л. 91) развёртывания бригады. Я, подобно тому как вчера Наибу-эс-Сальтанэ, указал на бюджет иррегулярных конниц. Шах, видимо, внутренне согласен со мною, но опасался на первых же порах громко высказать по этому поводу какое бы то ни было мнение. Затем Шах потребовал к себе Садр-Азама, с которым удалился в самую отдалённую нишу и долго говорил о чём-то.

На этой аудиенции Наиб-эс-Сальтанэ – как гриф чувствует падаль, так он доход и с *мухаджиров*, и с кочевников, и с генерал-губернаторов – удивительно энергично поддерживал меня, хотя видимо трусил Шаха. Мартирос же хан был и смешон, и жалок – он до того испугался Шаха, что перезабыл все цифры и лепетал такие бессвязные речи, что большую часть

времени переводчиком мне должен был служить сам Наиб-эс-Сальтанэ. Вот что значит родиться в рабской стране Персии! (л. 91об.)

Идут препирательства, кому отдать *мухаджиров*. Шах проговорился, что хочет дать их кислоглазому[6] Азис-Султану, но Наиб-эс-Сальтанэ пришёл в ужас – тогда ему уже не удастся поживиться от них ни единым *шаем*. Ему хочется отдать *мухаджиров* или своему маленькому сыну, или Меджд-эд-Доулэ, бывшему женатым сначала на дочери Шаха, а затем, когда она умерла, – на дочери Наиба-эс-Сальтанэ.

Ещё *мухаджиры* не отошли от бригады и ещё окончательно не решён этот вопрос, а между тем уже в воздухе чувствуется разлад – никто не хочет подчиниться другому. Если они и могли ещё существовать, то только под объединяющим, беспристрастным начальством русских полковников <…> (л. 92).

9 мая. Знаменитый и приснопамятный день в истории Казачьей Его Величества Шаха бригады – «Полководец без войска», или «Нет больше *мухаджиров*!» 3^{й} полк *мухаджиров* в полном его составе снова отделён от Казачьей бригады и отдан в командование Меджд-эд-Доулэ (Великий Государства[7]).

Сначала Наиб-эс-Сальтанэ сильно трусил, опасаясь *сарбазного* волнения или даже бунта, и все свои упования возлагал на меня.

Я приказал собраться к себе на квартиру всем русским офицерам и урядникам и в сопровождении их, а также Мартирос-хана и Искандер-хана отправился в Арк[8] (цитадель), во дворец Наиба-эс-Сальтанэ (л. 93).

Там, во всех внутренних двориках уже толпились отдельные группы *мухаджиров*. В саду у Наиба-эс-Сальтанэ была главная группа. Когда я подошёл к ней, все мгновенно встали, за исключением одного лишь *мир-пянджа* Неджеф-Кули-хана Цициани, самого старого (с лишком 100 лет) и вместе с тем самого злого и заядлого *мухаджира*. Но я так быстро и сурово взглянул на него, что старый негодяй не выдержал и вскочил на ноги. Мгновенно около меня образовалась густая толпа. Я сказал им краткую речь: «Господа, за 16 лет в нашей бригаде выработалось такое неестественное устройство, что, наконец, и сàмое дальнейшее существование бригады стало немыслимым. Я работал целый год день и ночь, чтобы исправить хотя бы отчасти глубоко укоренившиеся недостатки. Но все мои усилия остались тщетны и потому я пришёл к заключению, что единственное средство **спасти** дальнейшее существование бригады – это изъять из неё всех до единого пенсионеров, залишних офицеров и *мухаджиров*. Что мне и удалось исполнить!» (л. 93об.)

Эта часть речи произвела глубокое впечатление. Тогда я продолжал: «Персидское правительство вам всем хотело дать только 5 000 *туманов*, но я уговорил Правительство дать вам 28 000 *туманов*, чтобы ни один из уходящих из бригады не потерял ни единой копейки. Мне стоило немалых усилий убедить Его Величество Шаха и Его Высочество Наиба-эс-Сальтанэ дать вам вместо 5 000 эти 28 000, но, слава Аллаху, я достиг этого, и теперь ни единый из вас не смеет жаловаться! А вы чем отблагодарили мне за все мои хлопоты, за то, что я из-за ваших, безусловно, чуждых нам, интересов распинался и решился скорее поссориться и с Его Величеством Шахом, и с Наибом-эс-Сальтанэ и навсегда уехать из Персии, нежели допустить, чтобы хоть один *шай* из вашего содержания – не только *мухаджирского*, но даже того, которое вам доплачивала сама бригада, был отнят от вас?! Да тем, что вы на основании одних лишь базарных слухов писали на меня грязные доносы и лезли с ними прямо к Его Величеству? Разве честные люди так поступают?!»

Гробовая тишина воцарилась среди *мухаджиров* (столь буйных ещё 10 минут тому назад) (л. 94).

«Так как бригаде потребно всего 42 офицера, остальные же должны будут уйти из бригады, то я сейчас назову имена тех, которым намерен предложить остаться в бригаде». Затем я назвал имена всех 42^{х} офицеров. Ни один из поименованных не отказался. Один только *наиб*

1го ранга Мамед-Али-хан (батарейный) не решился остаться, боясь, что его лишит наследства его дядя-богач Хаджи-Джамиль-хан *мир-пяндж*.

Я внутренне торжествовал. Значит, все и каждый настолько ценят честь состоять под русским начальством, что стоило мне слово сказать, и все как один человек бросились на мой клич! Значит, в случае смерти Шаха или какого-нибудь народного волнения я буду уже не без поддержки.

Затем я кончил, и мы ещё с добрый час болтали. Наиб-эс-Сальтанэ, назначив в 10 ч., **видимо, медлил, выжидая результата**: если бы была какая-нибудь вспышка, он не приехал бы, предоставив мне пострадать за всех (л. 94об.). Но когда в полдень ударила пушка, и стало ясно, что русский полковник сумел до последнего момента удержать в своих руках бразды правления, тогда только Наиб-эс-Сальтанэ дерзнул явиться к себе во дворец, в этот день наполненный *сарбазами*.

Но когда Наиб-эс-Сальтанэ приехал и ему доложили, что все *мухаджиры* – во внутренности его дворца, он снова перепугался и прислал мне одного за другим 3х адъютантов и, наконец, 4го – Ихтимат-Низама, чтобы я немедленно удалил их всех из его дворца и собрал напротив через улицу в Отах-Низам[9], здании Главного Штаба, наиболее часто посещаемого, потому что здесь выстроены единственные во всём Тегеране нужники для публики. С презрением выслушал я четыре повторения одного и того же приказания Наиба-эс-Сальтанэ и отдал приказание перейти в Отах-Низам. Моя воля была исполнена мгновенно и беспрекословно (л. 95).

Мухаджиры выстроились по полкам во дворе Отах-Низама. Явился Наиб-эс-Сальтанэ, а за ним – Меджд-эд-Доулэ, новый начальник *мухаджиров*. Избранные мною встали против изгоняемых. Я последний раз скомандовал: «*Хабардар* (Смирно)! Хазрат *саиб-мансабан* (Господа офицеры)!» Когда Наиб-эс-Сальтанэ пошёл по фронту, было несколько отдельных ничтожных вспышек негодования со стороны *мухаджиров*, оскорблённых тем, что не оценили их талантов и заслуг, но в общем всё было очень мирно и прилично, и всё обошлось крайне благополучно.

После этого Наиб-эс-Сальтанэ пропустил *мухаджиров* мимо себя справа по одному: редкий из них не останавливался, предъявляя – кто патент на обер-офицера, кто – на штаб-офицера, кто – на генерала. За служившими в бригаде *мухаджирами* проследовала толпа выгнанных в разное время *мухаджиров* или считающих себя *мухаджирами*, курильщиков опиума, арестантов, бывших дезертиров и проч. – точь-в-точь армия Вальтера Голяка, Петра Пустынника или выход иудеев после пленения Вавилонского! (л. 95об.)

Затем Наиб-эс-Сальтанэ возвратился во дворец. Все *мухаджиры* хотели было идти за ним, но я удержал их в воротах дворца. Тем не менее, большая часть хлынула за ним. Когда я вошёл в аудиенц-залу, Наиб-эс-Сальтанэ сидел уже на окне, а на полу, поджав под себя ноги калачиком, уселся Меджд-эд-Доулэ. Мне подали стул, и я стал чинно слушать речь Наиба-эс-Сальтанэ. Наиб-эс-Сальтанэ говорил им, что все они будут получать то же самое, что получали до сих пор в бригаде, а во время состояния на службе – и фуражные. Так же и нижние чины. Я прервал его речь, добавив, что на службе у нас нижние чины получали не только фуражные, но ещё и *джире* (суточные) и полное обмундирование. Моя вставка сильно не понравилась Наибу-эс-Сальтанэ и особенно Меджд-эд-Доулэ, но делать было нечего, и Наиб-эс-Сальтанэ вынужден был повторить мои предательские слова. *Мухаджиры* же с благодарностью взглянули на меня: они поняли, что они теряют в русском полковнике! (л. 96)

Затем я тут же, в присутствии Наиба-эс-Сальтанэ и Меджд-эд-Доулэ опросил претензии всех *мухаджиров* – ни единой жалобы, ни единого заявления. Тогда Наиб-эс-Сальтанэ сказал: «К чему Вы, полковник, опрашиваете претензии? Совершенно достаточно того, что Его Величество Шах и мы все в восторге от Вас!» Зная его криводушие, я серьёзно ответил: «До Вашего Высочества им далеко, а до Его Величества – ещё дальше. Поэтому единствен-

ный способ справедливого удовлетворения подчинённых – это гласный опрос претензии, что у нас в бригаде делалось 16 лет подряд и делается также и теперь». Эти слова снова не понравились Наибу-эс-Сальтанэ и особенно Меджд-эд-Доулэ, и снова оба сморщились. *Мухаджиры* же снова с благоговением посмотрели на меня.

Затем, откланявшись с Наибом-эс-Сальтанэ, я направился к выходу, у которого (л. 96об.) встретил толпу старейших *мухаджиров* с Неджеф-Кули-ханом Цициани во главе. Я остановился: «Господа, – начал я, – теперь вы сами всё видели и слышали. Разве в Персии есть у вас друг вернее меня, и разве само Правительство дало бы вам что-нибудь, если бы я не настоял? Скажите, господа, по совести». *Мухаджиры* попризадумались, а у некоторых из них навернулись слёзы: они поняли всю неизмеримую разницу между русским управлением и персидским. Ни злобы, ни раздражения среди *мухаджиров* не видно и тени – одно лишь сожаление, что они попали в руки двух хищных волков, как они сами называют Наиба-эс-Сальтанэ и Меджд-эд-Доулэ.

Мухаджиры нисколько не скрывают своей тревоги и опасения, что не пройдёт и шести месяцев, как Меджд-эд-Доулэ совместно с Наибом-эс-Сальтанэ, уделив для смазки часть самому Шаху, выпустят их окончательно в трубу, пустив по миру и вдов, и сирот, и детей. Этот взгляд высказывает и сама Анис-эд-Доулэ (собеседница государева), любимая жена Шаха и, как говорят, умнейшая в мире женщина (л. 97). <…>

10 мая. После ухода всех *мухаджиров* сразу осталось налицо так мало людей, что некому держать караулы и дежурства. Поэтому я сократил число постов, заложил лишние ворота в казарме и снял пост у денежного ящика, который вечно пуст. Кстати, покончил счёты и с поваром: он довёл меня до отчаяния своими *фузульными* счетами. Поэтому я, постращав его тем, что буду брать в клубе, сговорился, наконец, что он будет кормить меня в городе за 40, а в лагере за 50 *туманов* в месяц. Прислугам я буду отпускать деньгами. Теперь я не знаю никаких счетов и расчётов с каменным углём и вполне счастлив[10].

12 мая. Пришёл ко мне сын бывшего командира 1го полка Кафар-хана, мальчик лет 9-ти, и категорически заявил, что он не хочет быть с другими *мухаджирами*, а желает оставаться под моим начальством. «А кто же тебя прислал?», спросил я. – «Мама» – «Ну, так передай маме, что она ошибается: у вас теперь сильный начальник, который знает только вас одних и потому и день и ночь только и будет думать о вас. А мне приходилось думать и о вас, и о волонтёрах, и о других ещё делах, и потому, наверное, вам теперь будет гораздо лучше». Мальчик не понял моей иронии и ушёл весёлый. Уже человек тридцать обращалось ко мне с просьбами снова принять их в бригаду, но, разумеется, тщетно. Тем не менее, всякое подобное заявление радует меня, ибо служит полнейшим выражением того обаяния и доверия, которым мы, русские, пользуемся здесь, в Персии. Все сильные персы без всякой церемонии называют Наиба-эс-Сальтанэ и его зятя Маджд-эд-Доулэ хищниками, лютыми волками, которые алчут добычи и только и стерегут, как бы им забрать в свои лоны несчастных *мухаджиров* и затем самым безжалостным образом обобрать их как липок! (л. 100)

Сегодня утром явился Мартирос-хан и передал мне крайне тревожные вести: Наиб-эс-Сальтанэ поклялся, что выживет из Персии русских, постепенно, шаг за шагом перетянув к Маджд-эд-Доулэ из бригады сначала музыку, а потом и всё остальное. Мало того, он решил, что и желание Шаха увеличить численный состав бригады он обратил в свою пользу, добившись, что излишних казаков прибавят опять-таки к *мухаджирам* Маджд-эд-Доулэ, но не к бригаде. Сегодня Маджд-эд-Доулэ сделал *мухаджирам* пешее ученье; прошли мимо Наиба-эс-Сальтанэ в струнку, так что поразили всех присутствующих. При этом Наиб-эс-Сальтанэ имел неосторожность сказать: «Ещё бы они плохо учились – ведь сколько лет их обучали русские». Это замечание видимо не понравилось Маджд-эд-Доулэ, так как ему пришлось убедиться, что едва ли удастся приписать себе заслуги русских офицеров и загрести жар чужими руками.

Затем, подойдя к группе 5-6 исключённых мною из бригады музыкантских офицеров, он сказал: «Надеюсь, что в недалёком будущем и у Маджд-эд-Доулэ будет музыка в 35 человек» (намекая прямо на то, что наша музыка перейдёт к нему, ибо у нас именно 35 человек) (л. 100об.). «Вы же», продолжал Наиб-эс-Сальтанэ, обращаясь к музыкантским офицерам, «послужите для этого ядром».

Теперь я понимаю перемену тона музыкантских офицеров: третьего дня они умоляли меня оставить их в бригаде на каких мне угодно условиях, а сегодня их уже и в дыбы не введёшь!

Но самые интересные сведения Мартирос-хан передал мне от Адъютанта-баши (начальника Главного Штаба): он обижен Наибом-эс-Сальтанэ и готов жестоко ему мстить. Несколько лет тому назад Адъютант-баши дал Наибу-эс-Сальтанэ 10 000 за право командования полком афшар: командование этим полком для Адъютанта-баши является настоятельною необходимостью, ибо он сам из владетельного рода афшар, и люди этого полка почти сплошь все его крепостные. Теперь нашелся другой, который дал Наибу-эс-Сальтанэ 8 000 и он перепродал полк афшар новому, а от Адъютанта-баши без всякой церемонии отобрал. Адъютант-баши немедленно подал в отставку. Шах, узнав в чем дело, сказал Наибу-эс-Сальтанэ: «Это что ещё за фокусы? Ты хочешь рушить всё старое и отнять от Адъютанта-баши то, чем командовали его дед и отец? Сейчас же возврати ему полк афшар!» (л. 101)

Но известный хитрец Наиб-эс-Сальтанэ так ловко обошёл Шаха, что ему удалось убедить в невозможности возвратить полк афшар Адъютанту-баши. Тогда Шах приказал дать ему другой полк, но Адъютант-баши ответил, что ему кроме его родного полка афшар никакого другого не надо, тем более что, получив другой полк, он за него, во-первых, должен уплатить снова Наибу-эс-Сальтанэ, а во-вторых, никто не может поручиться, что через несколько месяцев Наиб-эс-Сальтанэ снова не перепродаст из его рук и этот полк. Тогда Наиб-эс-Сальтанэ послал своего доверенного *сардара* Векиля-эд-Доулэ, <…>, заверить Адъютанта-баши, что он даст честное слово не отбирать от него полка. Но искушённый горьким опытом Адъютант-баши поручил ответить Наибу-эс-Сальтанэ, что уже не верит больше ни его словам, ни обещаниям, ни даже самым священным клятвам!

У Адъютанта-баши тоже шевелилась честолюбивая мысль сделаться начальником *мухаджиров*, тем более что он был командиром 1го казачьего полка, но Азис-Султан слишком сильный конкурент, чтобы Адъютант-баши мог бороться с ним (л. 101об.). Тем не менее, своевременные предупреждения Адъютанта-баши спасли меня. Выслушав внимательно Мартирос-хана, я поехал к Посланнику, которому изложил все свои соображения и опасения относительно ненавистника русских Наиба-эс-Сальтанэ, не забыв передать ему, что Наиб-эс-Сальтанэ распускает невыгодные для нас слухи, будто не я сам настаивал на отделении от нас *мухаджиров*, но совершенно наоборот, будто Шах, будучи крайне недоволен русскими, уменьшил как состав бригады, так равно и её годовой бюджет. Председатель Государственного Совета Эмин-эд-Доулэ[11] прямо высказывал сожаление по поводу того, что, дескать, полковник, вероятно, в собачьем настроении духа по поводу **отнятия** у него ½ бригады и части годового бюджета. Это всё коварные и злостные штуки Наиба-эс-Сальтанэ. Сегодня, по случаю тезоименитства королевы Виктории, я был приглашён в Английскую Миссию. Здесь военный агент и полковник Пико высказывал совершенно такие же вредные для нас предположения относительно причин уменьшения бюджета и численного состава бригады. Посланник из Английской Миссии поехал прямо к Садр-Азаму, но, к несчастью, не застал его дома (л. 102).

13 мая. Сегодня утром Мартирос-хан передал мне, что какой-то *мирза* (писарь) Маджд-эд-Доулэ остановил его на улице и сказал, что Маджд-эд-Доулэ поручил ему передать мне, чтобы я заплатил за два месяца жалованье офицеру, бежавшему из бригады и теперь, по изгнании *мухаджиров*, снова явившемуся к Маджд-эд-Доулэ. Ответом я, конечно, не удостоил,

но, взорванный такою наглостию, поехал к Посланнику. Я застал его укладывающимся, ибо сегодня он переезжает в Зергендэ. Посланник сказал, что, к несчастью, он не застал дома Садр-Азама. После некоторого обсуждения Посланник уполномочил меня его именем переговорить обо всём с Садр-Азамом лично.

Я немедленно послал к Садр-Азаму, который назначил мне приехать в 7 ч. С трёх часов я сел составлять шпаргалку, которую для верности два раза прорепетировал перед Мартирос-ханом.

У Садр-Азама мы застали массу ожидающих. При входе в сад меня крайне любезно встретил отец Азис-Султана, любимца Шаха, претендента на *мухаджиров*. Дальше – личного адъютанта Шаха, двоюродного брата Азис-Султана (л. 102об.) и, наконец, в приёмной – самого Азис-Султана. Мы невольно переглянулись с Мартирос-ханом – очевидно, тут что-то нечисто, и вся эта публика явилась по тому же вопросу, что и мы.

Садр-Азам первого принял Азис-Султана, который бегом побежал к Садр-Азаму. Затем позвали меня. <…> Едва я раскрыл рот, как Садр-Азам с улыбкою сказал: «Удивляюсь, что вы до сих пор ещё не пришли ко мне. Я вас ждал давно, чтобы предупредить относительно козней, которые Наиб-эс-Сальтанэ устраивает против вас». На это я ответил, что Посланник именно удерживал меня, чтобы я сначала покончил всё с Наибом-эс-Сальтанэ, а затем бы уже обратился к нему. Садр-Азам провёл рукою по своему умному лбу и ответил: «Ну, да ещё не совсем поздно. Говорите» (л. 103).

Сильно взволнованный, я начал так: «Я не для того учился в русской Академии Генерального Штаба и не для того приехал сюда, чтобы состязаться в интригах и происках с каким-то Маджд-эд-Доулэ – это недостойно русского офицера. И не для того я вырвал силою у Правительства 28 000 *туманов*, принадлежащих пенсионерам, вдовам и сиротам, чтобы Наиб-эс-Сальтанэ со своим зятем проглотили их! Фактической сдачи *мухаджиров* ещё никому не было, в сущности, официально я ничего ещё не знаю, а новый начальник уже распоряжается самовластно в части, которой, в сущности, я ещё продолжаю считаться командиром. Но, кроме этого неуважения, я вижу ещё другие оскорбления, лично от самого Наиб-эс-Сальтанэ: он по целым часам держит меня, забавляясь в это время с дервишами и всевозможными муллами, которых он предполагает привлечь на свою сторону, но которые, в сущности, презирают его. Зная, что я тороплюсь к Посланнику, он, вместо того чтобы выслушать меня, рассказывает во время моего доклада, как у него на подушке сегодня котерилась кошка и потому он не выспался, что именно у него болит и, в заключение, на самом живом (ˣместе вдруг неистово зевает и говорит мне: “Верите ли, так много дела, что не успеваю даже своего больного колена растереть мазью”. Дела государственной важности он почти не выслушивает, но зато лишь только зайдёт речь о какой-нибудь получке, у него уже ушки на макушке, и он весь обращается во внимание. Затем я прочёл Садр-Азаму свою шпаргалку (л. 103об.). На это Садр-Азам сам сказал, что только что у него был Азис-Султан именно с просьбою устроить, чтобы *мухаджиров* отняли от Маджд-эд-Доулэ и отдали их ему, Азис-Султану. Я уже собирался сам лично поехать к Азис-Султану и лично заявить ему, что готов идти с ним рука об руку, желая этим выразить всю мою готовность служить Шаху… Но Наиб-эс-Сальтанэ иначе поставил дело – увы, но я не виноват. <…>. Посланник совершенно прав, говоря, что на нас лёг бы позор, если бы мы, провозившись с *мухаджирами* 16 лет, вышвырнули бы их на растерзание двух хищников, ничем не гарантировав их неприкосновенность. Наиб-эс-Сальтанэ ведь отдаст им только 5 000, а это я сам настоял на **28-ми тысячах**! Не им я это отдал, а чтобы нас, русских, впоследствии никто не имел бы права изобличить, что мы лишили кого бы то ни было куска хлеба. Ведь я называюсь «**заведующим обучением Персидской Кавалерии**», следовательно, призван сюда не препираться с кем-либо, а руководить всю конницу, в том числе, следовательно, и *мухаджирскую*. Если же *мухаджиры* будут совершенно изъяты из ведения русского полковника, дело 16-ти летних трудов всё равно исчезнет, как дым, и заме-

нится втиранием очков Шаху, всевозможными *фузульствами* и грабежом (л. 104). Сегодня на Майдан-Машк Наиб-эс-Сальтанэ приказал Лемеру подготовить сформирование музыки[12], ядром для которой должны послужить исключённые мною музыкантские офицеры (вот почему эти офицеры ни с того, ни сего задрали нос и уже не пожелали возвращаться ко мне). А Меджд-эд-Доулэ уже был у Садр-Азама и говорил: жаль только, что у меня все преимущественно офицеры – мне бы ещё хоть человек 200 прибавить к **моей новой бригаде**. Имея врага в лице самого Военного Министра и всего генералитета, который, как собачки, на задних лапках служат перед Наибом-эс-Сальтанэ, мне бороться немыслимо. Но как не быть персу выше русского и как не потечет река в гору, так не должен быть Маджд-эд-Доулэ командиром бригады и нельзя допустить Наиба-эс-Сальтанэ выжить русских из Персии!) (л. 104об.)

1. Я сам своими ушами слышал на последней аудиенции, как Его Величество Шах сказал, что *мухаджиры* будут отданы Азис-Султану. Радуясь такому назначению, я никак не мог предполагать, что Наиб-эс-Сальтанэ перебьёт это назначение в пользу Меджд-эд-Доулэ: будучи глубоко убеждён в назначении Азис-Султана, я потому только и не принял своевременно никаких мер. Азис-Султан мог бы считаться только шефом, а **общее** руководство, не вмешиваясь в хозяйство, внутреннее устройство и проч., я готов был бы принять на себя; можно было бы образовать нечто вроде общей сводной кавалерии под моим общим **строевым** начальством, что теперь, конечно, **немыслимо**.

Теперь же совместное учение даже на одном и том же плацу, не говоря уже о недостатке места, стало безусловно немыслимым: обидное проведение параллели между нами и *мухаджирами* допущено быть не может, и соревнование с теми самыми *мухаджирами*, которых в течение 16-ти лет мы же, русские полковники, создали и так тщательно обучали, оскорбительно и недостойно русских. Мы призваны сюда не для продажного соревнования, и ни Меджд-эд-Доулэ, ни (л. 104) сам Наиб-эс-Сальтанэ не вправе ставить нас, учителей-инструкторов, на одну доску с различными Меджд-эд-Доулэ. <…>

2. Наиб-эс-Сальтанэ поклялся выжить русских и, с того момента как назначен его зять, уже успел сильно повредить нам и подорвать наш кредит: Наиб-эс-Сальтанэ даёт понять, а под рукою распускает через своих клевретов слух, будто Шах был настолько недоволен русскими, что решился дать это почувствовать им, отобрав у полковника ½ бригады и сократив его бюджет на 30 000. Об этом меня прямо спрашивали вчера в Английской миссии англичане и др., но не только европейцы – даже умнейшие и наиболее интеллигентные персы, как, например, Моин-эль-Мульк[13], того же мнения и с сожалением отзываются о поражении, которое я якобы потерпел у Его Величества Шаха (л. 104об.).

(Для поправления *фузульств* Наиба-эс-Сальтанэ, должно быть, за подписью Шаха, оговорено в условии, что бригада будет доведена, по крайней мере, до 1000 человек, иначе мы дискредитируемся. Наиб же Сальтанэ от этого тщательно уклоняется, тогда как Шах сам заговорил об этом увеличении). (л. 104об.)

Теперь Наиб-эс-Сальтанэ мечтает выжить русских, убедив Шаха, что дальнейшее заведование персидскою конницею лучше всего поручить его зятю Меджд-эд-Доулэ, который лелеет эту мысль ещё со времён полковника Домантовича, а, дескать, инструкторами могли бы быть старые у<нтер->о<фицеры> *мухаджиры*, уже попавшие в руки его зятя.

Наиб-эс-Сальтанэ в нынешнем году уже успел вторично напакостить нам во мнении Его Величества Шаха, когда я предложил, было, взять на себя инструкторство Персидской пехоты на самых выгодных для персов условиях. Цель Наиба-эс-Сальтанэ – совершенно оттереть русских.

3. При скрытой вражде дальнейшее существование бригады при подобных условиях немыслимо, и из этого тяжкого положения для нас существует лишь два выхода: или – чтобы передали *мухаджиров* Азис-Султану, или же, чтобы нас совершенно изъяли из владения Наиб-эс-Сальтанэ и подчинили непосредственно Садр-Азаму, о чём так усиленно хлопотал

ещё покойный полковник Шнеур. А если сделают и то, и другое – это будет наилучший выход. Садр-Азам сам говорил, что Шах настаивал, чтобы он фактически был ответственен за военное министерство и даже, по словам самого Садр-Азама, дал ему на это *дестихат* (л. 105).

(Наиб-эс-Сальтанэ предупредил ещё до назначения Меджд-эд-Доулэ *мухаджиров*, сказав им: «Я дам вам такого человека, который блеском своим и способностями затмит всех полковников…». А когда был назначен Меджд-эд-Доулэ, то Наиб-эс-Сальтанэ сказал: «Что? Видите, я исполнил своё слово!!!» Гробовое молчание было ответом на эту речь. Уже сегодня мне оказано неуважение в том отношении, что Меджд-эд-Доулэ через своего человека передал Мартирос-хану, чтобы я удовлетворил жалованием беглого офицера, ныне явившегося к Меджд-эд-Доулэ, за всё время его служения в бригаде. Я с презрением не удостоил даже ответом этого нахала!) (л. 105)

4. Форма одежды и зимней, и летней должна быть немедленно изменена; что изменения эти повлекут за собою траты и разорят бедняков – *фузульства* Наиба-эс-Сальтанэ: если снять погоны и <нрзб.> – это только сократит расходы, а никак не увеличит их (дух части, **единство** мундира не может быть в двух совершенно различных частях).

5. Вызывать немедленно волонтёров (52 нижних чинов + 4 офицера) из Астрабада, заменив их *мухаджирами*: явилось уже двоевластие, следовательно Сафар-Али-Ага более оставаться не может; равно немыслимы и все совместные расчёты мои с Маджд-эд-Доулэ. Предсказываю **ещё раз**, что будут **крупные беспорядки** – вторично снимаю с себя ответственность за последствия.

6. Я подал Наибу-эс-Сальтанэ благую мысль относительно привлечения в Казачью бригаду некоторых кочевников, бюджеты коих губернаторы целиком кладут себе в карман. Наиб-эс-Сальтанэ с радостью ухватился за эту мысль, но с совершенно иной точки зрения – он сразу почуял в ней доходную статью, решив по очереди стращать губернаторов, что у них отнимут конницу, и тем выманивая у них откупы.

7. Не надо непременно отдавать целиком крупных кочевников, как, например, шахсеван: можно было бы целиком отдать лишь /мелкие племена (багдади Векиля-эд-Доулэ). Сроки службы, ради накопления резерва кавалерии, могли бы быть установлены $3^{х}$ - $4^{х}$ летние.

Да и, кроме того, наши казаки вовсе не для командиров и несения административной и полицейской службы — это кадры и боевая конница: она может, кроме Тегерана, расходоваться только для самого Шаха, или же вся выходить под моим личным начальством.

8. Необходимо немедленно рассчитаться с Боровским окончательно – *мухаджиры* ходили к Боровскому с просьбою похерить их похоти. По $9^{ое}$ мая отпустим все по старому бюджету, а с $9^{го}$ мая, как то предлагает Наиб-эс-Сальтанэ, я ни на какие совместные расплаты с Маджд-эд-Доулэ не согласен.

9. Теперь же дать взаймы тысяч 20, дабы окончательно разделаться с *мухаджирами*.

10. Теперь же навсегда предоставить казакам место для учений вокруг лагеря – сколько ни бьюсь, ничего не делает Наиб-эс-Сальтанэ (л. 105об.).

Такого внимательного слушателя я ещё не встречал в своей жизни: Садр-Азам, казалось, хотел вскочить мне в рот. Когда я кончил и едва переводил дух от волнения, Садр-Азам сказал: «Дело ещё поправимо: завтра же утром поезжайте к Посланнику и, подтвердив от моего имени, что всё то, что Вы подозревали, совершенно справедливо и что я сам подтвердил все Ваши опасения, скажите Посланнику, чтобы он немедленно же написал письмо для извещения Шаха через того, кого Посланник уже знает – кто несколько дней тому назад уже обработал кое-что. Мне говорить самому о подчи-(л. 106)-нении мне бригады неудобно. Наиб-эс-Сальтанэ воспользуется случаем сказать, что я подкапываюсь под его власть. Равно неудобно начать настаивать самому на назначении Азис-Султана начальником *мухаджиров* – истолкуют, что я подкапываюсь под зятя Наиба-эс-Сальтанэ, Маджд-эд-Доулэ. А Вы скажите По-

сланнику, чтобы он первый обо всём этом написал тому лицу, про которое я только что говорил, чтобы Шах знал, что это ещё желание русского Посланника. Шах немедленно же потребует к себе меня, и я уже проведу это дело» (л. 106об.). <…>

После этого я встал и распростился. Когда я уже взялся за ручку двери, Садр-Азам снова остановил меня: «Как жаль, что Вы Ваши богатые способности принуждены здесь тратить на борьбу с дрязгами и происками, а также перебиваться из-за денег, следуемых бригаде». Я ответил: «Никогда мне не было тяжело биться из-за несвоевременных получек – я знал, что виною этому (л. 106об.) дурное состояние финансов страны, а что Вы сами готовы всею душою помочь нам…: видя обоюдную симпатию и полную готовность помочь, никакая работа не тяжела. Но горько и обидно бывает, когда видишь грязь, гнусность, каверзы, вероломство – тогда тысячи раз раскаиваешься, что приехал сюда…». Садр-Азам кратко пожал руку, и мы расстались друзьями.

От Садр-Азама я вышел в пять минут одиннадцатого – никогда никого он не задерживает так долго (л. 107).

Примечания

[1] Искажённое от *фардо бийай* (فردا بیای).

[2] Точнее – Султанат-абад. Последний представлял собой одну из самых значительных шахских летних резиденций. Располагался в округе Шемиран, примерно в 5 км от города, и включал в себя ряд дворцовых построек и роскошный сад. От всего комплекса сохранились только две постройки, оказавшиеся в расположении военной части (подробнее см.: *Шахиди-Мазандарани Х.* Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 295-299).

[3] Зергенде / Зарганде – небольшая деревушка в округе Шемиран, одна из целого ряда подобных мест, куда на лето перебирались представители всех иностранных миссий, работающих в Персии. Зарганде находилась под русской юрисдикцией, а всё её население – под русским протекторатом (подробнее см.: Зарганде // *Деххудо, ʻАли Акбар*. Лугат-наме / Ревайат-е севвом. Энтешарат-е Данешгах-е Техран, 2006 (CD version); *Чиркин С.В*. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 69-70).

[4] Собственноручно подписанный шахом указ.

[5] Sic!

[6] Вероятно, имеется в виду композит *чешмшур* (چشم شور), который означает «обладающий дурным глазом» (досл.: солёный глаз).

[7] Точнее – «Величие государства» (مجد الدوله).

[8] Внутренняя крепость Тегерана, в которую можно попасть, перейдя через мостик с площади Сабзе-мейдан. Здесь располагались дворцы шаха, Садр-Аʻзама, Наʼиба ас-Салтане, Российская миссия и т.д. (подробнее см.: Шахиди-Мазандарани, с. 111-113).

[9] Отак / Утак-е Незам (اتاق نظام).

[10] См. также л. 114.

[11] А.Н. Куропаткин даёт Амину ад-Доуле (امین الدوله) такую характеристику: «Министр почт и председатель государственного совета, на деле не существующего, Эминуд-Доуле кажется человеком довольно просвещённым, с европейским лоском. Держит себя с большим уменьем и достоинством, считается ревностным сторонником распространения в Персии форм европейской жизни. Пользуется некоторым влиянием на дела» (Всеподданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 24). В «Дневнике» тот же автор отмечает, что Амин ад-Доуле был богат и несколько раз ездил в Европу. Долгое время он имел только одну жену, которую старался одевать на европейский манер и постоянно возил на дипломатические приёмы. Огромный дом Амина ад-Доуле был оформлен в европейском стиле, в котором гость забывал о том, что находится в Тегеране (РГВИА Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 79–79об.).

[12] Капельмейстер Лемер занимался не только музыкальной частью – так, он, например, по приказу шаха занимался покупкой станков для патронного завода (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 19).

[13] Шайх Мухсен-хан (1820 – 26 августа 1899 г. по н. ст.), сын Шайха Казима-таджера. В начале своей карьеры служил в посольстве Ирана в Санкт-Петербурге. Затем – в посольствах европейских стран. Титул «Му'ин ал-мульк» пожалован ему в 1873 г. (позже – «Мушир ад-Доуле»). В ноябре 1896 г. стал министром иностранных дел (*Бамдад М.* Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Т. 3. С. 204-212).

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-30-35

С.А. Атанова

ИЗ ТУРКМЕНСКОГО АДАТА

Неопубликованная рукопись Г.И. Карпова

Георгий Иванович Карпов (9 декабря 1890 – 31 марта 1947) – туркменский советский историк и этнограф, руководитель Института истории, языка и литературы, заместитель председателя Президиума Туркменского филиала Академии наук СССР[1]. Он родился в российской глубинке в селе Караваинка, Царицынского уезда Саратовской губернии в крестьянской семье[2]. Проучившись в церковно-приходской школе в родном селе, Карпов продолжил образование в Камышинской гимназии, но не закончил обучения. За организацию революционных выступлений гимназистов он был исключён из гимназии и во избежание последствий отправился в Среднюю Азию. Георгий Иванович Карпов был активным участником революционных событий 1917 г., в 1920-х годах он был назначен на службу в Комиссариат внутренних дел Туркестанской республики. В 1921 г. Г.И. Карпов отправился в Туркменистан[3], где его карьера стремительно развивалась. Сначала он занимал должность председателя исполкома Туркменской области Туркестанской республики, затем был назначен заместителем наркома внутренних дел Туркменской республики, с 1926 по 1929 г. – член Президиума и секретарь ЦИК ТССР. Участвуя в административно-политической, хозяйственной и культурной жизни советской республики, Карпов успевал заниматься изучением этнографии и истории. Основав «Кружок изучающих историю, этнографию и археологию Туркменистана» в 1923 г., он активно публиковался в местной прессе, в 1925 г. подготовил к изданию работу касательно родоплеменного состава туркмен. Период научной деятельности Георгия Ивановича отмечен 1927 г., с создания Историко-краеведческого комитета при ЦИК ТССР, в сентябре в том же году вышел первый номер ежемесячного журнала «Туркменоведение», редактором которого он был[4]. В 1928 г. Г.И. Карпов создал и возглавил Институт туркменской культуры, позднее стал руководителем Института истории, языка и литературы[5].

Знание туркменского и узбекского языков помогало Георгию Ивановичу в проведении обширной исследовательской работы в Средней Азии. Туркменские советские источники признавали заслуги исследователя в изучении края. Одно из первых изданий «Истории Туркменской ССР», вышедшее из печати после смерти ученого, отмечает его вклад: «Большие заслуги в области развития советской исторической науки и этнографии в Туркменистане принадлежат также Г.И. Карпову[6]». Также упоминания Карпова имеются в энциклопедии «Туркменская Советская Социалистическая Республика» в разделах «История», «Этнография», «Фольклористика» и в других[7]. О вкладе Г.И. Карпова в науку сообщали М.О. Косвен и С.П. Толстов в некрологе (1947) в журнале «Советская этнография» [8]. В том же номере журнала опубликована статья учёного «К истории туркмен али-эли (ала-эль)»[9]. Следует отметить, что ранее в этом издании появились две статьи Г.И. Карпова «Гиляки Мазандерана» и «Этнографическая работа в Туркмении»[10]. Изучением профессиональной деятельности и научного наследия Карпова занимался Сергей Михайлович Демидов, чья работа «Г.И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана» является наиболее фундаментальным источником сведений о жизни и деятельности Георгия Ивановича Карпова[11].

Опираясь на собственные исследования и огромный массив собранной информации, Карпов подготовил солидное количество работ, посвящённых истории и этнографии туркмен. Основной массив трудов учёного

хранится в Национальном Архивном Фонде Туркменистана (НАФТ), в Архиве Академии Наук и в Редком Фонде Центральной научной библиотеки Академии Наук Туркменистана в городе Ашхабаде[12]: они делятся на опубликованные и неопубликованные. Известно, что дополнительные экземпляры некоторых рукописей Г.И. Карпова находятся в архивах Московского государственного университета (Москва) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург); копии архивных документов из Центрального государственного архива партийных документов Туркменистана обнаружены в личном архиве Ш.Х. Кадырова[13].

В 2019 г. коллектив российских исследователей подготовил статью «Неопубликованные рукописи Г.И. Карпова по этнографии туркменов в российских архивах», её авторы указывают на то, что «доступ к туркменским архивам затруднителен»[14] и сообщают, что они не посещали Туркменистан для проведения научно-исследовательской работы по архиву Карпова[15]. Коллективная статья «Неопубликованные рукописи Г.И. Карпова по этнографии туркменов в российских архивах» описывает научное наследие туркменского советского ученого из фондов и архивов в России. В противоположность этому настоящая статья впервые представляет неопубликованные труды Г.И. Карпова из туркменских архивов и фондов и таким образом предваряет последующее изучение работ учёного, хранящихся в Туркменистане.

В октябре 2017 г. по совету коллеги из Ашхабада мне посчастливилось обнаружить труды туркменского советского историка в Редком Фонде Центральной научной библиотеки Академии Наук Туркменистана[16]. Так началось исследование архива Георгия Ивановича Карпова, которое велось на протяжении 2017-2018 гг. Бóльшая часть архива представлена в рукописях, некоторые сопровождаются машинописным вариантом[17]. Всего в Редком Фонде насчитывается 106 работ. Также фонд располагает изданными публикациями Г.И. Карпова[18].

Представленный далее текст анализирует судебные практики Закаспийской области и на конкретных примерах показывает, как царские власти поддерживали нормы обычного права у туркмен. Примеры судебных дел взяты из «Сборника решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1903 год» [19] (далее «Сборник решений за 1903 г.») и «Сборника решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1904 год» (далее «Сборник решений за 1904 г.»)[20]. В обоих изданиях имеется множество судебных решений касательно гражданских и уголовных дел. В «Сборнике решений за 1903 г.» к «Гражданским делам» отнесены следующие иски: «О калыме», «Развод и расторжение браков», «О водворении женщин и детей», «Иски об имуществе», «Хун», «Тяжбы из-за земли и воды», «Кяризы, колодцы и такиры», «Разные иски»; к «Уголовным делам»: «Увоз женщин и девушек», «Изнасилование», «Оскорбление должностных лиц судебной администрации», «Скотокрадство» и «Обыкновенные кражи». Практически аналогичные судебные решения представлены в «Сборнике решений за 1904 г.» , среди которых к «Гражданским делам» относятся: «О калыме», «Отобрание женщин и детей», «Развод и расторжение браков», «Иски об имуществе», «Тяжбы о земле и воде», «Разные иски»; среди «Уголовных дел»: «Преступления против должностных лиц», «Должностные преступления», «Увоз женщин и девушек» и «Скотокрадство». Г.И. Карпов проанализировал в основном гражданские иски из нескольких категорий – «О калыме», «Хун», «О водворении женщин и детей» и «Развод и расторжение браков».

* * *

Из туркменского адата и о том, как покровительствовала последнему царская администрация Закаспийской области

Местное обычное право (адат) туркмен в период царского владычества (1879–1916) сохранилось в его нерушимом виде. Видно

это хотя бы из того, что как местные народные суды, так и областной чрезвычайный съезд судей бывшей Закаспийской области (созывающийся два раза в год) при рассмотрении бытовых дел в своих решениях поддерживали установившиеся нормы обычного права у туркмен в большинстве в угоду и пользу тем истцам, которые предъявили свои притязания по нормам адата. Так, например, по жалобе жителя аула Келята Урпека-Аман-оглы[21], предъявившего требования к своему зятю Чары-Джан-Али-Оглы по уплате части калыма в сумме 127 руб. 50 копеек, Чрезвычайный съезд «народных судей» 21 апреля 1903 года постановил «….Чары обязуется уплатить в месячный срок тестю Урпеку не только все 127½ рублей, но и сделать серебряное украшение жене и прибавить ещё 12 кранов… оговорив, что при невыполнении в месячный срок Чары должен быть выдержан под арестом месяц, а на неуплаченные деньги начислить % из 12 годовых…»[22]

Из приведённой выдержки видно особенное усердие «народных судей» в деле узаконения норм адата. Более того, съезд вводит новое своё дополнение к адату, в обычае туркмен оно практиковалось в прошлом, – обещание подвергнуть аресту на месяц, если Чары не выполняет одного из требований адата.

Второй случай. По делу жителя аула Геок-тепе № 1 Ак-Мамеда-Буруна о неуплате им части калыма, Чрезвычайный съезд постановил: «Ак-Мамед обязан поставить свою кибитку на кяризе Гюдюш[23] Дурунского приставства около кибитки Джулли-Товак-оглы с тем, чтобы последний наблюдал за тем, чтобы Ак-Мамед хорошо обращался с женой» (стр. 6. – подчеркнуто мной, *Г.К.*).

В одном из решений (1903 г.) видно, что суды рассматривали дела по требованию истцов о разводе «по неблагородству происхождения мужа дочери». В частности, по делу жителя аула Кара-Юрме б. [24] Тедженского уезда Анна-Курбан-Махтум-Дурды-Махтум-оглы (истец) видно, что последний принадлежит к группе «благородных» по происхождения, считал, что он потомок пророка и что его дочь Анна-Гюль не может быть замужем за «неблагородным текинцем» Тач-Сары-оглы (стр. 9).

Характерным для выяснения бесправия туркменки-женщины на своё имущество и своих детей в случае смерти мужа может служить дело, возникшее в Асхабадском «народном суде» о «выдворении вдовы с детьми к племяннику покойного её мужа». Суть дела заключается в следующем. Туркменка аула Асхабад Курбан-Солтан-Молла-Торе-кызы[25] заявила в суде, что она после смерти своего мужа имеет от последнего одного сына и трёх дочерей. Племянник покойного мужа, житель аула Махмал[26] некто Бекмурат- Нурре[27], предъявляет к вдове требование, чтобы она вышла за него замуж, т.к. он является ближайшим родственником покойного мужа. Вдова Курбан-Солтан-Молла-Торе-кызы отклонила притязания Бекмурада, указав, что он намерен жениться на ней, чтобы получить калым за её трёх дочерей. Асхабадский «народный суд», рассмотрев это дело (1903 г.), постановил, что согласно «шариата и адата она (вдова) должна жить не у Бекмурата, а у другого более близкого по мужу родственника, (у) Кучика-Карон-оглы, жителя аула Арчман…» Впоследствии оказалось, что Кучик «близкий» родственник не покойному мужу, а Бекмураду. И «народный» суд решает дело не в пользу вдовы, которая воспитала четырёх детей, а в пользу тех, кто претендует на получение права продать этих детей (стр. 16).

По делам о взыскании «хуна» (цена крови) характерен взгляд администрации области на этот обычай, выраженный в резолюции начальника области генерала Уссаковского (1903 г.) по иску Ходжи-Ораз-Мурад-оглы[28]. Суть дела заключалась в том, что Ходжа-Ораз-Мурад в 1900 году по мировой сделке (помимо суда, по адату) получил с одноаульца Мамед-Дурды[29] 500 туманов за то, что убил его брата Ишана[30]. Спустя 3 года волостная администрация возбудила против Мамед-Дурды уголовное дело. Суд решил «приговорить Кул-Мамеда[31] к 8-месячному тюремному заключению» (стр. 20-21).

Начальник области, утверждая это решение суда и постановление Чрезвычайного съезда народных судей, «заметил, что в данном случае с одного вола содрали две шкуры…» Иначе говоря, генерал Уссаковский против того, чтобы привлекать к уголовной ответственности убийц; он склонен был больше к тому, чтобы ограничиться уплатой «хуна» без вмешательства в подобного рода дела аульной администрации, тем самым предоставляя подобного рода дела на взаимную расправу заинтересованных в деле людей (сторон). А расправа в таких случаях, независимо от того, кто действительно виновен, решалась среди туркмен в пользу того рода или группы населения, которая имела влияние и силу в своём обществе.

В 1904 году в Атекском народном суде рассматривалось дело Аллова-Ага-Киши[32] и Ораз-Мурада, где, судя по содержанию дела, имел место факт обмена сестрами-девушками двух дейхан женихов без уплаты калыма и без согласия на то сестёр, выданных замуж в порядке обмена ими (стр. 3-4)[33].

Из дела Огуль-Джамал-Анна-Яр-кызы видно, что мать-вдова, выдавшая свою дочь замуж, до своего замужества (то есть вторичного выхода замуж) успела получить с зятя Рахман-Ильяса[34] только половину калыма за свою дочь. Суд решил, что «Огуль-Джамал после замужества своей дочери сама вышла замуж и тем лишила себя права на калымные деньги» (стр. 6).

В 1900 году Аксакал Огурли-оглы увёз жену Хан-Овез-Мамеда[35], Ак-Даратан-Хан-Гельды-кызы[36]. Первый муж потребовал от Аксакал-Огурли[37] уплату калыма в размере 140 туманов за увезённую жену. Последний согласился с этим требованием. Чрезвычайный съезд судей утвердил эту сделку и установил сроки выплаты калыма в размере 140 туманов (467 рублей) (стр.8-9).

Дейханин Айдогды-Кутты-оглы[38] одиннадцать лет оставался без жены, из-за неуплаты им ввиду крайней бедности части калыма (из 130 не уплатил 60 туманов[39]). Суд решил после выплаты недоданных 60 туманов в течение 6 месяцев[40]. При неуплате жена остается у своих родителей без возмещения со стороны последних расходов, сделанных Айдогды (70 туманов) (стр. 11-12).

В Тедженском суде разбиралось дело (1904) по иску Ишан-Кули-Шихни[41], предъявленному к жене покойного брата Дурдана-Аксак-кизы[42], заключавшемуся в требовании передать ему Ишан-Кули-Шихни калым, который получен братом вдовы Ювлы-Гельды[43] за выданную дочь этой вдовы. Суд решил: калым оставить в пользу вдовы как израсходованный ею на воспитание второй дочери и мальчика (только по этому случаю. – *Г.К.*), что касается «калымных денег от продажи его (матерью) второй дочери (то эти деньги) употребить на женитьбу мальчика Аман-Мурада» (стр. 13).

Аман-Мурад – сын Ювлы-Гельды и племянник Дурдана-Аксак-кизы[44]. «Целесообразность» решения вопроса Чрезвычайный съезд судей признал потому, что отец Аман-Мурада, Ювлы-Гельды, помогал своей сестре брата воспитывать двух девочек. Следовательно, калым за обеих девочек получил их дядя – брат матери (вдовы).

Следующий случай, относящийся к «праву на калым родственников, воспитавших сироту девушку», рассмотренный Чрезвычайным съездом «по одному делу» (стр. 4)[45], был решён в таком порядке: полученную сумму, калым от продажи девушки сироты, разделить на три равные части: «одна часть – приданое девушке, другая воспитателю (сироты) и третья хустару (родственнику)…»

Между шиитами и суннитами браки воспрещались по адату, с чем был согласен и «Чрезвычайный съезд» (стр. 21-22).

21/III – 1939 год
Георгий Карпов

Примечания

[1] Туркменский филиал Академии Наук СССР был открыт 7 апреля 1941 года; 9 ноября 1941 года был организован Институт истории, языка и

литературы. Открытие Академии Наук ТССР состоялось 1 июля 1951 года.

[2] Для более подробной биографии Георгия Ивановича Карпова см.: *Демидов, Сергей.* Г.И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана // *Вестник Евразии*. 2001. №3. С. 47-85.

[3] *Косвен М.О., Толстов С.П.* «Г.И. Карпов (1890–1947)» //Советская этнография. 1947. № 3. С. 161.

[4] История Туркменской ССР. Каррыев А., Кулиев О., Массон М., Росляков А., Ташлиев Ш., Чарыев Г. Том 2. Ашхабад, 1957. С. 677.

[5] *Косвен М.О., Толстов С.П.* Указ. соч. С. 161–165.

[6] История Туркменской ССР. Книга первая. Ашхабад, 1957. С. 11.

[7] Туркменская Советская Социалистическая Республика. Атамамедов Н. и другие (ред.). Ашхабад, 1984. С. 136, 304, 306, 312, 315, 421, 454.

[8] *Косвен М.О., Толстов С.П.* Указ. соч. С. 161–165.

[9] *Карпов Г.И.* К истории туркмен али-эли (ала-эль) // Советская этнография, 1947, № 3. С. 145–149.

[10] См.: Советская этнография. 1946, № 1.

[11] *Демидов С.М.* Г.И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана // Вестник Евразии. 2001. № 3 (14). С. 47–85. Как сообщают Брусина О.И., Наумова О.Б., Рощин М.Ю., Соловьева Л.Т. в статье «Неопубликованные рукописи Г.И. Карпова по этнографии туркменов в российских архивах», изучением архива Г.И. Карпова занимался Ш.Х. Кадыров. Г.П. Васильева в своей книге «История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке» посвящает Г.И. Карпову несколько страниц.

[12] С.М. Демидов также сообщает о наличии рукописей Г.И. Карпова в Редком Фонде (РФ) Государственной библиотеки им. Азади. Несколько работ Карпова имеется в РФ Государственной библиотеки Туркменистана.

[13] *Брусина О.И., Наумова О.Б., Рощин М.Ю., Соловьева Л.Т.* Неопубликованные рукописи Г.И. Карпова по этнографии туркменов в российских архивах // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, 2019. Выпуск 5. С. 218-233 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://vostokoriens.jes.su/S086919080006 798-4-1 (дата обращения: 06.06.2020). DOI: 10.31857/ S086919080006798-4.

[14] *Брусина О.И., Наумова О.Б., Рощин М.Ю., Соловьева Л.Т.* Указ. соч.

[15] Сообщение О.И. Брусиной, старшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН на семинаре, посвящённом творчеству выдающегося ученого Г.И. Карпова. Семинар состоялся 23 января 2020 года в Кабинете-музее этноархеологии им. С.П. Толстова в Институте этнологии и антропологии РАН.

[16] Исследование наследия советского туркменского ученого было продолжено в 2018 году.

[17] Наличие рукописного и машинописного вариантов позволяло в случае необходимости сверять правильность машинописного текста.

[18] Всего в библиотеке хранится 47 изданных публикаций Г.И. Карпова.

[19] Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1903 год (материалы к изучению быта и права туркмен и киргизов). Асхабад, 1910 г.

[20] Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1904 год (материалы к изучению быта и права туркмен и киргизов). Асхабад, 1910.

[21] У Карпова в написании -оглы и -кизы использованы как прописная, так и строчная буквы, в приведенном тексте представлено унифицированное написание со строчной. Аналогичное написание в «Сборнике решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1903 год» и в «Сборнике решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1904 год».

[22] Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1903 год. Асхабад, 1903 год. Так в тексте. Правильно: Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1903 год, Асхабад, 1910 год.

[23] Так в тексте. Правильно: Гюндюш.

[24] В данном контексте «б» вероятно означает бывший.

[25] В тексте Г.И. Карпова, как и в текстах «Сборника решений за 1903 г.» и «Сборника решений за 1904 г.», используется два варианта написания: «кизы» и «кызы».

[26] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1903 г.» Махмал кала.

[27] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1903 г.» Бекмурад Курре оглы. В тексте «Сборника решений за 1903 г.» представляется два написания Бекмурад и Баймурад.

[28] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1903 г.» Ханджи.

[29] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1903 г.» Кул Мамед Дурды оглы.

[30] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1903 г.» Юшана.

[31] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1903 г.» Кул Мамед Дурды оглы.

[32] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1903 г.» Аллова Ага Киши оглы.

[33] Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1904 год (далее Сборник решений за 1904 г.). Асхабад, 1910.

[34] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» Рахман Ильяса оглы.

[35] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» Хал Эвез Мамеда.

[36] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» Ак Дарсеман Хан Гельды кызы.

[37] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» Аксакал Огурли.

[38] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» Дейханин Айдогды Кутты оглы.

[39] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» – из 130 он (Айдогды Кутты оглы) уже уплатил 60 туманов.

[40] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» – уплатить в 6-месячный срок 55 туманов.

[41] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» – Ишан Кули Шихни оглы.

[42] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» – Дурдана Гельды Аксак кизы.

[43] Так в тексте. «Согласно Сборнику решений за 1904 г.» – Ювлы Гельды Аксак оглы.

[44] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» – Аман Мурад является сыном вдовы Дурданы Гельды Аксак кызы.

[45] Так в тексте. Согласно «Сборнику решений за 1904 г.» – страница 14.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-36-44

Т.А. Филиппова

«ЖЁЛТАЯ ОПАСНОСТЬ»

Гендерные образы в русской журнальной сатире эпохи Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Эдвард Саид, неоднозначный, но яркий исследователь западных культурно-исторических представлений о Востоке, не без иронии высказал мысль о том, что для европейского мужчины (путешественника, учёного, художника, литератора) восточная женщина всегда была «поводом и возможностью помечтать»[1]. В этом контексте примечательно и его умозаключение о том, что для западного государственного деятеля, политика, колониального чиновника и коммерсанта Восток часто представал в близких к сексизму категориях – как объект политического покорения, экономического проникновения, идеологического подчинения и культурного доминирования. Ибо общим психо-эмоциональным и культурно-историческим основанием подобных настроений, веками утверждавшихся в западной ментальности, оказались удобные Западу представления об особенностях Востока, его «эксцентричности, отсталости, молчаливом безразличии, его женственной проницаемости и пассивности»[2]. Эдвард Саид поясняет свою мысль следующим уточнением: «...Если Восток служил оправданием ориенталисту в его пренебрежении к современным народам Востока, то скрытый ориентализм потворствовал также и своеобразной (если не сказать возмутительной) мужской концепции мира»[3].

Эта традиция имела и своё культурологическое измерение – во многом она была заложена в заметках европейских путешественников и литераторов: женщины Востока обычно оказывались в них «порождением мужских фантазий о силе»[4], покорно ожидая своего «покорителя» и безропотно подчиняясь своему «владыке».

Деловитый натиск западных элит в «освоении» Азии на протяжении XVIII–XIX веков отличался рациональным прагматизмом, но при этом успешно опирался на изрядно мифологизированные массовые представления о потаённых эротических таинствах Востока и «свободе распущенного секса», якобы ему свойственной. Тем активней и успешней противоречивая смесь волнующих стереотипов и скабрезных клише, воспроизводящая соответствующие «гендерные» мифы о Востоке, использовалась западной пропагандой в политических и идеологических целях. Разумеется, под «Востоком» понимался не географический и не исторический субъект отношений с «Западом», а лишь обобщённый политико-культурный дискурс, неподатливый объект западного освоения или же своеобразный «продукт» приобщения Азии к достижениям европейской цивилизации.

Но даже когда обобщённый «Восток» (по мере его освоения) уточнялся в западных представлениях, дифференцируясь в цивилизационном, географическом, политическом или конфессиональном смысле, совокупная оценка его не слишком менялась. Исследователь этой темы Эндрю Уэткрофт упоминает о широко распространённом стереотипе «нравственной ущербности» Востока как о само собой разумеющемся основании его восприятия Западом. Более того, он поясняет, что в подобной клишированной трактовке азиатской специфики в европейском массовом сознании «сексуальные излишества и извращения занимали место дикости и варварства»[5]. И таким образом становились синонимичными им с точки зрения механизмов психо-исторического и культурно-антропологического восприятия.

Уточняющий взгляд на проблему, основанный на более широком понимании дискурса ориентализма, свободном от саидов-

ской монолитности, особенно – в применении в русской интеллектуальной и культурной традиции, предлагает Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе. В своей монографии «Русский ориентализм» он тонко и предметно подчёркивает имагологическую множественность «Востоков»[6] как более широкого и менее предвзятого репертуара образов восприятия, бытовавших в общественном мнении России (по сравнению в Западом) на протяжении столетий освоения ею «внутренней» и «внешней» Азии. В связи с этим – в применении к комплексу анализируемых нами источников – возможности интерпретации женской темы в исследованиях восточных сюжетов приобретают новые способы семантизации. А сама тема исследования гендерных образов «иного» обогащается причудливой стилистикой журнальных трактовок «женщины Востока», её реальной и надуманной сатириками роли в «делах мужчин» – от Жёлтого моря до Босфора и Дарданелл.

Мифологизация темы «восточного соблазна» была в определённой степени свойственна и русскому обществу, хотя оно, казалось бы, имело рядом свой собственный, конкретный и знакомый Восток, деловито осваиваемый Империей и превращаемый ею во «внутреннее» социокультурное пространство. Впрочем, параллельно бытовали и «заёмные» с Запада образцы и образы, особенно – по части визуальной репрезентации восточной экзотики. (Так, популярный на рубеже XIX–XX веков стиль «japones», прививший россиянам моду на *японскость*, был прямым заимствованием из Франции.) И здесь тема «женских» образов и гендерной риторики в целом проявились довольно ярко – в значительной степени из-за того, что культурные, идейные и художественные процессы эпохи вступили в мощный общественный резонанс с внешнеполитической реальностью.

Образ Японии и японцев в эпоху Русско-японской войны 1904–1905 годов (как частное проявление мифологемы «Врага с Востока») был в значительной степени обусловлен прагматикой государственных задач Империи, стратегиями её продвижения в Азии и укрепления позиций в Европе (в контексте соперничества с европейскими державами на Востоке). События Русско-японской войны 1904–1905 гг. вызвали в русском обществе бурный всплеск риторик враждебности в адрес дальневосточного соседа, закономерно отразившись в отечественной печати. Не ограничиваясь сатирической интерпретацией образа японца-воина, отечественная журналистика работала над созданием «дополнительных» объектов вражды, лишь усиливавших критику поведения противника. Политизация не только этнических, но даже гендерных характеристик врага становилась всё более типичной для сатирических стратегий авторов журнальных карикатур, фельетонов и стихов.

«Женская тема» в визуализации и транслировании риторик враждебности разнообразила приёмы достижения комического эффекта, весьма оживляя страницы ведущих, наиболее популярных в обществе сатирических изданий эпохи Русско-японской войны («Стрекоза», «Будильник», «Осколки»)[7]. В образном языке сатиры той поры отразилась позиция журналистов, оказавшихся между двумя модальностями – патриотическим отзывом на агрессию врага и критическим осмыслением собственных проблем России в условиях жесточайшего кризиса, порождённого политикой мировых держав и действиями собственной власти на Дальнем Востоке. Исток этой исторической двойственности восприятия – безотносительно к конкретному адресату враждебности – был глубоко укоренён, по мнению Ю.М. Лотмана, в отечественной культурной традиции[8].

Стилистика и метафорика создаваемых в этой сфере образов (в том числе и сатирических) опиралась на читательское восприятие популярных тогда и в Европе, и в России «японских мотивов», навеянных такими яркими художественными событиями, как роман Пьера Лоти «Мадам Хризантема» (1887) и опера Джаккомо Пуччини «Мадам Баттерфляй». Прихоть или символический жест истории? Опера, посвящённая трагической любви японки к западному мужчине, появи-

лась на мировой сцене в 1904 году. Однако в трактовке русских журналистов-сатириков «японка» получает принципиально новые «роли» на «подмостках» дальневосточной драмы. Что не удивительно: шок от внезапного нападения Японии и горечь поражений требовали новых, эффективных способов отреагирования психологической травмы, в том числе и с помощью сатирических форм – гротеска, шаржирования, карикатуризации врага[9].

В одном из первых номеров 1904 года, ещё до японского нападения, журнал «Будильник» помещает карикатуру с сюжетом, любопытным в плане тогдашних – довоенных – представлений русской сатиры о природе японской воинственности. На фоне восходящего солнца японка – усталая, вся в поту – пытается вкатить на гору огромный камень с надписью: «*Воинственное самомнение*». На вершине горы за этими изнурительными, но тщетными усилиями с улыбкой наблюдают представители европейских держав, включая Россию. Подпись под рисунком[10]:

Японская «Гейша». – Из сил выбиваюсь, чтобы вкатить на высоту мой «тяжёлый камень», а добрые «друзья» и соседи стоят да… потешаются!..

Целая серия подобных же рисунков, в изобилии появившихся в сатирических изданиях в первые недели войны, свидетельствовала о любопытном единодушии журналистов: именно «гейша» становится символом страны, переживающей резкое обострение воинственности[11].

Не отставали в этом смысле и поэты-сатирики, на все лады склоняя недостойное поведение «гейши» как символа японской продажности (в отношении Запада) и политической безнравственности (в отношении России)[12]:

У японки губы тонки,
Речи нежны и мятежны…
Чтобы гейшей быть милейшей –
Масса данных постоянных –
Но не птичке-невеличке
В сфере боя дать героя!
И, признаться, лишь родятся
Не ребята, а… цыплята!

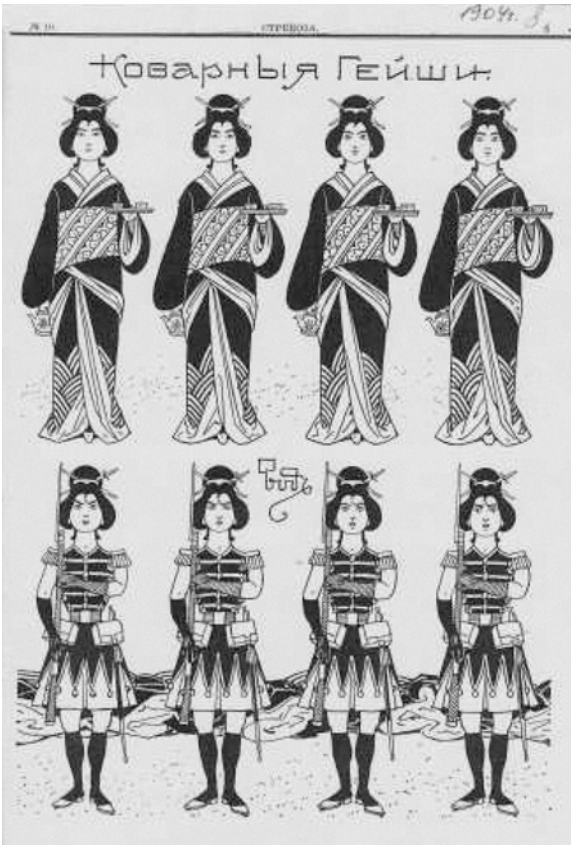

Рис. 1.

Итог первому месяцу боевых действий на Дальнем Востоке «Будильник» подводит рисунком на обложке очередного номера. Слева – бодрая, упитанная, решительная «*японская гейша в поход собралась*», а справа – растрёпанная, вся в синяках и рваном кимоно, со сломанным веером и босая стоит «*храбрая гейша после первых “побед”… у Порт-Артура*»[13].

В том же номере в заметке под названием «*Японские сказки*» сообщается:

«*Япония из заносчивого вояки превратилась в странствующего попрошайку, ищущего по всему свету денег. Но под дутые успехи, как под дутые векселя, никто раскошеливаться не хочет, и Гейша с вывороченными карманами сидит у моря, ожидая погоды… А в ожидании она должна заложить киримон (халат), и у неё останутся только веера, чтобы обмахиваться, когда русские зададут ей жара…*»[14].

Рис. 2.

Гейша-веер-кимоно – весь стереотипно-бытовой набор «японскости», проникший в обиход представлений о Стране восходящего солнца к началу XX века, охотно берётся на вооружение сатириками для принижения боевитости противника. Ироническое «подмигивание» читателю здесь ощущалось особенно явно. Плоский намёк на специфические функции гейши в японском обществе, помещённый в контекст войны, призван был не просто высветить инаковость общественного устройства и культурного уклада островной империи, но и подчеркнуть сугубую порочность этой инаковости.

Ритуал посещения «чайных домиков» – как «обычной» формы времяпрепровождения для японцев – охотно смакуется сатирической печатью и интерпретируется как ещё один признак сексуальной распущенности японцев, возведённой в норму.

«Будильник» заводит даже специальный раздел анекдотов «*Японки*». Вот пример журнального юмора на «женскую» тему:

– Милая Мяу-Мяу! Не скучно теперь тебе, когда муж на войне?..

– Как же не скучно! Я и так уже писала ему, чтобы на время войны он позволил мне поступить в чайный домик, там всё-таки мужчины, веселее…

И ещё:

– Я бы хотела стать гейшей!

– Что так?

– У гейши не только одного, а даже трёх мужей убьют, и то их, мужей-то, много останется!..[15].

В другом номере читаем фрагменты «*Из дневника японской гейши*», изображающие поведение этого излюбленного объекта сатиры во время войны (парадоксальная смесь сладострастия, наивности и цинизма):

…Интересно, целуются или не целуются русские казаки?..

…Тоска! Ужасно мало стало в нашем городе молодых мужчин!..

…Прочла в газете, что на японскую армию поставляются китайские девушки… Воображаю – кожа да кости! Боюсь, как бы наши герои не потеряли там эстетический вкус…

…Китаец, которого мне купило в мужья правительство, мне порядком надоел… Сидит и смотрит влюблёнными глазами, как на миску с рисом… Ходила справляться, не переменят ли мне китайца…[16].

Легкомысленная продажность и непристойный прагматизм в сфере интимных отношений, приписываемые японской нации как таковой, предоставляли выгодный повод оттенить высокие моральные качества русских воинов. Типичный образец такой игры на контрастах – рисунок в «Будильнике», на котором коленопреклонённая японка в традиционном кимоно пытается вручить своё пламенеющее сердце русскому моряку. Тот же – кремень! – с иронией взирает сверху вниз на смиренную «баттерфляй»[17]. На рисунке рядом та же японка – уже с иным, хищным выражением лица – обнимает щуплого, растерянного корейца, «*пленника в оковах под зорким наблюдением*»[18].

Критика хищного нрава миловидной, но «*бесстыжей гейши*» как сатирически выигрышный приём использовалась русскими сатириками и при описании драматического эпизода войны, вошедшего в историческую литературу как «Дело “Решительного”».

Русский миноносец под таким названием 29 июля 1904 года скрытно прибыл в нейтральный порт Чифу с депешей, в которой сообщалось о решении командования порт-артурской эскадры прорываться во Владивосток. Депеша через русского вице-консула была отправлена телеграфом наместнику на Дальнем Востоке в Мукден. В соответствии с полученным приказом корабль разоружился и – по правилам – спустил военный флаг. Однако японские моряки – в нарушение соблюдения международных норм разоружения – сделали попытку захватить корабль. В рукопашном бою были жертвы, но русским морякам удалось подготовить корабль к взрыву. При этом прибывший японский офицер получил пощёчину от лейтенанта М.С. Рощаковского, командовавшего миноносцем, и был сброшен им в воду ровно в тот момент, когда японцы начали поднимать на корабле свой флаг[19].

Скандал стал достоянием широкой общественности и поводом для журнальной карикатуры. На обложке «Будильника» мы видим, как «*бесстыжая гейша*» на фоне моря, стоя по щиколотки в воде, с довольным выражением лица прижимает к груди русский корабль, нисколько не смущаясь тем, что на щеке у неё пылает след от внушительного размера пятерни. Подпись под рисунком от имени «*гейши*» гласила:

– *Сразбойничав, добыла миноносец ценою русской пощёчины и европейского презрения… Хорошо бы теперь добыть крейсер такою же ценою: ведь другая-то щека у меня цела! Стыд не дым, глаза не выест*[20].

Не ограничившись изобразительным рядом, журнал комментирует «Дело “Решительного”» как ещё одно проявление того факта, что играющие в европеизацию «*японцы так же спешат отдалиться от культуры, как спешили приткнуться к ней*». Действия же русских моряков получают полное одобрение: «*По поводу подвига с “Решительным” Япония решительно насмеялась над цивилизацией, за что получила пощёчину по лицу*». Впрочем, грустно сетует «Будильник», «*для расходившихся дикарей никакие международные обычаи и законы не писаны, и никакими приёмами их пристыдить нельзя*»[21].

Рис. 3.

От критики поведения японцев в бою журналисты время от времени переходят к сатирической интерпретации японской повседневности, где роль женщины подаётся в неизменно саркастическом ключе. Излюбленной темой острот становится семейный быт и общественный уклад японцев. Фельетонисты упорно иронизируют по поводу японского брака, мол, каждый четвёртый кончается разводом. И это-де приветствуется властями, поскольку пошлины за развод идут на военные нужды[22]. Намекают сатирики и на то, что браки в Японии – замаскированная форма проституции, ведь за деньги можно «на время» пожениться и за деньги же потом легко развестись (и не раз!)[23]. Чужой бытовой и социальный уклад – как предмет осмеяния – становится в журнальных трактовках забавно нелеп и определён-

но порочен, как бы объясняя ущербную природу и самой японской государственности.

Впрочем, основания для такого отношения к японской повседневности сатирики в какой-то степени черпали из жизни, в том числе – из некритически осмысленного опыта тех путешественников, которым довелось посетить Японию и ближе познакомиться с нравами её жителей[24]. Представление об *иной* природе нравственности японского общества (а не об отсутствии её) нелегко усваивалось русским менталитетом, провоцируя глумливо-сатирические публикации в прессе военной поры.

Меж тем, бытовавшую в Европе традицию морализаторского восприятия института гейш и посещения их обиталищ подвергает критике в своей работе Джозеф де Беккер, справедливо отрицая за какой бы ни было расой «монополию» на добродетель или порок. Анализируя трёхсотлетнюю историю квартала публичных домов старого Токио (Эдо) – Ёсивара, автор, прежде всего, обращает внимание на традиции государственного контроля над деятельностью этих учреждения, на социокультурные обычаи – хорошие и дурные, сложившиеся вокруг них. «Японцам, которые могут посчитать Ёсивара позором Японии, я хочу заметить, что их страна не обладает монополией на порок. А иностранцам, с пафосом заявляющим об “аморальности японцев”, предложить почитать “Историю проституции” доктора В.В. Сангера. Вы не можете позволить себе слишком резко критиковать эту страну, поскольку вы не посмеете, положа руку на сердце, заявить, что только вы и ваша раса имеет монополию на добродетель»[25].

Специфику ряда моральных норм в Японии, восходящую к особенностям религии синто, где «Добро и Зло – понятия относительные», отмечает японский исследователь Оно Сокё, поясняя при этом, что в синто «оценка любого поступка с точки зрения нравственности зависит от обстоятельств, мотивов, целей, времени, места и т.д.»[26].

Со временем в русских сатирических журналах с удивительным единодушием утверждается общая стратегия карикатурной визуализации «жёлтой опасности» в женском облике. В женском воплощении выступает «жёлтая опасность» и во многих фельетонах. Два типичнейших примера такой «гендерной» персонификации дают обложечная карикатура «Будильника» и сатирический рассказ в «Стрекозе». Вышедшие в свет с интервалом почти в год, две эти работы схожестью своего содержания могли бы составить единую журнальную публикацию. Общность риторик вражды в них поразительна, свидетельствуя о прочности сформировавшегося в печати приёма стереотипизации образа.

На яркой, выразительной карикатуре «Будильника», появившейся в конце лета 1904 года под заголовком «*Предупреждение*», жуткого вида рыжеволосая ведьма («*война*») с горшком ядовитого варева в руках («*жёлтая опасность*») угрожающе надвигается на пять миловидных дам, символизирующих Италию, Францию, Испанию, Англию и Германию.

Рис. 4

В уста «*Войны*» автор вкладывает слова недвусмысленной угрозы[27]:

– *Берегитесь, милые европейки, как бы вы не «обожглись» об этот горячий горшок!..*

Похоже, создателям журнала одного карикатурного «послания» показалось недостаточным: они сопроводили рисунок строгой заметкой-поучением в адрес европейских держав, которым война должна была бы уже открыть глаза на «*жёлтую опасность*». Автор текста напоминает Европе, что её промышленники снабжали «*жёлтую опасность*» новейшими ружьями и пушками, обучали её новейшим способам боевых действий, финансировали военные приготовления… И что же? Теперь никто иной, как «*Россия сдерживает натиск желтолицых, стремящихся к всеазиатскому объединению против "европейских варваров". А культуртрегеры по-прежнему посмеиваются, забывая о собственной опасности…*». Отчего же забывают? Да потому, утверждает «Будильник», что азиаты – лучшие клиенты европейских фирм и фабрикантов оружия. Временная выгода не даёт Европе возможность увидеть перспективу направленных на неё пушек, когда-то ею же доставленных на Восток[28].

О том же в принципе предупреждает и фельетон «Стрекозы», опубликованный в самом конце лета 1905 года (когда, к слову сказать, в Портсмуте уже полным ходом шли переговоры, предварявшие подписание мирного договора) под названием «*Чем занята в настоящее время Европа*». Автор фельетона подробно описывается появление в популярных увеселительных заведениях Европы некой новой особы, прозванной «*жёлтой опасностью*» за странный цвет волос, и имевшей репутацию покорительницы мужских сердец. «*Женщины относились к "жёлтой опасности" весьма презрительно, в особенности две известные красавицы "Кики-черноглазая" и "Манон-мечтательница", имевшие очень богатых покровителей: одна — заводчика Металлургова, другая – старого банкира Финансова…*»

Нетрудно догадаться, чем в итоге обернулось дело в светском обществе, где мужчины носили столь назывные фамилии: «*Поссорив Металлургова и Финансова с их прежними "пассиями", она (*"жёлтая опасность". – *Авт.*) *уже завладела почтенными дельцами всецело, не давая им возможности "разбрасываться" в отношении расходов и сосредоточив все их расходы на одной себе*». Но мало того, в итоге вездесущие агенты «*жёлтой опасности*» разорили Металлургова с Финансовым и обобрали Кики и Манон – в пользу своей хищной хозяйки, разумеется[29]…

Рис. 5

Так «*жёлтая опасность*», порождённая, по мнению сатириков, Западом, становится для него же и потенциальной угрозой, и реальным бедствием. Параллельно продолжает развиваться и линия интерпретации «женской» роли Японии в контексте упрочения позиции Запада на Дальнем Востоке. «Джон Булль», традиционное воплощение британского империализма, в роли западного «лукавого доброжелателя» пытается соблазнить своими речами и дешёвыми посулами уже не столь наивную «японскую гейшу», символизирующую Японию. Подрисуночный

текст к сатирическому рисунку под названием «*Признание*» гласит: *«Дозвольте, прекрасная леди, сказать Вам, что я без войны побеждён Вами! Джон Булль – серьёзный джентельмен. Джон Булль любит Гейшу! Джон Булль подарит Гейше болонку, шоколад, кружевную накидку, и мы будем вместе царствовать над миром!»*[30].

Неоднозначность же самой темы, двойственность ролей, отводимых женскому воплощению Японии (жертва и агрессор) в западно-восточных коллизиях, лишь усилятся по мере приближения к концу военных действий и подписанию мира.

Чем важна и актуальна для современного исследователя эта тема? Тем, на наш взгляд, что частный культурологический сюжет гендерного толкования образов Японии в русской журналистике эпохи глобального Дальневосточного кризиса 1904–1905 гг. выводит нас на более широкую тему, которую можно сформулировать следующим образом: «гендерная» риторика образов Востока как парафраз специфических проблем его вестернизации.

Примечания

[1] *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. С. 293.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 319.

[4] К этому автор добавляет: «Таким образом, восточные народы связали с теми элементами западного общества (преступники, сумасшедшие, женщины, нищие), общим для которых была их характеристика как достойных сожаления чужих» *(Саид Э.* Указ. соч. С. 318, 626).

[5] *Wheatcroft A.* Infidels. A History of the Conflict between Christendom and Islam. L.: Penguin Books Ltd., 2004. P. 238, 276.

[6] *Schimmelpennink van der Oye D.* Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven & London: Yale Univ. Press, 2010. P. 9-10.

[7] Большинство перечисленных изданий с известной долей условности можно назвать журналами либеральной сатиры. «Доля условности» подразумевает то, что это был не «высокий», идейный либерализм уровня партийно-политической борьбы и думских споров, а «бытовой» либерализм (скорее – обывательское свободомыслие) интеллигентской массы, образованных горожан, читающей провинции. Идеология журналов не претендовала на серьёзное участие изданий в общественной жизни, но была, скорее, проявлением силового поля «политической озабоченности», столь свойственной русскому складу ума и души и лишь обострившейся в военное время, накануне Первой русской революции.

[8] *Лотман Ю.М.* Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9.

[9] Характерное наблюдение контр-адмирала Б.П. Дудорова «на злобу дня», подчёркивающее специфические функции присутствия японских женщин в Порт-Артуре: «В последнюю неделю перед войной позакрывались почти все японские лавочки и парикмахерские, а в последние дни стали эвакуироваться японские публичные дома. Японские девицы, «мусмё», построенные парами, как институтки, длинными вереницами шли днём через весь город грузиться на пароходы, обращая на себя всеобщее внимание». *Дудоров Б.П.* Флот и крепость // Порт-Артур. Воспоминания участников. https://www.bookol.ru/nauka/obrazovanie/istoriya/3818/fulltext.htm (дата обращения 11.04.2020)

[10] Будильник. 1904. № 2. С. 7.

[11] Стрекоза. 1904. № 10. С. 3.

[12] Будильник. 1904. № 9. С. 8.

[13] Будильник. 1904. № 9. С. 5.

[14] Будильник. 1904. № 9. С. 3.

[15] Будильник. 1904. № 17. С. 8.

[16] Будильник. 1904. № 47. С. 4.

[17] Стрекоза. 1904. № 19.

[18] Там же.

[19] Позднее захваченный японцами русский миноносец был восстановлен и под именем «Акацуки» участвовал в сражении при Цусиме. В тот трагический для России момент миноносец ещё раз продемонстрировал свой непростой нрав, протаранив и потопив… японский же миноносец (подробнее об этом эпизоде и реакции на него в России и мире см., к примеру: Истина о русско-японской морской войне. Т. 1. СПб., 1907; *Бубнов М.* Порт-Артур. СПб., 1907).

[20] Будильник. 1904. № 32.

[21] Будильник. 1904. № 32. С. 3.

[22] Осколки. 1904. № 25. С. 6.

[23] Осколки. 1904. № 30. С. 5; № 36. С. 5.

[24] Фрагмент из книги воспоминания Надежды Лухмановой был воспроизведён в журнале «Ро-

дина». См.: *Лухманова* Н. Было у отца два сына и два разочарования. Японцы и их страна по описаниям сестры милосердия // Родина. 2005. № 10. С. 103.

[25] *См.: Де Беккер Дж.* Гейши. История, традиции, тайны. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 9.

[26] *Оно Сокё.* Синто. Путь Богов. // Национальная религия японцев. Синто. М.: Крафт+. 2008. С. 144.

[27] Будильник. 1904 № 38.

[28] Будильник. 1904. № 38. С. 3

[29] Стрекоза. 1905. № 31. С. 5.

[30] Стрекоза. 1905. № 14. Обложка.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-45-61

С.Л. Кузьмин, С.В. Дмитриев

ДВИЖЕНИЕ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИИ ПОСЛЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Маньчжурский замысел

В период Синьхайской революции и некоторое время после неё имело место движение за сохранение, а затем – за восстановление на престоле маньчжурской династии Айсинь Гйоро. Сразу после революции главным публичным актором в этом движении была монархическая партия Цзуншэдан 宗社黨 (Партия верности престолу, официальное название *Цзюньчжу-лисянь вэйчи-хуэй* 君主立憲維持會 – Общество защиты конституционной монархии). Деятельность этой партии, состоявшей в тот период из разрозненных и плохо координируемых групп, была связана с рядом вооружённых инцидентов и заговоров. Надо отметить, что, судя по всему, далеко не все инциденты были следствием указаний руководства этой партии, а многие, возможно, просто приписывались монархистам местными властями.

Короткое царствование Юань Ши-кая и особенно его фиаско в начале 1916 года вызвали подъём деятельности Цзуншэдана. Немалую роль в то время играла Япония, стремившаяся нащупать новую точку опоры в своей китайской политике после превращения Юань Ши-кая, предыдущего прояпонского политика, в заведомо «хромую утку» с незавидными перспективами. На этом этапе монархическое движение почти не затрагивало собственно китайские провинции, а сосредоточилось на Маньчжурии и Внутренней Монголии. В последней шло широкое движение за независимость и воссоединение с Внешней Монголией. Монголы не желали входить в Китайскую Республику – национальное государство китайцев (ханьцев) и, соответственно, были заинтересованы в демонтаже республиканской власти. Некоторые монголы играли важную роль в движении за реставрацию династии. Помимо наличия заинтересованных кадров, смещение центра роялистской активности в Маньчжурию и прилегающие районы Монголии связано и с иначе оформляющимися интересами Японии – по крайней мере, в понимании части японской элиты, полагавшей верным отторжение северо-восточных регионов бывшей Цинской империи от Китайской Республики и создание там прояпонского государства. Монархическое движение монголов под руководством маньчжурских князей казалось многим удобным инструментом для достижения этой цели.

Российские архивы содержат ряд важных, но ещё не введённых в научный оборот материалов на эту тему, которые особенно ценны в связи с тем, что данная проблематика, из-за негативного отношения к монархической повестке с обеих сторон Тайваньского пролива, довольно скудно освещена в китайской историографии. В комментариях мы, по возможности, даём сведения об упоминаемых в документах личностях и топонимах. В случае отсутствия таких комментариев речь идёт или о широко известных лицах и топонимах, или о тех, которые установить не удалось. Немало важных (с точки зрения информантов авторов депеш) действующих лиц, которых нам не удалось идентифицировать, говорит о том, что перед нами не просто ещё один взгляд на события, а важные, до настоящего времени не изученные источники.

Как известно, в конце 1911 г. Внешняя Монголия под руководством её лидера Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII объявила о независимости от Маньчжурской династии. Недовольство происходящим в империи росло и во Внутренней Монголии. В декабре 1911 г. проживавшие в Пекине

монгольские князья Внутренней Монголии создали союз для противодействия введению в Китае республики и приняли резолюцию, адресованную Юань Ши-каю (тогда премьер-министру): если будет провозглашена республика, то все монгольские князья будут содействовать провозглашению Монголией независимости[1].

Перед самым падением династии, в январе–феврале 1912 г., ряд южно-монгольских княжеств оставался верен трону, не поддерживая китайских революционеров. Это совпадает по времени с периодом создания партии Цзуншэдан, убийства её руководителя Лян-би[2] и последующего отречения Маньчжурской династии. Часть маньчжурских и восточномонгольских князей уже в то время думала о создании независимого от Китая государства Маньчжурия-Монголия (условно обозначавшегося «Мань-Мэн 滿蒙») под протекторатом России и Японии[3].

В свою очередь, те маньчжуры, которые стремились к реставрации монархии Айсинь Гйоро, пытались использовать монголов, стремившихся избежать включения своей страны в Китайскую Республику.

Первым это сделал маньчжурский цинь-ван Гун (Пу-вэй)[4]. Задумав основать монархическое движение, он ничего не обещал монголам в обмен на поддержку и не был намерен гарантировать независимость Монголии[5].

Монголы сомневались в успехе действий этого цинь-вана ввиду крайней непопулярности Маньчжурской династии в Китае. Тем не менее, 17 января 1913 г. монгольское правительство отправило принцу Гуну такую телеграмму: «Монгольское правительство, выражая удовольствие по поводу Вашей телеграммы, уведомляет, что монголы, в целях сохранения своей религии, национальности, законов и обычаев образовали своё самостоятельное государство и уже единодушно провозгласили хана-эцзэна[6] и таким образом окончательно завершили организацию своего государства. Весьма рады узнать, что Вы, почтенный ван, сознавая, как события времени отторгнули Вас, и дорожа своим высоким происхождением, выражаете благородное стремление исполнить свой долг. Хотя наше государство в данное время ещё не вполне окрепло, но, сочувствуя Вашим справедливым стремлениям, правительство наше заявляет о своей помощи Вашему делу. Желательно было бы, чтобы почтенный ван, ознакомившись с нашей телеграммой, сообщили нам свой точный план»[7].

По-видимому, в ответ на это весной 1913 г. в Ургу приехал цинский сановник монгольского происхождения Шэн Юнь[8]. В 1911–1912 гг. он пытался с помощью войск провинции Ганьсу подавить восстание «новых войск» в Сиани, где они выступили на стороне революционеров. В начале 1912 г. он с войском двинулся из Сианя в Пекин. Юань Ши-кай послал ему телеграмму поддержки, но тут же приказал остановиться у заставы Тунгуань и не двигаться дальше[9]. Это внесло свой вклад в падение монархии. После отречения династии ганьсуские войска отказались продолжать войну, и он бежал под защиту иностранцев. «Находящийся в Урге бывший сянганский[10] губернатор Шэн Юн, которому правительство разрешило остаться в Урге, по частным слухам, предостерегает князей от слишком тесного сближения с Россией и уговаривает их присоединиться к маньчжурским монархистам, подготовляющим реставрацию империи с князем Гуном во главе»[11]. «Шэн-юн, бывший сянганский генерал-губернатор, прибыв с небольшой свитой в Халху, остановился в 100 верстах от Урги. Приехавший от него посланец заявил, что Шэн-юн хочет перейти на сторону монгольского правительства вместе с несколькими инами[12] алашаньских монголов и готов поддержать его в борьбе с Китайской Республикой и Юань Шикаем. Названного экс-сановника сопровождает десяток китайских чиновников и несколько алашаньских монголов в качестве делегатов, готовых признать суверенитет Хутухты[13]. Монгольское правительство, по-видимому, готово оказать гостеприимство китайским перебежчикам и допустить в Ургу, дабы подробнее ознакомиться с их намерениями»[14].

Шэн Юнь прислал Коростовцу письмо следующего содержания. В 1-м году правления Сюаньтуна[15] Шэн Юнь подал доклад о вреде предполагаемых конституционных реформ. Результатом стало его отстранение от должности, после чего он поселился в Сиани. После начала революционного брожения ему было поручено руководить военными действиями. Собрав в провинции Ганьсу 50 инов солдат, он двинулся с ними в провинцию Шэньси, где выдержал более 30 стычек с революционерами и отобрал у них 9 округов (перечислены). Затем Сюаньтун отрекся от престола. Шэн Юнь поселился в г. Синин[16], горя желанием отомстить за обиду императорскому дому. Зимой 1912 г. он услышал, что правительство России заключило соглашение с Ургой «и объединилось против Юань Шикая. Известие это меня крайне обрадовало, так как оно вполне соответствует моим желаниям». Тогда Шэн Юнь прибыл в Ургу, где удостоился милостивого внимания Богдо-хана за то, что остался верным сановником Цинской империи. «Моё предложение снова провозгласить императором Сюаньтуна, а из Маньчжурии и Монголии образовать два союзных самостоятельных государства, также одобрено Богдоханом. Горячо молюсь, чтобы план этот, от которого я никогда не откажусь, исполнился и был бы доведён до конца». Но цель соглашения Монголии с Россией 1912 г. была ему неизвестна. «Могу ли я питать надежду, что оно заключено с намерением способствовать восстановлению наследственных прав Дайцинской династии, или же оно преследует агрессивную цель? <…> Революция в Китае была на руку японцам, чтобы иметь повод вмешиваться во внутренние дела Китая, и если они не воспользовались этим обстоятельством, то только потому, что этому помешала смерть японского императора[17]». Западные державы могут вмешаться в дела Китая, но России это будет невыгодно. Многие маньчжурские и китайские принцы и сановники разъехались по странам Запада и Востока, может быть, они успешно агитируют за восстановление династии и найдут поддержку. Создается возможность восстановить династию. Шэн Юнь просил российское правительство тщательно взвесить все обстоятельства и сделать доклад своему императору[18].

7 апреля 1913 г. Шэн Юнь лично встретился с И.Я. Коростовцем. Последний телеграфировал в Пекин: «Посетивший меня сянганский генерал-губернатор Шэн-Юн заявил, что он приверженец Маньчжурской династии и считает происшедший в Китае переворот незаконным, а Юань Шикая узурпатором. Он намерен опереться на партию недовольных нынешним режимом для борьбы с республиканским правительством и надеется, что Россия, которая всегда поддерживала Маньчжурскую династию, поможет монархистам восстановить в Китае законный порядок. На мой вопрос, какими средствами располагают монархисты для задуманного переворота, Шэн признался, что у них нет ни денег, ни оружия. Он не мог также назвать вождей будущего движения. Монголам Шэн внушает мысль о необходимости содействия поддержать их домогательства относительно объединения всей Монголии и признаёт независимость монгольского правительства. В общем, фантастические проекты Шэна, например, образование из Монголии и Маньчжурии отдельного двуединого государства, находят сочувствие со стороны невежественных и легковерных монголов и вносят ещё большую путаницу и разногласия в среде здешних правителей»[19].

И.Я. Коростовец записал в своём дневнике, что Шэн Юнь был убеждённым и искренним человеком, надеявшимся на помощь России в восстановлении Маньчжурской династии, изгнании самозванца Юань Шикая и упразднении республиканского строя. Он говорил, что «в Китае много тайных приверженцев монархии и Маньчжурской династии даже среди нынешних государственных людей; за республику стоит лишь молодёжь». По мнению Коростовца, для России «пребывание Шэн Юня в Урге нежелательно, ибо он распространяет среди монголов разные фантастические проекты и вносит смуту в их умы»[20]. Попытки Шэн

Юня использовать Россию и Монголию для восстановления Маньчжурской династии к успеху не привели.

На фоне попыток восстановить Маньчжурскую династию президент Китайской республики Юань Шикай предпринял попытку установить новую – Ханьскую – императорскую династию с самим собой в качестве основателя. Как известно, эта попытка почти сразу потерпела крах, и Юань был вынужден «запустить процесс» своего отказа от престола. Незадолго до этого отказа – в начале 1916 г. – японский посланник в Пекине в разговорах с российским коллегой неоднократно ставил вопрос о том, что произошло бы в Китае в случае внезапного ухода Юань Шикая со сцены[21]. По словам японского посланника, наилучшим исходом было бы восстановление монархии в пользу кого-то из маньчжурских князей, из которых он упоминал цинь-вана Су[22], проживавшего в Дальнем и находившегося под японским влиянием[23]. В провинциях республики это могло найти сочувствие в силу ошибок центрального правительства, допущенных ранее. В Кульдже (Синьцзян) высшее управление сплошь состояло из выходцев далекой юго-западной провинции Юньнань – центра восстания против провозглашения императором Юань Шикая. Юньнаньцев ненавидели там за поборы и притеснения. Большинство населения сохраняло привязанность старой (Маньчжурской) династии[24].

Монгольский князь хошуна Южный Горлос[25] в беседе с японским корреспондентом сообщил, что съезд 24 монгольских князей из Внутренней Монголии представил Юань Шикаю записку, в которой содержалось требование восстановления Маньчжурской династии во главе с императором Сюань-туном (Пуи). В случае отказа князья готовы были отложиться от Китая и возвести Пуи на трон «объединённой независимой Монголии». По словам князя, президент сочувственно отнесся к записке съезда и обещал сообщить её лидерам восставшего юга. Уезжая из Пекина, князь Южного Горлоса вынес впечатление, что президент Юань Шикай морально покинут всеми своими приближенными[26].

С князьями Внутренней Монголии контактировали японцы. Согласно секретному источнику российского генконсула в Мукдене, цинь-ван Су, покинувший Пекин после отречения Пуи и постоянно проживавший в Дальнем, 2 июня выезжал в ставку князя Джеримского сейма Внутренней Монголии в сопровождении двух японцев. Туда же из Урги – столицы Внешней Монголии, в 1915 г. признанной автономией под сюзеренитетом Китая – выехал Шэн Юнь, имевший отряд силой якобы до 7 тыс. вооружённых монголов. Существовало мнение, что вопрос о провозглашении независимости Восточной Монголии от Китайский Республики близится к осуществлению, с чем связывали начало активной борьбы за реставрацию Цин, во главе которой стоял Шэн Юнь, который будто бы намеревался двинуться со своим отрядом на границы «Жэхэского дутунства[27] и Фэнтяньской провинции[28]». Снабжение боеприпасами джеримского князя происходило через Дальний[29].

Хотя данная информация в значительной мере не соответствовала действительности, это донесение, очевидно, отражало активизацию контактов японцев с монархистами во Внутренней Монголии, особенно если учесть, что Южный Горлос, где незадолго до того был съезд князей, находится в Джеримском сейме. Известно, что Шэн Юнь писал воззвания о необходимости восстановления Маньчжурской династии – с детальным описанием, как изменники Сунь Вэнь (Сунь Ятсен) и Юань Шикай уничтожили монархию, как Юань Шикай «коварным образом украл императорский престол»[30].

Отмечалось брожение и в Маньчжурии. В начале лета 1916 г. Лю Чжунли, начальник китайского полицейского отряда в Дашицяо[31], дезертировал, захватив значительную сумму казённых денег. Узнав о том, что власти принимают меры к его поимке, он вступил в контакт с членами Цзуншэдана и убедил их, что пользуется большим авторитетом среди населения и сможет предоставить в распоряжение партии более 10 тыс.

своих сторонников. Руководители Цзуншэдана – Лю Цзэчэнь, Энь Пу, Ван Гуаньсань и другие – поверили ему, надеясь на поддержку его якобы сторонников из 80 селений уездов Ляобянь, Хайчэн и Инкоу[32]. Они решили открыто поднять восстание силами в 110 человек, начав с «местности Тай-гунпу», где врасплох напали на взвод сельской полиции, у которого отобрали 15 винтовок, а затем – в «Чжан-гуан-тун», где отобрали у полицейских 16 винтовок и 1 револьвер.

Двигаясь далее на юг к Инкоу, они встретили отряд китайской полиции в 100 чел. и вступили с ним в перестрелку. Трое полицейских были ранены, отряд бежал. В Гоцзяпу[33] они обратили в бегство ещё один отряд полиции. Во время стычки у Дашицяо был убит Лю Чжунли. На этом инцидент и закончился[34].

В целом сведения об активизации партии Цзуншэдан стали поступать из разных городов Маньчжурии 6 июня 1916 г., в день смерти Юань Шикая. Одновременно сообщалось, что агитация эта особенно активно ведётся среди монгольского и маньчжурского населения в хошунах Внутренней Монголии и отчасти Барги (Хулунбуира)[35]. Вскоре Цзуншэдан получил значительную поддержку от монголов. После подписания Русско-китайско-монгольского соглашения в Кяхте в 1915 г. автономная Внешняя Монголия вынуждена была отказаться от идей реинтеграции с Внутренней Монголией, что, естественно, не могло быть воспринято с энтузиазмом с обеих сторон границы, отныне разделявшей монгольский народ. Один из командиров – Бавужав[36] со своим отрядом вернулся во Внутреннюю Монголию, где продолжил борьбу за независимость монголов от Китая. В начале июня 1916 г. по предложению цинь-вана Су Бавужав присоединился к «маньчжурской партии» и стал готовить наступление на Таонань-фу[37] для восстановления Маньчжурской династии. Японцы снабжали его оружием и деньгами[38].

В Хайлар[39] прибыли двое монголов и маньчжуров с тремя японцами для привлечения Барги к участию в восстановлении династии. Принц Су прислал Бавужаву своего родственника для присоединения к монархической партии[40]. В ставке Бавужава был восьмой сын цинь-вана Су – «Сян Хуй[41] в сопровождении 4–5 японцев». Бавужав согласился, по указанию японцев, двинуться к Таонань-фу. Предполагалось, что одновременно выступят все князья Внутренней Монголии, маньчжурские провинции и провинция Ганьсу. По словам цинь-вана, в Цзуншэдан вошли цицикарский и гиринский губернаторы; высокопоставленные чиновники в Мукдене, кроме Чжан Цзо-линя[42], сочувствуют ей.

Японцы доставляли Бавужаву оружие, патроны, одежду, провиант, деньги[43]. В своём сообщении монгольским сановникам Барги Бавужав заявил о том, что он и его солдаты не хотят быть рабами Китая, командировал «чиновника искать помощь иностранного государства». Су и Шэн Юнь одобрили это, получили от «иностранного государства» оружие, жалованье, провиант и прочее и присоединились. Несколько внутренних провинций якобы отделились от Китая и начали войну, чтобы «убрать воров и восстановить прежнее».

Итак, Бавужав заявлял о том, что его поддерживает Япония. Как видно, в своих декларациях он преувеличивал возможности Шэн Юня и принца Су, а также масштабы брожения в провинциях. 17 июня 1916 г. Бавужав со своим отрядом выступил на юг для восстановления Маньчжурской династии[44].

Появлялись сведения о финансировании деятельности роялистов. Сообщалось, что японская компания «Мицубиси-кайса» внесла 2 млн иен в общество приверженцев Маньчжурской династии для её восстановления в Китае[45]. Маньчжурские князья императорской крови в Южной Маньчжурии стали закладывать недвижимость в некий японский банк ради получения денег «на заговор» для реставрации династии. Воспользовавшись этим, Чжан Цзо-линь рекомендовал правительству объявить всю недвижимость маньчжурских князей в провинции Фэнтянь достоянием республики и сделать официальное предупреждение японским

банкам о том, что князья не могут ею распоряжаться.

Ячейки Цзуншэдана были в разных маньчжурских провинциях. Появились сведения, что в Южной Маньчжурии в разных местах есть до 10 тыс. вооружённых людей из Цзуншэдана, которые собираются соединиться с Бавужавом. Маньчжурские провинциальные власти принимали меры для перекрытия возможных путей наступления последнего. Несмотря на все сведения о поддержке японцами Цзуншэдана и Бавужава, министр иностранных дел Японии заявил, «что сведения об участии Японии в монархическом движении в Маньчжурии совершенно фантастичны»[46].

Стычки Бавужава с китайцами начались в конце июня. Одновременно из Дальнего в полосе Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) появились группы монархистов под предводительством Цзинь Динчэня, Шао Жунсюня и других, и начали агитировать в уездах, прилегавших к линии ЮМЖД[47].

В июле 1916 г. агент монархистов маньчжур Чжан, присланный в Северную Маньчжурию и Баргу для руководства пропагандой, заявил, что монархическое движение в Маньчжурии и Монголии организовано японцами для восстановления Маньчжурской монархии в составе трёх провинций Маньчжурии и Внутренней Монголии под протекторатом Японии. Япония снабжает монархистов деньгами и оружием, даёт офицеров-инструкторов, гарантирует успех движения. Во главе – князь Су. По словам Чжана, у монархистов имелось 15 тыс. обученных японцами солдат, всего предполагалось навербовать и обучать 30 тыс. с соответствующим числом резервов. Ведется пропаганда в маньчжурских войсках. Якобы уже обеспечено сочувствие генерала Сюй Ланьчжоу[48], Цицикар обещал воздерживаться от посылки войск против монархистов. Крупномасштабную военную операцию в Маньчжурии предполагается начать в августе, когда будут закончены все приготовления[49].

Бавужав сражался с китайскими войсками с переменным успехом. Одновременно действовали отряды Цзуншэдана. Следующие документы дают представление о деятельности монархистов в тот период.

«В начале августа на японской ст. Чанчунь было раскрыто пребывание вооружённых китайских монархистов. Ввиду этого, в некоторых китайских гостиницах японцами был произведён обыск, и было найдено и отобрано много винтовок, патронов и даже пулемёты французской системы. Предполагалось, что партия монархистов намерена была сделать нападение на китайский город Куаньчэнцзы. Одновременно с этим перед отправлением поезда со ст. Чанчунь на Дайрен в вагоне 1-го класса был убит выстрелами из револьвера неизвестный китаец. Убийца, тоже китаец, скрылся. Как выясняется, был убит главарь партии Цзуншэдан Шао Сяокан, причем убийство было совершено тайным военным агентом 1-й степени Гао Фынюанем, вследствие чего на этой почве возникли недоразумения японских властей с китайскими. Всего из японской концессии ст. Чанчунь выселено японцами членов партии Цзуншэдан около 500 чел. Всё же много их находится по-прежнему на японской концессии. В связи с этим, 11/VIII нов. ст. начальник военной обороны Пэйци-сюнь выезжал из Чанчуня в Гирин для обсуждения этого вопроса совместно с гиринским дуцзюнем[50] для сношения с японскими властями на предмет принятия строгих мер к выселению из пределов японской концессии оставшихся там членов партии Цзуншэдан. Китайцы упорно утверждают, что японцы выселяют часть монархистов со своих станций лишь для виду, а в действительности втайне покровительствуют им. Так, по сведениям, на полосе отчуждения у ст. Сы-пин-гай[51] Южно-Маньчжурской железной дороги в начале августа проживало до 200 чел. китайцев-монархистов, обучавшихся военному строю, причём начальниками их отряда являлись Ли-цзы-юнь и Мынцин-фын, которые раньше занимали офицерские должности в заднем отряде мукденских войск.

Японцы охраняют безопасность членов партии Цзуншэдан, запрещая китайским

солдатам входить в район станции вооружёнными. Что же касается района японской концессии в Чанчуне, то выяснено, что там находилось членов партии Цзуншэдан 1200 чел., причём фактически большинство из них были хунхузы, прибывшие в Чанчунь с исключительной целью грабежа и наживы. Чем и объяснялись меры, принятые против них японцами. Кроме того, в бюро партии Цзуншэдан города Чанчуня ощущался недостаток в деньгах, и двое из главарей этой партии, Вэй-хуа-сянь и Чжан-мын-цзю, собирались покинуть Чанчунь и ехать обратно в Дальний. В связи с этим среди партии Цзуншэдан в начале августа начали происходить несогласия и частью недоразумения, почему 6/VIII н. с. 10 чел. из партии Цзуншэдан были намерены отправиться обратно в Дальний и явились на японскую железнодорожную станцию для покупки билетов. Однако толпа, состоящая из членов партии Цзуншэдан, старалась воспротивиться их отъезду из Чанчуня. На этой почве в помещении билетной кассы японского вокзала произошла между ними перестрелка, и японской полиции с трудом удалось установить порядок. Во время перестрелки был убит один китаец и один ранен.

14/VIII нов. ст. из штаба артиллерийского полка был отправлен китаец-агент на японскую станцию Чанчунь для разведки и ознакомления с деятельностью монархистов, но был обнаружен одним членом партии монархистов, который обманом увёл его за станцию и застрелил. Труп убитого агента был обнаружен 16 августа нов. ст. 14/VIII нов. ст. ночью на 4-й западной улице Чанчуня было брошено две бомбы; у управления даоиня[52] брошено также две бомбы, которыми ранен один человек. Взрывы бомб вызвали тревогу среди местного населения и властей. Военными и гражданскими властями дано распоряжение полиции и войскам принять меры к розыску бомбистов и предупреждению подобных случаев. Даоинь имел переговоры с японским консулом и добился согласия на воспрещение японцам появляться в китайском городе после 10 часов вечера, ввиду введения усиленной охраны. 18/VIII нов. ст. гиринский дуцзюнь получил секретное донесение начальника военной обороны Гирин-Чанчуньского района, в коем сообщается, что главарь партии восстановления Дайцинской династии ныне убит, многие из означенной партии уехали из Чанчуня, и что японскими властями приняты строгие меры к выселению оставшихся на японской концессии членов партии Цзуншэдан. Почему в скором времени можно надеяться на восстановление порядка и спокойствия в Чанчуне».

Уездный начальник Бинцзянского[53] уезда в начале августа получил секретную телеграмму от гиринского губернатора следующего содержания: «По донесению тайного агента, японцами из Дальнего доставлено в Чанчунь более 1000 чел. членов партии Цзуншэдан, они снабжены полным вооружением из японских складов, некоторые из прибывших лиц партии Цзуншэдан отправлены в разные места провинции для агитации. По донесению того же агента, в Харбин отправлено более 200 лиц названной партии для той же цели, каковые и проживают тайно в разных местах города, пропагандируя среди населения. Ввиду этого, предписывается командировать чиновника для разведки и тщательного сыска за действиями членов партии Цзуншэдан в Харбинском районе». По получении означенной телеграммы начальник уезда Бинцзянсянь предписал чиновнику разведки Бао Жуйганю организовать строгий надзор как в Фуцзядяне, так равно и на пристани за членами партии Цзуншэдан, и о всех происходящих событиях доносить в уездное управление. Посланный чиновник Бао Жуйгань донёс начальнику полиции Фуцзядяна, что в Харбин, действительно, прибыло более 200 китайских повстанцев, каковые тайно разместились на пристани по различным местам. Прибывшими повстанцами руководили японцы[54]. «Означенные повстанцы действуют совместно с монгольскими повстанцами и намерены двинуться в Фуюйсянь[55] для соединения с монголами для захвата города в свои руки»[56].

«На японской концессии в г. Чанчунь находилось до тысячи монархистов, из кото-

рых половина была рассеяна войсками, но 500 чел. остались. 14 августа ночью 100 монархистов напали на 1-й ин соляной монополии у м. Мэнцзантун[57] у Чанчуня, убили четырёх солдат, ранили двоих, отобрали 40 новых ружей, 20 тыс. патронов, восемь лошадей. Всё это они увезли через японскую ст. Сыпингай в комитет монархистов. 22 августа поступило донесение, что 3-й ин конного полка 3-й Гиринской смешанной бригады у Чанлин-сяня[58] у м. Гоцзядян[59] имел стычку с более чем 80 монголами. Убито 2 солдата, ранено 3. Из китайских войск происходит дезертирство»[60].

9 сентября в Фуцзядяне началась тревога: из Чанчуня прибыло 600 монархистов, вооружённых винтовками и револьверами; они каждый вечер мелкими партиями под видом покупателей входили в лавки и грабили. Монархисты в Фуцзядяне вели агитацию за вступление в их партию. Они раздавали следующее воззвание: «Воззвание фельдмаршала армии восстановления Дайцинской династии наследственного 1-й степени графа Шао Жунсюня[61] и командующих войсками представителей пяти народностей (монгол, маньчжур, китайцев, магометан и тибетцев). Император Сюаньтун, испытывая чувства сострадания и сожаления к народу, смиренно отказался от престола, уступив власть над Поднебесной всему народу. Но, как было в древние времена, так и в наше время есть государственные бунтовщики, называемые изменниками или врагами государства. Наше народное войско считает своим долгом поднять оружие для подавления этих изменников и, действуя во имя этой идеи, не может не одержать победы. Наши единомышленники являются единоутробными гражданами государства, наши противники – врагами государства. Враги государства есть в то же время враги всего народа, которых каждый может и должен истреблять. Настоящее движение наших войск зиждется на одном лишь стремлении – подавить противников и уничтожить врагов народа. Надеемся, что единоутробные братья, воодушевлённые энергией, глубоко продумают и вразумятся нашими речами, придав им должное значение. Объединяйтесь все единодушно для веления Неба, наказывающего преступников. Восстановим Дайцинскую династию на прежних началах. Всеми силами постараемся создать крепкие основы и установим непоколебимое благополучие Поднебесной на благо и счастье нашего отечества. Дайцинская династия. 8-й год правления Сюаньтуна»[62].

В сентябре повстанцы потерпели несколько поражений от китайских войск. Об этом имеется следующее донесение: «Японцы согласились на просьбу китайских властей, чтобы входившие в монгольский отряд китайцы-монархисты, члены партии Цзуншэдан, были бы обезоружены, но в то же время поставили условием, что этим китайцам-монархистам не будет причинено никакого вреда. Из обезоруженного около Янцзядачэнцзы отряда Цзуншэдана, после доставления их в Гунчжулин, 20 офицеров японцы отправили на родину, а нижних чинов в числе 704 чел. наняли на работы на Фушуньских копях[63] и в порту Дальнем. 7 сентября по железной дороге в Дальний отправлены были ещё 253 чел. Цзуншэдана. Всем им выдано по 19 долларов от китайского правительства. Несколько сот ограбленных ими в уезде Хуай-дэ-сянь[64] лошадей возвращены были прежним владельцам. Вооружение повстанцев передано китайским властям. <…> Китайскими властями точно установлено, что вооружение монгол и монархистов доставлялось исключительно из Дальнего. Так, в последнее время было доставлено им 8 пулемётов. Раненые монголы в числе более 60 чел. до сих пор находятся на излечении в японской больнице на ст. Гоцзядянь. <…> Главарь монархистов Цзинь Динчэнь в конце августа нов. ст. покинул с 280 членами своей партии ст. Сыпингай, направляясь в уезд Сифынсянь[65], но на пути в м. Сясаньтай[66] был неожиданно атакован действующим против монголов гиринским отрядом и наголову разбит, причем убито 80 чел. монархистов, остальные были захвачены, убежать удалось только 10 чел., которые возвратились на ст. Сыпингай с просьбой о помощи.

Начальник уезда Итун-сянь[67] 18 сентября нов. ст. получил телеграмму от командира 1-го пехотного полка 2-й Гиринской смешанной бригады с сообщением, что, по донесению тайного агента 14 сентября нов. ст., из Дальнего в Гунчжулин прибыла партия монархистов в количестве 2000 чел. Прибывшие монархисты, якобы, расположились в полосе отчуждения железной дороги и охраняются японской администрацией. По получении телеграммы начальник уезда немедленно же отдал распоряжение по войсковым частям и полицейским участкам принять усиленные меры предосторожности и учредить строгий надзор за прибывающими лицами и их действиями. 18 сентября нов. ст. начальник уезда Итунсянь получил телеграмму от гиринского дуцзюня с подтверждением сведений о прибытии из Дальнего в Гунчжулин партии монархистов. Монархисты, якобы, вооружаются японцами, которые оказывают им полное содействие и покровительство в этом. Дуцзюнь, сообщая о сём, предлагает уездному начальнику принять меры к усилению охраны границ его уезда, дабы этим, в случае надобности, дать надлежащий отпор монархистам. 7 сентября нов. ст. итунсяньский уездный начальник, временно состоящий чиновником по делам обороны, получил телеграфное предписание гиринского дуцзюня отдать распоряжение войскам, полиции и милиции своего уезда ни в коем случае не принимать никаких действий против монархических банд, имеющих в составе японцев, как бы такие банды ни бесчинствовали и какие бы ни производили опустошения, если их действия не происходят в пределах уезда.

Начальник обороны Гирин-Чанчуньского района 11 сентября нов. ст., по совещании с начальствующими лицами Чанчуня, отдал следующее распоряжение: "Обратить особое внимание на охрану западной стороны города Чанчуня по тем причинам, что на северной стороне Чанчуня расположена японская концессия, где проживает множество японских подданных, и, если бы монархисты начали нападать с этой стороны, то китайские войска, во избежание нанесения потерь японцам, не могут встретить их огнём. Западная же сторона Чанчуня, находящаяся недалеко от ст. Мынцзятунь, где японцев находится мало, в ином положении, и в случае нападения разбойников с этой стороны китайские войска могут встретить их огнём без ущерба японцам"»[68].

В конце сентября 1916 г. руководители Цзуншэдана – Ли Банъянь, Ван Хайчунь и другие прибыли из Шанхая в Чанчунь и тайно учредили комитет для подготовки нового восстания. Всем поступавшим в их партию на левой ноге якобы ставилось клеймо «цзун-шэ». Кто мог выполнять обязанности офицера, тому добавлялся еще иероглиф «сяо» 校 (офицер), и платили 30 долл. в месяц, а остальным добавляется иероглиф «цзюнь» 軍 (армия, солдат, военный), и платили по 15 долл. в месяц. Сообщалось, что вступающих в партию много, но преимущественно всё это малоимущий и преступный элемент, ищущий лёгкой наживы или пропитания. Начальник Гирин-Чанчуньского района обороны принял меры к усилению охраны. Вследствие прибытия в Харбин большого числа членов Цзуншэдана, пропагандирующих идею восстановления Маньчжурской династии, начальник полиции Фуцзядяня для обнаружения монархистов в Фуцзядяне в конце сентября установил цензуру писем на китайской почте. Сообщали, что проживавший в Дальнем один из руководителей монархистов Цзин Динчэнь[69] готовится к новому выступлению и что для этого им вызван в Дальний проживающий на ст. Сыпингай его сторонник Люй Сянъян.

18 октября начальник обороны Гирин-Чанчуньского района получил следующее предписание гиринского дуцзюня: «По донесению тайного агента, в районе Сицзяхуан Чанчуньского уезда организовано тайное общество "жёлтого барана" (хуян-ян-цзяо[70]), которое пропагандирует среди тёмного населения, что монархический строй гораздо лучше республиканского, так как республика не даёт процветания народу и вносит только различные беспорядки, между тем как монархическое государство во главе с

императором внушает к себе уважение и одинаково даёт всем благо. По сведениям, это общество имеет большие успехи среди некультурного населения, и, если не принять строгих мер к пресечению его действий, то неизбежны новые бедствия. Ввиду этого предписывается принять необходимые меры».

Начальник обороны по получении этого предписания немедленно приказал квартировавшему в м. Сицзяхуан отряду принять энергичные меры по поимке и уничтожению членов этого общества. 27 сентября в Нининцзы уезда Чантусянь[71] местной полицией совместно с китайскими войсками была разбита появившаяся там и производившая грабежи и насилия партия монархистов в 100 чел. Убиты руководители монархистов Лу Линхао и Сяо Хэйшоу и три члена партии, ранено более 10 чел., захвачено одно красное знамя с надписью «8-й год правления Сюаньтуна» (1916) и более 10 российских винтовок[72].

В октябре 1916 г. Бавужав погиб в бою. Его отряд выбрал нового командующего, перезимовал и в мае 1917 г. захватил столицу Барги – Хайлар. Там были вывешены флаги с драконом – цинские вместо прежних республиканских китайских. Все члены отряда были монархистами и действовали на основании получаемых от цинь-вана Су указаний[73]. Далее отряд разделился на четыре, во главе каждого из которых стоял свой фактически независимый командир. Монгольские повстанцы[74] продолжали сношения с китайскими монархистами. В связи с этим «мукденский дуцзюнь предписал установить строжайшее наблюдение за приезжающими в Ляоюань-сянь»[75]. По китайским агентурным сведениям, из Дальнего уже выехало в район Таонань – Ляоюаньсяня до 20 монархистов[76].

Центральное правительство Китая сообщило цицикарскому губернатору Би Гуйфану[77] о предполагаемом соединении отряда монархистов с отрядом монгольских повстанцев, зимовавших на р. Халх-гол (Халхин-гол) и предложило ему с наступлением тёплого времени принять меры для уничтожения повстанцев, для чего сформировать ещё одну кавалерийскую бригаду на средства населения провинции путём нового налога на землю[78]. Но это сделано не было. Одной из причин было то, что Россия возражала против ввода китайских войск в Баргу[79], который противоречил бы русско-китайскому соглашению 1915 г. о Барге (определявшему её фактически автономный статус). Одновременно Россия убеждала главу Барги – Шэнфу[80] удалить харачинов с р. Халх-гол (Халхин-гол) и агитаторов-монархистов из Хайлара[81].

В феврале 1917 г. цинь-ван Су говорил монгольским повстанцам, что «монархическая партия имеет целью восстановление Цинской династии и что для осуществления этой цели сделано уже более половины работы. Партия эта работает при содействии и покровительстве Японии и имеет в виду образование монархии, в которую должны войти все части Китая, лежащие к северу от Хуанхэ. По словам Су-цин-вана, они имеют успех не только в Маньчжурии, но и в собственно Китае, и что, будто бы, даже нынешний мукденский генерал-губернатор Чжан Цзолинь ныне перешёл в эту партию, в подтверждение чего Су-цин-ван указал на то, что Чжан Цзолинь поехал в Японию. Су-цин-ван далее пояснил, что находящиеся на границе Хулунбуира харачинские отряды являются его приверженцами и служат делу восстановления династии»[82].

Под влиянием слухов об успехах монархической партии на юге Маньчжурии и о надеждах на поддержку Японией власти Барги решили войти в контакт с монархистами. Для этого они послали в Порт-Артур и к принцу Су двух чиновников для ознакомления с делами монархической партии. Шэнфу в письме на имя Су заявил о «сочувствии Барги делу восстановления Маньчжурской династии»[83]. Су принял их и сообщил, что цель монархической партии – восстановление династии, половина работы уже сделана. Партия работает под покровительством Японии. Он сказал, что харачинские отряды на границе Хулунбуира – его приверженцы,

просил оказывать им содействие. Обещал отдать им распоряжение не причинять вреда Хулунбуиру, не проживать в Хайларе в большом количестве. Затем баргуты заехали в Дальний, где находился штаб монархической партии. Штаб возглавлял японец Н. Кавасима[84]. Он предложил Хулунбуиру присоединиться к этой партии и бороться с республикой, баргуты от этой партии смогут получить оружие и патроны, столь им необходимые[85].

Стоит отметить, что в этом документе мы впервые встречаемся с упоминанием Кавасимы – возможно, ключевой фигуры замысла, кажется, во многом направлявшей своего давнего друга – принца Су. Не исключено, что именно ему принадлежала идея частичного – на базе более преданных монархии маньчжурских и монгольских земель – возрождения монархии и привлечения к этой задаче монгольских отрядов.

МИД Китая был сильно встревожен известиями о монархическом движении в Маньчжурии и особенно в Хулунбуире, «органами которого являются монгольские банды, руководимые японцами»[86].

Однако этими «бандами» дело не ограничивалось. Например, известный своей оппозицией центральному правительству и фэнтяньскому дуцзюню командир 28-й дивизии Фэн Дэлин, находившийся в г. Бэйчжэнсянь[87], вступил в тайные сношения с маньчжурской монархической партией, представитель которой Му Юаньци, проживавший ранее в Дальнем и принимавший участие в формировании военного отряда под руководством принца Су, приехал к нему и был встречен с радушием. Его приезд связывали с вступлением в ряды монархистов «мятежного полковника Тан Юйлина»[88], который, будто бы, уже успел получить звание командира «2-й маньчжурской армии»[89].

Весной с появлением травы монгольские повстанцы получили возможность успешно использовать в боевых действиях конницу. 11 мая 1917 г. они захватили столицу Барги – Хайлар. После захвата город был украшен цинскими флагами. Основные требования повстанцев состояли в замене в управлении Баргой представителей даурского меньшинства таковыми монгольского большинства и признания цинской монархии[90].

Монгольские повстанцы, следуя монархическому курсу, распускали «слух, что в случае победы монархистов и восстановления династии Дайцинов к Монголии отойдут все три провинции Маньчжурии, что объединенные Монголия с Маньчжурией будут самостоятельными и будут процветать под покровительством Японии»[91]. Уверенность им придавали уверения японцев и принца Су в успехе монархического движения в Китае, а затем – реставрация Маньчжурской династии на престоле в Пекине генералом Чжан Сюнем 張勳 (1854–1923) летом 1917 г. Однако восстановленная монархия продержалась всего 11 дней.

Провал реставрации и нехватка ресурсов делали своё дело. Военные власти Цицикарской провинции вели с харачинами переговоры об их переходе на китайскую службу[92]. Стала меняться и позиция японцев. Министр иностранных дел Японии заявил российскому послу в Токио В.Н. Крупенскому, что к японскому консулу в Цицикаре явился делегат находящихся при харачинах японцев и заявил, что все они, 13 человек, готовы покинуть Баргу, как только определится судьба харачинов[93].

Японцы не возражали против перехода харачинов на китайскую службу. Пока же харачинские отряды в Барге, лишённые необходимого обеспечения, занимались масштабными грабежами населения. Надо отметить, что продовольствование высланных из центра войск в Монголии в то время ложилось обузой на местное население.

Отношения харачинов с русскими стали ухудшаться. 17 сентября 1917 г. совместными действиями баргинских и российских войск монгольские повстанцы были изгнаны из Хайлара[94]. Их история в течение короткого периода после этого связана с грабежами, локальными стычками с китайскими провинциальными войсками, переходом частью в провинциальные войска, частью к мирной жизни.

Итак, в Маньчжурии и Внутренней Монголии после Синьхайской революции в той или иной мере сохранялись настроения в пользу реставрации Маньчжурской династии. Наличие этих настроений среди монголов было связано с их стремлением избежать китайской (ханьской) ассимиляции, главная угроза которой исходила от Китайской Республики, а также с традиционным укладом жизни, который делал их устойчивыми в отношении республиканской пропаганды. Партия Цзуншэдан старалась использовать это стремление для прихода к власти хотя бы в части Китайской Республики. Попытка Юань Шикая стать императором (а особенно её неудача) вызвала подъём движения за восстановление власти Пуи, кульминацией чего стала авантюра Чжан Сюня летом 1917 г. После поражения генерала монархические настроения среди маньчжуров и монголов сохранялись, но существенных результатов не давали. Их использовали для своих целей японцы, цели которых менялись в зависимости от ситуации. Поддержка японцев была весьма важна для монархистов, не имевших достаточных собственных ресурсов.

Яркими фигурами монархического движения того периода, кроме монгольских военачальников типа Бавужава (чья деятельность, конечно, всё-таки не может быть описана лишь в рамках цинского роялизма), стоит назвать принца Су и его друга и советника Кавасиму. Возможно, в их кругу в полной мере оформилась идея монголо-маньчжурской монархии во главе с представителем дома Айсинь Гйоро под покровительством Японии. Несмотря на то, что в период, рассмотренный в данной статье, эти планы казались фантомными, в будущем именно они на некоторое время воплотились в жизнь, и установление власти Пуи в государстве Маньчжурия (Маньчжоу-го) в 1932 г. по настоянию японцев было оформлено не как продолжение цинского правления, а как начало новой династии в новом государстве. Степень же «марионеточности» и обречённости такого рода государств, учреждаемых при соседской помощи, отнюдь не всегда может быть предсказана заранее даже непосредственными участниками их созидания. Но этот вопрос выходит за пределы данной статьи.

Примечания

[1] Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 761. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 313. Л. 58–59.

[2] Айсинь Гйоро Лян-би 愛新覺羅良弼 (1877–1912). Член правящего дома, получил военное образование в Японии, где был известен своими яростными дискуссиями со сторонниками революционных преобразований. С 1906 г. – глава военной академии в Баодине. В 1910 г. возглавил императорскую гвардию, но потерял пост в конце 1911 г. с приходом к власти Юань Шикая.

[3] *Boyd J.* Faith, Race and Strategy: Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945. PhD Thes. Mudroch Univ., 2008. P. 114-115.

[4] Айсинь Гйоро Пу-вэй 爱新觉罗溥偉 (принц Гун, Гун цинь-ван 恭親王) (1880–1936). Член правящего дома, был одним из кандидатов на трон после смерти императора Цзайтяня (1908 г.). После прихода к власти Пуи был в числе противников Юань Шикая, после свержения монархии при японском покровительстве участвовал в многих планах монархической реставрации. Рассматривался в качестве кандидата на престол Маньчжурии после образования японцами Маньчжурского государства.

[5] Телеграмма российского уполномоченного И.Я. Коростовца из Урги министру иностранных дел С.Д. Сазонову от 21 января 1913 г. // АВПРИ. Ф. Китайский Стол. Оп. 491. Д. 567. Л. 21–23. Иван Яковлевич Коростовец (1862–1933) – дипломат, в 1890-1894 гг. второй секретарь посольства в Пекине, затем работал в посольствах в Бразилии и Португалии. С 1899 г. – чиновник по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области, служил в Порт-Артуре. Во время «боксёрского восстания» временно исполнял обязанности консула в Тяньцзине. С 1902 г. – консул в Бушире (Иран). В 1908–1911 гг. – посланник в Пекине. С 1912 г. – глава российской миссии в Урге (Внешняя Монголия), активный участник многих ключевых событий, связанных с провозглашением независимости Монголии. В 1913–1915 гг. – посол в Персии, в 1915–1917 гг. – член совета МИД. По-

сле Октябрьской революции 1917 г. эмигрировал. Умер в Париже.

[6] Имеется в виду провозглашение Богдо-гэгэна VIII великим ханом Монголии.

[7] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 757. Л. 353–354об.

[8] Шэн Юнь 升允 (1858–1931) из рода Долот 多羅特, с 1905 по 1912 г. – губернатор провинций Шэньси и Ганьсу.

[9] *Пу И.* Первая половина моей жизни. М.: Прогресс, 1968. С. 66.

[10] Искажённое «шэнь-гань» – Шэньси и Ганьсу.

[11] Телеграмма Коростовца из Урги Сазонову от 5 апреля 1913 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 567. Л. 83.

[12] Отрядами, батальонами.

[13] То есть Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII – Богдо-хана провозгласившей независимость Монголии.

[14] Телеграмма Коростовца из Урги в Пекин от 26 марта/8 апреля 1913 года (здесь и ниже: по старому и новому стилю) // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 652. Л. 155.

[15] Имеется в виду первый год правления Пуи – 1909. По маньчжурскому обыкновению, воспринятому и на Западе, в качестве именования императора используется девиз его правления (Сюаньтун 宣統, «Провозглашение единства»).

[16] Синин 西寧 – столица провинции Цинхай.

[17] 30 июля 1912 г. скончался император Мутцухито (Мэйдзи).

[18] Перевод письма Шэн Юня на имя Коростовца. Урга, 16 апреля 1913 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 567. Л. 102–105.

[19] Копия телеграммы Коростовца от 24 апреля / 7 мая 1913 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 653. Л. 63.

[20] *Коростовец И.Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии, август 1912 – май 1913 г. Улаанбаатар, 2009. С. 358.

[21] Стоит учитывать, что до того Юань Шикай был вполне удобен Японии, и весной 1915 г., несмотря на грандиозные репутационные потери, принял большинство из т.н. «21 требования», выдвинутых Японией с целью резко усилить своё влияние в Китае. Однако после неудачи с интронизацией Юань Шикай стал крайне непопулярен в стране и на роль проводника японского влияния более не годился – в связи с чем Япония была заинтересована в его скорейшей замене.

[22] Айсинь Гйоро Шань-ци 愛新覺羅善耆 (1866–1922) – 10-й принц Су (Су цинь-ван 肅親王). Член правящего дома, в конце династии считался членом лагеря сторонников реформ, был одним из создателей полицейской системы. После крушения монархии – одни из лидеров монархистов.

[23] Депеша посланника в Пекине Крупенского в МИД от 3 февраля 1916 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 27–27об. Крупенский Василий Николаевич (1869–1945) – российский дипломат, действительный статский советник, камергер. В 1899–1902 гг. – 1-й секретарь российской миссии в Пекине, затем – поверенный в делах, с 1913 по 1916 г. – посланник в Пекине. С 1916 г. – посол России в Японии. В 1921 г. уехал в Рим, затем во Францию.

[24] Донесение консула Л.Г. Бродянского из Кульджи от 4 марта 1916 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 40. Бродянский Лев Григорьевич (1878–1942) – дипломат; с 1916 г. – консул в Кульдже. Умер в Ленинграде во время блокады.

[25] Хошун на востоке Внутренней Монголии.

[26] Газета «Речь», 29.04.1916 // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 122.

[27] Калька с китайского дутунфу 都統府 – «управление военного губернатора». Жэхэ 熱河 (Джехол) – провинция к северу от Пекина, столица – г. Чэндэ 承德, летняя столица маньчжурских императоров. В 1955 г. упразднена, земли поделены между провинциями Хэбэй, Ляонин и автономным районом Внутренняя Монголия.

[28] Фэнтянь 奉天 – образованная в 1907 г. провинция со столицей в г. Фэнтянь (Мукден, Шэньян). В 1929 г. переименована в Ляонин, как называется и ныне.

[29] Копия донесения генконсула в Мукдене из секретных источников посланнику в Пекине от 6 июня 1916 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3129. Л. 187–188об.

[30] Перевод воззвания // РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 22. Л. 12–12об.

[31] Дашицяо 大石橋 – город в южном Ляонине.

[32] 老邊, 海城, 营口 – уездные города в южном Ляонине.

[33] Гоцзяпу 郭家堡 – в восточном и южном Ляонине существует несколько селений с таким названием, но ни одно из них не находится вблизи Инкоу.

[34] Донесение из российского консульства в Инькоу от 16 июня 1916 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3129. Л. 189–193.

[35] Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, 25 сентября 1916 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 82–86.

[36] Шударга-Батор Бавужав (1875–1916) – видный деятель национально-освободительного движения монголов. После Кяхтинского соглашения 1915 г. вместо того, чтобы сложить оружие и вернуться на родину во Внутреннюю Монголию, по собственной инициативе со своим отрядом продолжил борьбу с Китайской республикой. В 1916 г. был убит в бою. Его сын Ганжуржав женился на дочери принца Су (приемной дочери Н. Кавасимы).

[37] Таонань 洮南 – город на севере провинции Гирин.

[38] Телеграмма вице-консула П.К. Усатого из Хайлара в российскую миссию в Пекине от 7 июня 1916 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 117.

[39] Хайлар – столица Барги.

[40] Телеграммы Усатого из Хайлара в Пекин от 7 июня 1916 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 118–119об.

[41] Вероятно, имеется ввиду Айсинь Гйоро Сянь-куй 愛新覺羅憲奎 (1896–1941) – седьмой сын принца Су, с 1914 также использовавший имя Цзинь Би-дун 金壁東. С 1917 по 1921 г. получал военное образование в Японии. После изгнания двора из Пекина (1924 г.) перебрался в Далянь, где занимался коммерческой деятельностью. После основания Маньчжурского государства занимал важные посты в управлении железных дорог (1932–1933), был мэром столицы – Синьцзин (Чанчунь) (1933–1935), главой провинции Хэйлунцзян (1935–1937). В 1937 г. ушёл в отставку, но оставался советником императора. С 1937 по 1939 г. – глава Кинематографической ассоциации Маньчжурии. Умер от болезни в Пекине.

[42] Чжан Цзо-линь 張作霖 (1875–1928) – в тот период будущий правитель Маньчжурии. В 1916 г., поддержав желание Юань Шикая взойти на престол, получил посты военного и гражданского губернатора провинции Фэнтянь (Ляонин), подтверждённые следующим правительством. Имел репутацию монархиста.

[43] Депеша Усатого из Хайлара в Пекин от 8 июня 1916 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 123–123об.

[44] АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 128–130, 133, 136–137об., 140–142.

[45] Копия секретного донесения Штаба Приамурского Военного округа от 12 августа 1916 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 257.

[46] АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 328. Л. 146–146об., 169об., 173.

[47] Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, 25 сентября 1916 года // РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 82–86.

[48] Сюй Лань-чжоу 許蘭洲 (1872–1951) – военный деятель. Родился в столичной провинции Чжили (Гирин), закончил военную академию в Хунани. С 1895 г. проходил службу в составе «новой армии» Юань Шикая. С 1908 г. командовал охранными войсками провинции Хэйлунцзян. В 1913 г. – командир смешанной бригады в Хэйлунцзяне, генерал-майор; в 1914 – командир дивизии, генерал-лейтенант, в 1915 г., в связи с интронизацией Юань Шикая, удостоен баронского титула (нань 3-го ранга). В 1917 г. на некоторое время стал военным губернатором провинции Хэйлунцзян. Был одним из влиятельных генералов Фэнтяньской группы. После гибели Чжан Цзолиня ушел в отставку, переехал в Тяньцзинь. Позже возглавлял Пекинский Красный Крест, был президентом Хэюэйской благотворительной ассоциации. В 1931 г. переехал в Пекин, где и прожил остаток дней.

[49] Телеграмма генерального консула в Харбине от 25 июля 1916 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 234–235.

[50] Дуцзюнь督軍 – военный губернатор.

[51] 四平街, ныне г. Сыпин в провинции Цзилинь, на пересечении Цзилиня, Ляонина и Внутренней Монголии.

[52] 道尹, начальник округа (то же, что даотай).

[53] Вероятно, имеется в виду уезд Бинь 賓 (Бинь-сянь) на юге провинции Хэйлунцзян. Во времена Маньчжурского государства из ряда районов провинций Хэйлунцзян и Цзилинь была сформирована провинция Биньцзян 濱江.

[54] Эти сведения странны: Харбин тогда был под российским контролем, и такая группа повстанцев вряд ли могла остаться незамеченной властями.

[55] Уезд Фуюй 富裕 в Цицикаре, на западе Хэйлунцзяна.

[56] Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, 25 августа 1916 г. // РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 147–148об.

[57] Вероятно, имеется в виду Мэнцзятунь 孟家屯.

[58] Уезд Чанлин 长岭 к северо-западу от современного Чанчуня.

[59] Гоцзядянь 郭家店.

[60] Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи // РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 68–70.

[61] Возможно, это Жун-сюнь 榮勳, единственный маньчжур в кабинете Юань Шикая, занимавший пост заместителя Лифаньюаня и ведавший отношениями с маньчжурами и монголами. Его подпись стоит на Кяхтинском соглашении 1915 г. Однако биография его известна плохо; есть сведения, что он умер в июне 1916 г.

[62] Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, 15 сентября 1916 г. // РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 77об.

[63] Фушунь 撫順 – город на востоке провинции Ляонин, с 1898 г. находился под контролем России, а после 1905 г. – Японии. Был знаменит своими угольными промыслами и вообще промышленностью.

[64] Хуайдэ 懷德, уездный город в нынешнем городском округе Гунчжулин 公主岭 к юго-западу от Чанчуня.

[65] Сифэн 西豐, уезд на северо-востоке Ляонина.

[66] 下三台.

[67] Уезд Итун伊通 на западе провинции Цзилинь.

[68] Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, 25 сентября 1916 г. // РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 82–86.

[69] Видимо, тот же, кто выше именовался Цзинь Дин-чэнь.

[70] 黃羊教

[71] Уезд Чанту 昌图 к юго-западу от Чанчуня, близ Сыпина.

[72] Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, 25 октября 1916 г. // РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 98–99об.

[73] Разведка штаба Заамурского округа Пограничной стражи, 17 июня 1917 г. // РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 314–314об.; АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119.

[74] В российских документах их обычно называли харачинами, хотя к тому времени в их отрядах были представители и других монгольских племен, а также китайцы (*Кузьмин С.Л.* Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // Oriental Studies. 2018. Т. 40, № 6. С. 2-14; *Кузьмин С.Л.* Барга под контролем монгольских повстанцев в 1917 г. // Oriental Studies, 2019, № 4. С. 615-626; *Кузьмин С.Л.* Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. // Oriental Studies, 2019, № 2. С. 174-182; *Кузьмин С.Л.* Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара в 1917 г. и положение в Барге (Хулунбуире) // Восточный архив. 2019, № 2(40). С. 63-79.

[75] Уезд Ляоюань 辽源 к югу от Чанчуня.

[76] Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, 5 января 1917 г. // РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 1–2об.; ф. 1558. Оп. 4. Д. 45. Л. 113–114об.

[77] Би Гуй-фан畢桂芳 (1865–?) – политик, маньчжур. Родился близ Пекина. Закончил школу переводчиков, учился в России, работал при посольстве. Затем занимал чиновные посты в провинции Гирин и Маньчжурии, работал в торговом представительстве во Владивостоке, затем представителем Пекина в цинском Алтае. С 1903 г. – военный и гражданский губернатор Хэйлунцзяна, одновременно занимал важные посты в Министерстве иностранных дел. В 1917 г. под давлением Сюй Ланьчжоу покинул пост губернатора. Впоследствии (до 1927 г.) занимал консультативные посты в Пекине.

[78] Разведка российского консульства в Цицикаре от 24 января 1917 г. // РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 10. Л. 5.

[79] АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 393. Л. 19.

[80] Шэнфу 勝福 (?–1920), даур из Барги. В конце цинского периода – один из ухэрид (правителей) хулунбуирских олётов. Участвовал в движении за независимость Барги, а после провозглашения независимости Монголией был среди сторонников присоединения к ней и деятельно работал над организацией вооружённых отрядов. После присоединения к независимой Монголии с санкции Богдо-гэгэна VIII стал фу-

дутуном (副都統, заместитель военного губернатора) Барги. После подписания в ноябре 1915 г. в Пекине Китайско-русского соглашения о Барге, согласно которому ей была предоставлена высокая степень автономии в составе Китая, сохранил свой пост фудутуна. Вскоре после отмены автономии Барги в 1920 г. умер от болезни. Фудутуном стал его племянник Гуйфу.

[81] АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 8. Л. 73.

[82] Телеграмма Усатого из Хайлара в 4-е политическое отделение МИД от 8 февраля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 393. Л. 29–30.

[83] Телеграмма Усатого в 4-е политотделение МИД, копия в миссию в Пекине, 1 февраля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 37–37об.

[84] Кавасима Нанива 川島浪速 (1865–1949), японский разведчик и политик. Родился в г. Мацумото на Хонсю, в семье самураев клана Мацумото. В 1875 г. семья переехала в Токио, где Нанива поступил на китайское отделение Токийского института иностранных языков, который оставил в 1886 г. В том же году переехал в Шанхай, много путешествовал по Китаю. Как переводчик участвовал в Японо-китайской войне 1894–1895 гг., затем работал под началом губернатора Тайваня. В 1900 г. как переводчик участвовал в походе экспедиционного корпуса восьми держав на охваченный восстанием ихэтуаней Пекин, затем участвовал в организации цинских полицейских сил. Со стороны двора это направление курировал принц Су, вскоре подружившийся с Нанивой. В дружеский круг входил и зять принца – харачинский князь Гунсэнноров (1871–1930). После падения монархии все трое составили костяк движения за восстановление монархии (возможно, на базе монгольских и маньчжурских провинций). В 1914 г. Нанива удочерил и воспитал дочь принца Су – Дунчжэнь 東珍 (1907–1948), под именем Кавасима Ёсико 川島芳子. Она стала яркой фигурой японского влияния в Маньчжурском государстве и была расстреляна после крушения этого государства за «предательство китайского народа». Регулярно консультировал японское правительство по маньчжурским вопросам, после вступления японцев в Маньчжурию был в числе противником республиканского правления в будущем государстве. Его заслуги высоко оценивал император Пуи. Умер в своей резиденции в префектуре Нагано.

[85] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 314–315.

[86] Телеграмма Кудашева из Пекина от 9 февраля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 393. Л. 32. Кудашев Николай Александрович (1868–1925) – дипломат, с 1902 г. – первый секретарь посольства в Токио, в 1905 г. – член российской делегации в Портсмуте, в 1906 г. – первый секретарь посольства в Константинополе. В 1910-1913 гг. – временный поверенный в делах в США. В 1914–1916 гг. – директор Дипломатической канцелярии при Ставке. С 1916 г. – посланник в Китае, занимал этот пост до ликвидации царского представительства в 1920 г.

[87] Бэйчжэн 北镇 – город на западе Ляонина.

[88] Вероятно, имеется в виду Тан Юйлинь 湯玉麟 (1871–1937, по другим данным 1949). Родился в Ляонине, с 1902 г. служил офицером в охранном батальоне. С 1913 г. – командир бригады. В 1917 г. участвовал в попытке реставрации монархии Чжан Сюня, после чего был вынужден скрываться. С 1919 г. вернулся на государственную службу, был инспектором Трёх восточных провинций (Маньчжурии), с 1921 г. – командир бригады фэнтяньской армии, в 1924 г. командовал дивизией. В 1926 г. – командир 12 армии, глава провинциального правительства Жэхэ. После объединения Китая под властью Чан Кайши остался на своём посту главы провинции, командир дивизии. В этот период Тан Юйлинь нажил немалое состояние благодаря контролю за налогами провинции, а также производству и торговле опиумом и антиквариатом. В феврале 1933 г. Жэхэ была занята японскими войсками, Тан пытался бежать, его караван из 200 армейских грузовиков, направлявшийся в Тяньцзинь, где Тан имел дом в итальянской концессии, был конфискован силами Чжан Сюэляна. Тан бежал в Чахар, где осенью 1933 г. стал заместителем командующего Чахарской народной антияпонской армии. С весны 1934 г. Тан – советник командующего 29 армией, расквартированной в Пекине. К концу года ушёл в отставку и жил в своём доме в Тяньцзине.

[89] Донесение генерального консула С. Колоколова из Мукдена посланнику в Пекине от 6 апреля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 834. Л. 34–34об. Колоколов Сергей Александрович (1868–1921), дипломат, в

1895 г. – драгоман консульства в Кульдже, в 1896–1901 гг. – секретарь консульства в Кашгаре. Чиновник по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области (1901–1904). Генеральный консул в Кашгаре (1904–1909), Фучжоу (1909–1910), Мукдене (с 1910 г.). Умер в Мукдене. Отец китаиста Всеволода Сергеевича Колоколова (1896–1979).

[90] *Кузьмин С.Л.* Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. // Oriental Studies. 2019, № 2. С. 174-182.

[91] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 29–31.

[92] Телеграмма Граве в миссию в Пекине от 14 июля 1917 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 156; ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 66, 71. Граве Владимир Владимирович (1880–1930) – дипломат, на службе в МИД с 1901 г., 1-й секретарь посольства в Пекине (1912). Умер в Мукдене.

[93] Телеграмма Крупенского из Токио посланнику в Пекине Кудашеву от 2 августа 1918 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 165.

[91] См. подробнее об этом: *Кузьмин С.Л.* Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара в 1917 г. и положение в Барге (Хулунбуире) // Восточный архив. 2019, № 2 (40). С. 63-79; *Кузьмин С.Л.* Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. // Oriental Studies. 2019, № 2. С. 63-79.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-62-71

Н.М. Моллеров

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ В ДОКУМЕНТАХ (март 1917 – сентябрь 1921 гг.)

(О к о н ч а н и е)

В публикуемую подборку документов о революционных событиях и Гражданской войне в Туве вошли телеграммы, письма, обращения, протоколы органов власти Урянхайского края[1], подчинявшихся Временному правительству, Советской власти, Сибирскому Временному правительству, правительству Колчака. Это главным образом архивные документы Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Республики Тыва (ГАРТ), а также научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований (ТИГПИ), мало известные ученым.

№ 17

Из Наказа Председателя Временного Комитета безопасности Г. Полева Исполнительному Комитету Белоцарского Совета
о требовании сложения власти и о разоружении Красной Гвардии

село Усинское — Дело датировано 1918 г.

НАКАЗ

Делегатам от Общего Собрания граждан селений Усинских от 12 /25/ июня 1918 года – Александру Полеву, Григорию Посохину и Владимиру Самойлову, командированным в поселки Туран, Уюк и Белоцарск, выработанный уполномоченными Общим Собранием: Г.С. Соловьёвым, Ф.М. Кошелевым, Н.А. Богдановым, Р.И. Трипуза, Д.Ф. Филимоновым, В.О. Бохняк и А.М. Латкиным.

/…/ 2. Предложить Исполнительному Комитету Белоцарского Совета мирно подчиниться требованиям Временного Правительства и 7-го Минусинского Крестьянского Съезда о сложении власти и о разоружении красной гвардии, согласно копий телеграмм, находящихся на руках у делегатов.

3. Предложить избрать Временный Комитет, которому и сдать все дела.

4. Если Белоцарский Совет и красная гвардия не пожелает исполнить вышесказанное, то предлагаем делегатам немедленно протелефонировать на Ус временному Контрольному Комитету для сообщения по принадлежности на предмет принятия соответствующих мер.

Подлинное за надлежащими подписями:

Уполномоченные по выработке наказа: А. Латкин, Трипуза, Кошелев, Филимонов, Н. Богданов, В. Бохняк, Г. Соловьёв.

Председатель Временного Комитета	Г. Полев
Председатель исполнительного К-та безопасности Совета в Усинске	Козулин
Члены:	
Секретарь	А. Скорняков
Секретарь К-та	Ерофеев

ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 73. Л. 2. Незаверенная копия

№ 18

Письмо Урянхайской Краевой Земской Управы Переселенческому Управлению для сведения об избрании Урянхайской Краевой Земской Управы

г. Белоцарск № 7 1 июля 1918 г.

Урянхайская Краевая Земская Управа

Местным Комитетам и всем учреждениям
Переселенческому управлению для сведения

июля 15 дня 1918 г.

Белоцарск

1. Настоящим доводится до сведения населения Урянхайского Края и Усинского Округа, что 6-м Урянхайским Краевым Съездом 10 июля н. с. избрана Урянхайская Краевая Земская Управа, в состав вошли – Председатель Т.И. Брюханов, Товарищ Председателя В.И. Широков. Члены Н.Р. Пешкин, Ив. Як. Мясин.

2. Краевой Совет Крест[ьянских], Рабоч[их] и Солд[атских] Депутатов с 10 июля с.г. Краевым Съездом упразднён.

Ввиду вышеизложенного всю переписку, имеющую отношение к Краевому Совету, просим направлять в земскую Управу.

Подписали: председатель Управы Т.И. Брюханов, Члены: Широков, Пешкин, Ив. Мясин.

Верно: Член Управы В. Широков

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 222. Л. 2. Подлинник

№ 19

Из протокола 1-го Заседания 6-го Краевого Съезда в г. Белоцарске Урянхайского края о разоружении Красной Гвардии, квартирующей в Белоцарске

г. Белоцарск 3 июля 1918 г.

Протокол 1-го Заседания 6-го Краевого Съезда в г. Белоцарске Урянхайского Края Июля 3-го дня н. ст. 1918 г. под Председательством Прокопия Дмитриевича Солдатова, при участии делегатов от поселков, избранных на Съезд, и части членов Краевого Совдепа

/…/ Заседание 6-го Июля.

/…/ Заслушивается протокол Согласительной Комиссии о передаче оружия из 14 пунктов.

1. Вооружённая Красная Гвардия постоянного Состава, квартирующего в Белоцарске, разоружается немедленно по утверждении настоящего постановления Комиссии пленарным Заседанием Краевого Съезда.

2. Все находящееся военное снаряжение на руках отряда: ружья, патроны, боевые припасы и пулемёты передаются в распоряжение приёмочной Комиссии, выделенной из состава краевого Съезда, пропорционально из рабочих, крестьян и солдат, которая и будет стоять на страже охраны Края и защиты интересов трудового народа.

3. Дальнейшая охрана края, по мнению комиссии, должна быть передана в народные Дружины, на основании выработанных военной секцией 5-го Урянхайского краевого Съезда.

4. Впредь до созыва очередного набора дружин охрана Края должна быть передана выделенной Комиссии от Съезда, которая и явится временной охранной дружиной Края.

С подлинным верно:

За секретаря Слободчиков

ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 74. Л. 1об., 4, 4об. Заверенная копия

№ 20

Обращение А.Х. Чакирова[2] «К гражданам Урянхая»
в связи со свержением Советской власти в крае

г. Белоцарск 1918 г.

Гражданам Урянхая

6-м чрезвычайным Урянхайским краевым съездом была послана Временному Правительству телеграмма следующего содержания: «Шестой чрезвычайный краевой съезд, свергнув в Урянхае при помощи крестьянских дружин власть насильников, разоружив красногвардейцев и восстановив власть Временного Правительства, передаёт свои полномочия Краевой Земской Управе и, разъезжаясь, шлёт вам свои пожелания работать на пользу молодой автономной Сибири и трудового крестьянства. Просьба не оставлять своими заботами пасынка Урянхая. Да здравствует Сибирское Земство!»

В ответ на приветствие съезда мной, как председателем съезда, получена телеграмма, с содержанием каковой я и хочу Вас, граждане Урянхая [познакомить].

Ответная телеграмма: «Поздравляю [с] восстановлением законности, гражданских свобод, порядка. Правительство помнит Урянхай, выполнит обязательства, которые связаны [с] принятым Россиею покровительством над далёким краем и его русским и туземным населением; меры обеспечения порядка, охранению интересов принимаются» – 89 подпис[ей]. Председатель Совета Министров Вологодский.

Как видите, граждане, Вр[еменное] Правительство не только не забыло нас, но, заботясь о нас, принимает уже соответствующие меры, а потому нам здесь на месте необходимо вдвойне усилить свою работу по поддержанию в крае порядка, законности; свято выполнять предначертания Высшего Правительства и ещё более улучшить существующие добрососедские, братские отношения к нашим согражданам урянхам. Да будет же в Урянхае мир и любовь.

А. Чакиров

ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 91. Л. 1. Незаверенная копия

№ 21

Письмо Комиссара по делам Урянхайского края
Заведующему Переселенческим Управлением Урянхайского края
о прибытии казачьей сотни в г. Белоцарск

г. Белоцарск 13 июля 1918 г.

Ввиду прибытия казачьей сотни в город Белоцарск, прошу сделать надлежащий ремонт помещения […], где находились бывшие красногвардейцы, а также и кухни, и кроме того, необходимо озаботиться об устройстве конюшни вместимостью 200 лошадей, так как в городе Белоцарске, возможно, будет находиться казачья сотня в зимний период 1918–1919 гг.

Вр. и. д. Комиссара Самойлов
За Секретаря Слободчиков
С подлинным верно И. об. Секретаря /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 367. Л. 1. Заверенная копия

№ 22

Письмо Комиссара по делам Урянхайского края Турчанинова
Заведующему Устройством русского населения в Урянхае
об организации охраны г. Белоцарска от китайско-монгольских отрядов

№278. Заведующему Устройством русского населения в Урянхае

3 февраля 1919 г.

В ответ на ваше отношение от 3-го февраля с/г за № 228, сообщаю, что ввиду последних событий на границе Урянхая в связи с надвигающимися китайско-монгольскими отрядами, мной было предложено населению Белоцарска на всякий случай соорганизовать дружину или учредить охрану.

На общем совещании было постановлено учредить только охрану, каковая и начала функционировать, согласно выработанных правил и инструкций с 2-го февраля 1919 года.

Управляющий краем /подпись/ Турчанинов
Секретарь /подпись/

АРТ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 485. Л. 2. Подлинник

№ 23

Обязательное Постановление Управляющего Урянхайским краем
Турчанинова о временной ночной охране г. Белоцарска

г. Белоцарск № 280 4 февраля 1919 г.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Управляющего Урянхайским Краем

На основании ст. 28 Постановления Западно-Сибирского Комиссариата от 29 июня 1918 года и п. 2 ст. 115 Устава благочиния и безопасности в связи с событиями на границе Урянхая и на основании телеграмм за №№ 4 и 52 Министерства иностранных дел № 24 Управляющего делами Совета Министров и №1/р 315 Начальника Окружного Штаба Главацкого ПОСТАНОВИЛ:

Организовать временную ночную охрану административного пункта Белоцарска, для чего привлечь мужское население, проживающее в этом пункте, за исключением: медицинского персонала, заведующих отдельными учреждениями и их секретарей, а также сторожей, находящихся при Учреждениях. Организацию охраны и выработку инструкции поручить командиру Сотни, а надзор за охраной Начальнику милиции 1-го района под непосредственным руководительством Командира.

Виновные в уклонении от исполнения обязанностей по ночной охране будут привлекаться в административном порядке взысканию арестом до трёх месяцев или денежным штрафом до трёх тысяч рублей.

Подлинное подписали:
Управляющий Урянхайским Краем Турчанинов
И. д. Командир Сотни Шарапов
С подлинным верно: Секретарь /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 485. Л. 5. Заверенная копия

№ 24

Письмо Комиссара по делам Урянхайского края
Заведующему устройством русского населения в Урянхае
о событиях на юге Урянхая

г. Белоцарск № 256 1 июня 1919 г.

В ответе на отношение за №17 имею сообщить: из Чакульского и Шагонарского районов никаких тревожных донесений не поступало. Об отходе сотни в село Усинское мне тоже ничего не известно. За хребтом в Цаган-Тологое имеется монгольский отряд, который стоит уже больше 2 месяцев в той местности.

Что касается слухов о переотправке служащими правительственных учреждений лично им принадлежащего имущества в село Усинское, то такой слух был передан вчера вечером и мне. Со своим имуществом каждый гражданин волен поступать, как ему угодно. Пока в моём распоряжении не имеется документальных данных, чтобы сказать, что Белоцарску что либо угрожает.

Подлинное подписал: Управляющий Урянхайским краем Турчанинов
С подлинным верно. За секретаря /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 476. Л. 56. Заверенная копия

№ 25

Газета «Минусинский край» о событиях в Урянхайском крае

В Урянхайский край воспрещён въезд и выезд со стороны Григорьевки. В Минусинск прибыли беженки из Урянхая. С Хемчика: Фатима Сафина 25 лет с детьми, Гильзефа Мерзьякова и Якупова Газима. У всех убиты мужья[3].

«Минусинский край» № 27 за 25 (12) июня 1919 г. С. 2

№ 26

Письмо Заведующего Устройством русского населения в Урянхае
г. Управляющему Урянхайским краем о событиях в Урянхае

г. Белоцарск 1 июля 1919 г.

г. Управляющему Урянхайским краем

Вследствие большой тревоги среди населения Белоцарска и полной неосведомлённости о том, что происходит под хребтом и на Чакуле и Шагонаре, (об оставлении Вами воинскими частями Кемчика мне по частным сведениям известно) и что ожидает край в самом ближайшем будущем, я честь имею покорнейше просить Вас, г. Управляющий, уведомить меня: угрожает ли жителям Большого Енисея какая-либо опасность от нападения китайцев, монголов и урянхов и надлежит ли принять какие-либо меры к спасению и эвакуации имущества, принадлежащего вверенной мне переселенческой организации и семействам служащих и их имущества или нет. По слухам, некоторых жителей города Белоцарска и даже служащих правительственных учреждений уже переотправляют частями своё имущество в село Усинское и вообще на правый берег Енисея и что сотня из Чакуля имеет отойти к селу Усинскому. В уведомлении прошу не задержать.

Заведующий устройством русского населения /подпись/ Фёдоров
И. об. секретаря /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 476. Л. 55. Подлинник

№ 27

Объявление Управляющего Урянхайским краем
по вопросу эвакуации в Минусинский уезд жителей г. Белоцарска

ОБЪЯВЛЕНИЕ
Управляющего Урянхайским краем №1956

г. Белоцарск 3 июля 1919 г.

Для устранения всяких неверных рассказов и слухов, касающихся выезда в пределы Минусинского уезда, объявляю во всеобщее сведение.

1. Мужчинам от 18 до 50 лет, способным носить оружие, выезд в пределы Минусинского уезда воспрещается. Все самовольно выехавшие, как дезертиры, будут преданы военно-полевому Суду согласно приказа ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ за №131 и подлежать приводу этапным порядком обратно в Урянхайский край.

2. Женщинам и детям, желающим выплыть в Минусинский уезд, выезд на плотах не запрещается.

3. Усинская колёсная дорога для проезда закрыта впредь до особого объявления.

Подлинное подписал Управляющий Урянхайским краем Турчанинов

Верно ис. об. секретаря Суровцев.

С подлинным верно. За секретаря /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 476. Л. 63. Заверенная копия

№ 28

Приказ Заведующего устройством русского населения в Урянхае
Н. Фёдорова об эвакуации учреждений г. Белоцарска в г. Минусинск

ПРИКАЗ № 45

г. Белоцарск 10 июля 1919 г.

Комиссар по делам Урянхайского края приказом от 9 июля 1919 г. за № 49, ввиду соединения Подхребтинских дружинников вместе с наступающими монголами и невозможности, за малочисленностью воинской силы, охранять административный пункт Белоцарск, предложил учреждения закрыть, эвакуировать ценности, документы, главнейшие дела в город Минусинск, начав эвакуацию с 10 июля.

Объявляю о вышеизложенном по вверенному мне району – приказываю занятия прекратить и всё ценное из имущества, инвентаря, а также документы и делопроизводство отделов эвакуировать пока в пос. Туран, а затем, если будет вызываться необходимостью, то и в гор. Минусинск.

Из Белоцарска приказываю сопровождать до Турана бухгалтерский отдел и общую канцелярию – бухгалтеру Мартынюку, межев. отдел – производителю работ Архипову, строительный отдел – Сташевскому и Щениовскому, ветеринарный отдел – врачу Успенскому и фельдшеру Худяшеву и медицинский отдел – врачу Ксюнину. Сопровождающими: Э.И. Рогалинский, С.М. Клинов. Служащим: И.В. Челюканову, Д.М. Тарасову, В.И. Рогалинскому, И.А. Бонч-Осмоловскому и А.Н. Швецову приказываю временно оставаться в Белоцарске. Руководство эвакуацией возлагаю на производителя работ Гривина.

Подписал Зав. устройством русского населения в Урянхае Н. Фёдоров

С подлинным верно: исп. об. секретаря /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 3. Д. 426. Л. 6. Заверенная копия

№ 29

Телеграмма Особоуполномоченного делами Урянхайского края Сафьянова[4] в Сибревком о решении Краевого съезда русского населения Урянхая об организации в посёлках Советской власти и о восстановлении разорённого г. Белоцарска

Из Усинского Омск. Сибревком

Подана 23 сентября 1920 г. в 7 ч. 1 мин. 191 слово принято на телеграфе 23 сентября 1920 г., а в Сиббюро [ЦК] РКП (б) 24 сентября 1920 г.

Краевой съезд русского населения Урянхая постановил единогласно немедленно организовать в своих посёлках Советскую власть, выбрав из своего состава красную избирательную комиссию, поручив ей произвести выборы сельских Советов, созвать съезд Советов, избрать крайисполком. Разорённый Белоцарск съезд решил восстановить, обязав всех жителей вернуть всё похищенное из домов Белоцарска. Само название, ненавистное трудовому народу, постановлено переменить, назвав Красным. Городскую телеграфную линию Туран – Белоцарск съезд просит восстановить сейчас же, обещая, что население поможет подвозкой столбов, доставлением припаса, рабочей силы, желая иметь в каждом поселке школу.

Съезд предписал всем посёлкам приготовить соответствующие помещения, мобилизовать учительский персонал, проживающий в крае. Просит только из центра денежных средств, учебного пособия, необходимы также врачи, медикаменты. Ввиду чрезвычайного обилия в нынешнем году белки, краевой съезд ходатайствует срочно прислать пороху, свинцу, дроби, пистонов. В крае имеется до 2000 охотничьих ружей. Отношение туземного населения к Советской власти доброжелательное, монгольский отряд покинул Урянхай. Китайский комиссар ограничивает свое влияние одним Кюшикским районом, защищая лишь интересы своих купцов.

В конце октября решено созвать съезд представителей для выяснения дальнейших взаимоотношений.

Сообщая всё это постановление, Краевой съезд просит Сибирский областной ревкомы санкционировать их своей телеграммой. Мне также сделать распоряжение соответствующим учреждениям удовлетворить указанные здесь нужды края.

Особо Уполномоченный по делам
Урянхайского края Сафьянов

ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2. Заверенная копия

№ 30

Из рукописи секретаря дипломатической миссии СССР в ТНР Н.Л. Коваля о докладе председателя Совета Министров ТНР Куулара Дондука на IV Великом Хурале ТНР

«Во время нахождения в Урге барона Унгерна было созвано совещание монгольских князей. Совещание приказало нам выгнать китайские отряды Гоминдан. Наш народ по получении этого распоряжения в составе двух хемчикских кожуунов, воспользовался восстанием цахарских солдат, убрал управление китайского сайта и уничтожил весь его отряд. Вслед за этим снова уже от незаконного ургинского правительства наш народ получил приказание, в котором говорилось, чтобы все распоряжения белого генерала Казанцева исполнять беспрекословно… Казанцев прибыл на Хемчик и заявил правителям тувинского народа, что он прибыл для военных операций против Красной Армии, потребовал для своего отряда скота, лошадей, причём не уплатил за это. Одновременно он потребовал разоружения тувинского на-

рода и сдачи ему всего оружия, отобранного у китайских отрядов. Тувинский народ оружие не сдал и в конечном итоге выгнал со своей территории и этого непрошеного гостя».

НА ТИГПИ. Ф. 420. Раздел 22. Л. 27–28. Машинопись

№ 31

Письмо ответственного секретаря
Восточного секретариата Коминтерна Д. Никитенко
главе НКИД РСФСР Г.В. Чичерину

№ 573 2 сентября 1921 г.

Г.В. Ч ичерину

Уважаемый товарищ,
Георгий Васильевич.

Урянхайский вопрос, осложнившийся хозяйничанием Сафьянова, человека, связанного со старой царской политикой, всё властнее требовал своего урегулирования.

Я неоднократно обращал Ваше внимание на его принудительные методы, путём которых он в качестве представителя Сибревкома, пользуясь присутствием советских, красных войск, навязывал свою захватническую политику туземному населению.

Для более яркой характеристики этой политики привожу некоторые пункты из протокола «мирных переговоров», происходивших между представителями двух Кемчинских хошунов[5] и русской мирной делегацией, под председательством Сафьянова 25/VII с. г., созванных под его давлением.

На вопрос, могут ли Кемчинские хошуны, в случае непожелания со стороны других хошунов Урянхая самостоятельности края, действовать вне зависимости от них, Сафьянов ответил, что в случае же, если остальные хошуны Урянхая примут иное решение, то «Кемчинские хошуны будут поддержаны Сов[етским] правительством в строительстве их новой жизни».

Что касается обороны страны, то под давлением Сафьянова было принято следующее решение: «В местности Чааты, в районе р. Шаганера[6] необходимо поселить русский партизанский посёлок, жители которого, защищая край от вторжения в него наших общих врагов, занимаются крестьянством, для чего пользуются как земельными, так и [по]косными угодьями в нужном для них размере. В этом же районе будет находиться Урянхайское центральное Управление и Управление Сов[етской] России».

О международных сношениях принято следующее постановление: «Вопросы международного характера будущее краевое управление решает совместно с представителем Сов[етской] России».

Чтоб положить конец действиям Сафьянова, я лишил его мандата Реввоенсовета 5 армии и настаивал перед Сибревкомом о его отзыве.

Одновременно с этим я указывал Вам, уважаемый Георгий Васильевич, что единственным разрешением Урянхайского вопроса я считаю включение его в сферу влияния Монгольской Нарревпартии. Этим наша дружба с урянхайцами станет действительной. Монголы же в течение, по крайней мере, 5-6 м[еся]цев не будут настаивать на разрешении Урянхайского вопроса.

Урянхайский вопрос ещё властнее стал требовать своего урегулирования тем фактом, что центр тяжести в борьбе против Унгерна всё больше переносится в Западную Монголию и Урянхайский край.

Поэтому я охотно воспользовался Вашим предложением под №2612, выехал в Ново-Николаевск, где совместно с Сиббюро ЦК РКП и Сибревкомом нами был достигнут общий

взгляд по Урянхайскому вопросу, как это увидите из прилагаемых при сём протокола заседания Сиббюро Ц.К.Р.К.П. и тезисов к моему докладу.

На основании прилагаемых тезисов и вышеизложенного постановления относительно Урянхайского края Сибревком также лишил Сафьянова выданного им мандата и отозвал его. Однако Сафьянов, пользуясь тем обстоятельством, что надлежащего человека, который был бы в состоянии провести нашу линию, трудно было найти, продолжал вести начатую им «работу», завершением которой явился съезд всех хошунов Урянхая, на котором он, судя по его же телеграмме, полученной мною от 24-го с[его] м[есяца], провел объявление самостоятельности Урянхая в своём внутреннем управлении, в международных же отношениях идущим «под покровительством Сов[етской] России»[7].

На этом же «учредительном съезде» он провёл конституцию, на основании которой «русским гражданам разрешено остаться на территории Урянхая, образовав отдельную советскую колонию, тесно связанную с Сов[етской] Россией[8], и которой /Сов[етской] России/ представлено исключительное право эксплуатации всех ископаемых богатств Урянхая».

Сафьяновский съезд избрал правительство в составе 7 лиц, а именно: Амбай-Бели (Амбань бейли. – *Авт.*) /председ[атель]/, Баянбабырху (Буян-Бадыргы. – *Авт.*), Лажана (Лопсан-Осур), Чимбей-Безы (Чимба бээзи), Томута, Тавдюна (Тамдын) и Захата (Ензак)[9].

Советским правительством /Сафьяновым/ назначено первое пленарное заседание рев[олюционного] правительства Урянхая на 3 октября[10].

Таким образом, работа Сафьянова в Урянхае привела нас к тому, что:

1) Урянхайский край насильственно отрывается от Монголии.

2) Что во взаимоотношения разных племён Урянхая определённая рознь вводится путем насильственного распространения постановления двух Кемчинских хошунов на все остальные хошуны Урянхайского края.

3) Вместо установления между РСФСР и Урянхаем хозяйственных отношений на основе взаимного товарообмена вводится захватническая империалистическая политика, вроде предоставления нам исключительного права на эксплуатацию естественных богатств Урянхая.

4) Вместо дружественной внешней политики между нами и Урянхайским народом устанавливается политика протектората и аннексии[11].

5) Вместо подчинения всех граждан Урянхайской территории одному общему закону страны – для русских колонистов вводится экстерриториальность путём образования отдельной советской колонии на территории Урянхайского народа.

По последним сведениям из Урги, урянхайские события сильно нервируют монгольское Нар[одное] рев[олюционное] правительство, которое настаивает на скорейшем отзыве Сафьянова и на исправлении той линии, которую он там проводил.

В настоящее время мною уже подыскан человек, который, надеюсь, сумеет направить разрешение Урянх[айского] вопроса по желательной и необходимой для нас линии. Этот человек на днях выезжает на место своего назначения[12].

Изложив все вышеуказанные обстоятельства, касающиеся Урянхайских осложнений, я особенно обращаю внимание на те выводы, которые мною указаны в пяти пунктах, и прошу обсудить, дабы кажущаяся виновность, которая якобы налагается на советскую дипломатию хозяйничанием Сафьянова, была снята с нас, и таким образом пресечь корень всяких недоразумений, могущих возникнуть между нами и дружественным нам Монгол[ьским] правительством.

С моей же стороны, я принимаю все меры, чтоб посылаемые мною люди скорейшим образом на месте исправили художественные проделки Сафьянова[13].

С коммунистическим приветом

РГАСПИ. Ф.495. Оп.154. Д.97. Л. 3, 54–57. Машинописная копия

Примечания

[1] Так до 1921 г. называлась Тува, ныне Республика Тува.

[2] А.Х. Чакиров, штабс-капитан, по убеждениям монархист, бывший начальник Усинского Пограничного

[3] Газета «Минусинский край» позиционировала себя как неполитическое и демократическое издание. Здесь мы приводим лишь одно краткое свидетельство о нападении тувинских повстанцев на торговые фактории российских татар. На самом деле их немало.

[4] Сафьянов Иннокентий Георгиевич – сын сибирского золотопромышленника и торговца Г.П. Сафьянова, активного сторонника провозглашения над Тувой российского протектората. И.Г. Сафьянов ещё в студенческом возрасте увлёкся идеями радикального переустройства России. После Февральской революции 1917 г. он представлял в Туве комиссара Временного правительства в г. Томске Е.П. Зубашева. С 1920 г. являлся представителем Сибревкома, реввоенсовета 5 армии и Коминтерна в Туве. В 1921 г. активно поддержал стремление тувинцев к самоопределению и созданию самостоятельного государства.

[5] Правильно: Хемчикских хошунов, т. е. расположенных в долине р. Хемчик.

[6] Здесь и далее подчёркнуто в документе.

[7] Положение о покровительстве Советской России над Тувой в вопросах внешней политики вошло отдельной статьей в конституцию тувинского государства 1921 г. Оно де-юре ясно указывало на сохранение протектората. Из конституции 1924 г. положение было изъято, но фактически покровительство СССР над Тувой в международных вопросах стало непременным условием существования полунезависимого тувинского государства в 1921–1944 гг.

[8] О правовом положении русского населения в Туве в конституции не упоминается. Принявший её Всетувинский учредительный хурал вынес по этому вопросу отдельное решение считать проживавших в крае русских отдельной советской колонией. В дальнейшем была создана Русская самоуправляющаяся трудовая колония, которая до 1932 г. функционировала в Туве на началах широкого самоуправления по советским законам. Затем она была реорганизована в комитеты советских граждан, осуществлявшие самоуправление только в вопросах культуры и быта. В 1942 г. русские в Туве получили второе гражданство, став гражданами ТНР.

[9] Состав первого правительства назван не совсем точно, имена членов правительства искажены, правильно: Амбань бейли или Амбын-нойон Соднам-Бальчир (председатель), Буян-Бадыргы, Лопсан-Осур, Чимба бээзи, Томут, Тамдын и Ензак.

[10] Утверждение о назначении И.Г. Сафьяновым заседания правительства не соответствует действительности. Согласно протокола совещания представителей Хемчикских хошунов с советской делегацией, объявление о работе первого заседания правительства сделал нойон Даа хошуна Буян-Бадыргы.

[11] В действительности так оно и было. Как выше отмечалось (см. сноску 13 первой части публикации), рудимент протектората остался. Кроме того, в Туву в моменты политической напряжённости в 20-е годы периодически вводились советские воинские части (конец 1920 – осень 1923 г., лето 1924 – осень 1925 г., лето 1926 – 1929 г.).

[12] Речь идёт о назначении Уполномоченным НКИД РСФСР при советских воинских частях в Туве Ф.Г. Фальского (Горелика).

[13] На деле Ф.Г. Фальский, сменив И.Г. Сафьянова, во многом продолжал в урянхайском вопросе придерживаться избранной им линии на самостоятельность Тувы.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-72-76

А.Ш. Кадырбаев

АРАРАТСКАЯ РЕСПУБЛИКА – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ АНТАНТЫ

В 1918 году на руинах Российской империи, на землях бывшего Эриванского ханства – государства мусульман Закавказья, завоёванного Россией в начале XIX века, и Карской области было создано независимое армянское государство под эгидой дашнаков.

Дашнаки, используя уже государственный ресурс и поддержку стран Антанты, продолжили свою политику уничтожения мусульманских народов, да и не только их. «Достаточно вспомнить войны с Азербайджаном, Грузией, Турцией за короткий период бесславного существования дашнакской “республики”, зверства, резню, грабежи, которые имели место в Зангезуре, Шаруре, Мегры, Агбабе, Зангибасаре, Еюк-Веди, в сёлах и деревнях, где окровавленными руками дашнаков тысячи трудящихся тюрок были уничтожены, а их сёла разрушены и превращены в пепелища»[1].

«В период диктатуры контрреволюционного Дашнакцутюна (1918–1920 гг.) всё неармянское население считалось вне закона. “Идеи” Дашнакцутюна об “армянизации” страны путём истребления азербайджанского и курдского населения, живущего на территории Армении, и преследование всех остальных национальных меньшинств разжигали в стране национальную рознь… На протяжении двух с половиной лет своего господства Дашнакцутюн вёл вооружённую борьбу против азербайджанцев, живущих на территории Армении, убивая и грабя мирное население азербайджанских и курдских деревень (бомбардировались также и армянские деревни) под предлогом “невыполнения государственных требований”»[2].

А в 1920 году, после подавления майского восстания рабочих и крестьян Армении, Дашнакцутюн бомбардировал азербайджанские и курдские селения и убивал мирных жителей под лозунгом «Мусульмане – наши враги»[3].

Накануне Первой мировой войны в Эриванской губернии и Ереване, т.е. на землях, которые вошли в состав независимой Армении под властью дашнаков, до 45% от общего числа населения составляли мусульмане. Ко времени свержения их власти и во время советизации Армении число мусульман здесь сократилось в десять раз. К 1991 году всё неармянское население страны, в том числе и мусульмане, насчитывало 4%. После образования современного Армянского государства политика этнических чисток была возобновлена, и последние мусульмане – азербайджанцы и курды – были изгнаны из Армении и Нагорного Карабаха. К этому остаётся добавить, что в конце 1940-х годов по решению армянских советских республиканских властей в центре Еревана были разрушены и снесены памятники мусульманской архитектуры, остававшиеся со времен Эриванского ханства, вероятно, чтобы ничто не напоминало о том, что когда-то здесь жили мусульмане.

«За период трёхлетнего пребывания дашнаков у власти столкновения на этнической почве приобрели невообразимые масштабы. Один раз дашнаки воевали с меньшевистской Грузией, дважды с Турцией, несколько раз – с Азербайджаном. Внутри страны они вели политику, направленную на физическое истребление турецкого населения… Из-за межнациональных конфликтов контрреволюционное правительство дашнаков с целью уничтожения турецкого населения мобилизовало порядка 40 тысяч человек. Помимо так называемой “регулярной” армии, дашнакское правительство создавало десятки хумб (добровольческие отряды. – *Авт.*)… Дашнакское правительство обратилось за помощью к английским и американским империалистам и получило

от них в значительных количествах снаряжение…»[4]. «Телеграмма Иваницкого – комиссара провинций Турции, занятых по праву войны. Гасан-Кала. Генералу Левандовскому. От временного комиссара Гасанкалинского округа Сперанского мной и Представителем особого Закавказского комитета получена телеграмма 18 мая № 2691: последние две-три недели в селения района Пассинской долины переселяется масса семейств армян-беженцев из тыла, большей частью русских подданных, которые занимают самовольно помещения, отведённые для войсковых частей, а также пашни, сенокосы, выгоняя местных жителей-турок. Рассеяние армян по селениям Гасанкалинского округа производится без ведома Окружного комиссариата, препятствуя плану переселения эвакуируемого населения из Эрзинджана. Прошу срочного решения приостановить таковое переселение, организованное частными армянскими обществами, дав мне руководящие по сему указания. Сообщая это Штабу армии, по поручению особого Закавказского комитета прошу распоряжения воинским частям оказать комиссару Сперанскому должное содействие. № 1862. Комиссар Иваницкий. Командующий приказал оказать комиссару Сперанскому содействие»[5].

Для пресечения действий погромщиков русское командование Кавказского фронта Первой мировой войны даже вынашивало планы вооружения турецкого и лазского населения оккупированных русскими войсками территорий Восточной Анатолии огнестрельным оружием: «4 сентября 1917 года. № 1962. Гор. Тифлис. Доклад Генерал-Комиссару. Вследствие резолюции Вашей на представляемом при сём докладе за № 11353 докладываю: Проект нового положения об управлении занятыми областями Турции предусматривает вооружение сельской милиции во всех вообще сельских общинах края, независимо от их национальности. Таким образом, в силу означенного проекта будет вооружаться и сельская милиция чисто турецких селений. Вопрос этот детально и всесторонне обсуждался комиссией, вырабатывавшей положение, причем было признано не делать исключения для турок, так как Лазистан (причерноморская часть Восточной Анатолии. – *Авт.*) сплошь заселён турками и отуреченными лазами (картлийским этносом, близким к грузинам по языку и исповедующим ислам. – *Авт.*), деревни коих подвергаются нападениям разбойничьих шаек не менее, чем в других местностях, а поэтому в интересах справедливости и во избежание национальной розни и вражды необходимо дать и туркам орудие самозащиты. К тому же лазистанское население по характеру своему мирное, и с его стороны эксцессов по отношению к (русским. – *Авт.*) войскам не наблюдалось… Полковник Острянский»[6].

Примеру дашнаков в это время последовали оказавшиеся после Первой мировой войны в стане победителей греческие интервенты, чьими руками Антанта решила уничтожить вообще турецкую государственность. Греческие войска высадились в Измире (Смирне), где устроили погром и вырезали до 10 000 мирных турецких жителей, хотя до этого во время кровопролитных боёв между Османской империей и Грецией в годы войны турки «не имели никакого столкновения с греками (турецкоподданными. – *Авт.*)… Греческое население вело себя корректно (по отношению к Османскому государству. – *Авт.*), соблюдало полный нейтралитет. Оно не принимало никакого участия в деле войны. Оно спокойно ожидало результатов войны. Ему, конечно, никто не мешал симпатизировать и сочувствовать в душе своим сородичам грекам…»[7]. Казалось, что у греков не было повода для мести туркам после того, как их страна оказалась в стане победителей. Тем не менее, поведение греческих войск в Измире – очевидное свидетельство того, как правящие круги Греции оценили лояльную политику Османской империи в отношении её греческих подданных в годы Первой мировой войны.

Свою лепту в истребление мусульманского населения Анатолии внесла Франция, ныне идущая в авангарде осуждения

Турции за геноцид армян, противник османов в Первой мировой войне, чьи войска оккупировали некоторые районы Турции после её поражения в 1918 году и установили «в оккупированных районах режим террора».

После Мудросского перемирия 30 октября 1918 года французы направили для оккупации турецкой области Киликия из состава своих вооружённых сил три армянских батальона, известные как Армянский легион и имевшие свой флаг. Легион предполагалось задействовать «только в областях Киликии и Малой Армении, которые знакомы армянам (из легиона. – *Авт.*), так как они являются выходцами оттуда, при первой возможности, которая представится подходящей с военной точки зрения». Там Армянский легион сразу начал мстить турецкому населению. Турецкие авторы говорят о зверствах, в том числе об «изнасилованиях женщин, убийствах невинных женщин и детей и поджогах мечетей, заполненных местными мусульманами». Даже сторонние наблюдатели признают, что армянские легионеры совершали многочисленные преступления. В конечном итоге французы были вынуждены расформировать легион, хотя многие его бойцы остались в Киликии. При этом французы сформировали «отряды жандармерии из состава дашнаков, которые совершают массовые убийства турецкого населения»[8]. Многие легионеры продолжили свою службу в этих отрядах.

Дашнаки, «воодушевлённые обещаниями освобождения из-под турецкой власти со стороны премьер-министров Великобритании Г.А. Аксвита и Д. Ллойд-Джорджа, претендовали не только на шесть восточных провинций Анатолии, но также и на Киликию, чтобы иметь порт на Средиземном море. Союзники (Великобритания, Франция, США. – *Авт.*) официально обсуждали проект “Великой Армении” от Средиземного до Чёрного моря, включая Киликию и восточные провинции Турции до Трапезунда… Дашнакские банды… вырезали в ряде случаев поголовно целые деревни… Эта программа физического истребления турецкого населения проводилась вполне сознательно под руководством оккупантов (англичан и французов. – *Авт.*)»[9].

Именно к Франции апеллировали дашнаки в своём стремлении создать армянское государство на руинах Османской империи: «4 февраля 1921 г. По проверенным данным из французских источников, армянское Национальное собрание в Константинополе (Стамбуле. – *Авт.*) провозгласило единственной полномочной делегацией турецких армян в Европе делегацию Погоса Нубара… Так, Нубар был принят… французским премьером, который выслушал его мнение по киликийскому вопросу. Турецкие армяне через Нубара ведут переговоры с Антантой о предоставлении Киликии и Хараветскому вилайету независимости под протекторатом Франции»[10].

Киликия представляла собой плодородную область Турции, где армянское население насчитывало тогда до 33% населения. В 1920 году армянское население Киликии провозгласило независимую республику под протекторатом Франции, создало органы управления и сформировало 10-тысячный «легион армянской самообороны». Правительство недавно образовавшейся на руинах Османской империи Турецкой республики во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком направило в Киликию войска, оттеснив французских оккупантов к морю. Были разгромлены армянские селения и убиты 16 тысяч их жителей. Французы заключили в 1921 году мирный договор с Турцией, согласно которому Франция отказалась от своих претензий на Киликию и бросила её армянскую общину на произвол судьбы. Осаждённые турками в своих опорных пунктах в Хаджине и Зейтуне армянские силы сопротивления после ожесточённых боев были уничтожены. Погибло до 20 тысяч армян[11].

Активность в решении армянского вопроса за счёт мусульманских народов проявляли и другие державы Антанты. Англия снабдила дашнакскую Армению военным обмундированием и снаряжением на 30000, а США – на 150000 человек[12].

В 1922 году «Англия вооружает дашнаков в Керманшахе, в Тавризе (Тебризе. – *Авт.*) и в горах Карадага… Армянский вопрос очень сильно волнует общественное мнение в Англии и Америке… Как раз по этому вопросу произошли серьёзные разногласия между Францией и Англией»[13]. Но Великобритания, как уже не раз бывало, укрепившись на Ближнем Востоке, после оккупации Стамбула в марте 1920 года охладела к армянскому вопросу, и на конференции в Сан-Ремо (апрель-май 1920 г.) вопрос о судьбах Армении передаётся США. Дашнаки, отстаивая лозунг «Великой Армении», предполагали вручить мандат на это «независимое» государство США, президент которых В. Вильсон согласился с данным политическим проектом. Таким образом, «Великая и независимая» Армения с Киликией и выходами к Чёрному и Средиземному морям – «это был американский проект, рождённый фантазией победителей (стран Антанты. – *Авт.*), живших тогда ещё иллюзиями своего могущества; он приводил бы к соотношению на новой территории мусульманского населения к армянскому, как четыре к одному»[14].

Это, вне сомнения, вызвало бы у дашнакских лидеров, небезосновательно надеявшихся на поддержку Антанты, соблазн продолжить этнические чистки мусульман для резкого сокращения их числа и упрочения положения армянской общины в предполагаемом армянском государстве, создание которого на долгую перспективу тогда так и осталось нереализованным. Верховный совет Лиги Наций признал, что без внешней поддержки Армения как государство существовать не сможет. Вильсон принял поручение Лиги определить границы, которые надлежит отвести Армении за счёт побеждённой Османской империи, и внёс на рассмотрение союзников по Антанте своё предложение. Согласно ему Армения получала большую часть Эрзурумского и Трапезундского вилайетов с портом (ныне Трабзон) на Чёрном море, а также полностью вилайеты Битлисский и Ванский, общей площадью 30000 кв. миль с береговой линией в 150 миль. В случае реализации этого проекта территория предполагаемого Армянского государства (с выходом к морю) составила бы 150 тысяч кв. км. Но американский Сенат при голосовании по проблемам внешней политики отверг этот мандат большинством, лишив опустошённую и разорённую Армению поддержки США.

Однако отсутствие своей признанной государственности на территории бывшей Османской империи не останавливало дашнаков. После разгрома армянской общины в Киликии силы дашнаков сосредоточились в Закавказье, прежде всего в Карской области (бывшем владении Российской империи), которая после Первой мировой войны перешла под контроль созданного в это время дашнакского Армянского государства. Там, несмотря на очевидное крушение своих «великоармянских» надежд, они продолжали свою политику воинствующего национализма. Олицетворением её стала деятельность Гарегина Нжде (Тер-Арутюняна), который в 1919 году, после создания Армянского государства, проводил в Зангезуре «арменизацию» этого района, изгоняя оттуда остатки мусульманского населения и жестоко подавляя восстание 22 азербайджанских сёл. Бывший первый секретарь правительства первой Республики Армения О. Деведжян позже признавал, что Г. Нжде использовался армянскими властями «по очищению Зангезура от азербайджанцев, а затем по борьбе против (российской. – *Авт.*) Красной армии». Когда части Красной армии вошли в Зангезур, он возглавил антисоветское восстание, что стоило жизни 12 тысячам русских красноармейцев.

«После разгона парламента (меджлиса Османской империи в Стамбуле) англичанами, оккупировавшими Стамбул 16 марта 1920 года… воспользовавшись смутным положением… они (армянские боевики. – *Авт.*) производят, прежде всего, “чистку населения”. Всё мусульманское население Карской области, Эриванской губернии или уничтожается, или принудительно выселяется на территорию Турции и Персии. Районы Шурагел, Кагызмана, Каракурта, Сары-

камыша, Сурманли превращаются в пепелища, население же десятками тысяч убегает, куда глаза глядят»[15]. «Копия телеграммы главнокомандующего Кавказским фронтом М.А. Пржевальского от 10 мая сего [1917] за № 4269. Тифлис. Вогенгуберу (военному генерал-губернатору. – *Авт.*). [В] половине апреля… по донесению начальника разведчиков, партия вольнонаёмных турок, работающих в железнодорожном отряде района Ашкалы, заявила ему, что они принуждены будут скоро забастовать, ибо прибывающие из России армяне-беженцы собираются устроить [в] скором времени резню турок. Прошу Ваших распоряжений [для] недопустимости подобных выступлений [со] стороны армян. Пржевальский»[16].

Всплеск погромов, которые устраивали дашнакские формирования и греческие интервенты, сошёл на нет на территории Турции только после возрождения турецкой государственности Мустафой Кемалем Ататюрком[1717], а в Закавказье – после установления с помощью российской Красной армии советской власти в Восточной Армении. Это положило конец недолгому существованию – с мая 1918 по декабрь 1920 года – под властью дашнаков так называемой Араратской республики, целью независимости которой было, как откровенно выразился 17 августа 1919 года её начальник Генштаба полковник Зинкевич, «стремление собрать весь армянский народ, чтобы уберечь его от рассеяния по свету, подобно евреям. Для этого нужна площадь, освобождённая от мусульман, и нужен покровитель, который защитил бы и поднял экономически будущую Армению…». При этом Россия, уже ставшая советской, была исключена из «покровителей армян» «как страна людей… равно относящаяся ко всем нациям», которая «не позволит армянам выселить татар» (азербайджанцев. – *Авт.*), тем более, «что касается экономической помощи, то она может быть оказана Россией только через 15 лет»[18]. В этом можно увидеть истинное, а именно – потребительское отношение власть имущих дашнакской Армении к России.

Примечания

[1] *Лалаян А.А.* Контрреволюционная деятельность партии Дашнакцутюн // Исторические записки. 1928. № 2. С. 106.

[2] Там же.

[3] Центральный государственный архив Республики Грузия. Ф. 13. Оп. 1. Д. 114. Л. 94.

[4] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1142. Л. 1.

[5] Там же. Л. 2.

[6] Там же. Л. 4-5.

[7] Там же. Л. 3.

[8] Там же. Л. 10.

[9] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 64. Оп. 1. Д. 22137. Л. 2, 2об.

[10] Оризон. 1912. №196. Цит. по: *Карамян К.Н.* Положение западных армян, «Армянский вопрос» и международная дипломатия в последней четверти XIX века и начале XX века. Ереван, 1972. С. 81; *Гурко-Кряжин В.А.* Ближний Восток и державы. М., 1925. С. 93.

[11] Мшак. 1914. 20 сентября. № 208. Цит. по: *Киракосян Дж.* Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ереван, 1974. С. 212.

[12] *Хачикоглян Т.* 10 лет Армянской стрелковой дивизии. Тифлис, 1930. С. 4, 6.

[13] *Ховсепян Х.* Мувараза ве курулуш или (Десять лет войны и освобождения). Ереван, 1956. С. 3-6.

[14] *Лалаян А.А.* Контрреволюционная деятельность партии Дашнакцутюн. С. 99.

[15] РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1191. Л. 40–40об.

[16] РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 22. Л. 130, 130об.

[17] *Ирандуст.* Движущие силы кемалистской революции. М.-Л., 1928. С. 67-69.

[18] РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 22. Л. 130об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-77-83

Вальдемар Шмидт

НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ И ПАЛЕСТИНА В 1930-е годы

История арабо-израильского конфликта широко представлена в историографии, но несмотря на это, имеется ряд проблемных вопросов, связанных с взаимоотношением арабов с нацистским рейхом и восприятием в арабском мире идеологии национал-социализма. С другой стороны, тема арабо-израильского конфликта имеет актуальное значение для понимания сложившейся ситуации в Европе, вызванной эмиграцией арабских беженцев и возникновением во многих европейских странах арабского антисемитизма, направленного против европейских евреев, причем это ярко проявляется в их общественно-политической жизни.

В данной статье будут рассмотрены вопросы об отношении нацистской Германии к палестинской проблеме 1936–1937 годов, вопросы, связанные с восприятием национал-социалистической идеологии в арабском мире и деятельности внешнеполитического ведомства нацистской Германии в отношении Палестины. Проблема арабо-израильского конфликта возникла задолго до принятия декларации Бальфура и связана прежде всего с эмиграцией восточноевропейских евреев в Палестину, что в свою очередь сформировало антиеврейскую направленность в сознании проживающих в Палестине арабов. В плане рассмотрения темы важное значение приобретает исследование Гилберта Ахкара, в котором автор на широком фактическом материале раскрыл этапы развития арабо-израильского конфликта и позиции Германии в данном вопросе. В данном исследовании также освещены вопросы о развитии арабского национализма и его взаимоотношений с нацистским рейхом.

До конца Первой мировой войны Палестина являлась одной из отсталых провинций Османской империи. Большинство её населения в этот период составляли этнические арабы суннитского вероисповедания. Кроме этого, в городах Палестины проживали арабы-христиане. Еврейское население Палестины было представлено сефардами, которые в основном селились в городах Иерусалиме, Хеброне, Тиберии и Сафеде. Евреи-ашкенази появились в Палестине с 1881 года, когда после убийства Александра II в результате еврейских погромов в Российской империи усилилось эмиграционное движение евреев. В основном поток в этот период был направлен в США, и только 70000 человек до 1914 года из Восточной Европы переселились в Палестину. В период Первой мировой войны Палестина стала ареной военных столкновений между английскими и турецко-германскими войсками. Англо-турецкое соглашение о прекращении военных действий, заключенное в Мудросе 30.11.1918 года, способствовало окончанию войны в этом регионе, однако, что касалось вопроса о положении Палестины, то он не был разъяснён. Враждебность со стороны местного мусульманского и христианского населения Палестины возрастала по мере роста еврейского переселенческого движения и одновременно по мере того, что руководители сионистского движения стремились к созданию на её территории еврейского государства. Поэтому перед началом Первой мировой войны в противовес сионизму развился арабский национализм.

Начало сионистской колонизации Палестины, впрочем, как и первое враждебное отношение со стороны арабского населения Палестины к евреям, возникло ещё до захвата Гитлером власти. Арабское население Палестины рассматривало сионистскую колонизацию как дальнейшее продолжение европейского колониализма[1]. Особенно это представление развилось в среде арабов в период английского мандата, после окончания Первой мировой войны. В своём знаменитом письме от 2.11.1917 года руководите-

лям сионистского движения лорд Бальфур, английский министр иностранных дел, писал: «Уважаемый лорд Ротшильд! Имею честь передать вам от имени правительства Его Величества следующую декларацию, в которой выражается сочувствие сионистским устремлениям евреев, представленную на рассмотрение кабинета министров и им одобренную: Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании национального очага для еврейского народа, и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране. Я был бы весьма признателен вам, если бы вы довели эту декларацию до сведения Сионистной Федерации. Искренне ваш, Артур Джеймс Бальфур»[2]. Декларация Бальфура явилась исходным пунктом в развитии еврейско-арабской конфронтации[3]. Этот документ не был оглашён английскими служащими в Палестине в течение двух лет. Слухи о его существовании вызвали огромные протесты в Палестине[4].

Независимость, которую обещала Великобритания бывшим колониям на Ближнем Востоке, осталась незавершённым политическим актом. Национальное сопротивление против британского империализма основывалось на развитии социальных противоречий в арабской среде. После того как Англия получила мандат на управление этой территорией, ничего другого не следовало ожидать, как прошли первые антиеврейские выступления арабов: первое в 1920 году в Иерусалиме, а затем в 1921 году в Яффе, достигшие своего апогея в ожесточенных столкновениях между евреями и арабами в 1929 году[5]. Надо отметить, что еврейско-арабские отношения в Палестине в 1920-е годы не были гармоничными, но все-таки до конца 1920-х годов в Палестине не происходило ожесточённых столкновений между этими группами населения. Обострение в конце 1920-х годов конфликта между евреями и арабами в Палестине вынудило Великобританию провести реорганизацию аппарата безопасности, а также организовать специальную комиссию, целью которой являлось изучение ситуации, создавшейся в Палестине. В сообщении этой комиссии в марте 1930 года прямо говорилось о влиянии арабов на развитие конфликта, но также подчеркивалось, что на обострение отношений внутри страны сильно влияет еврейская эмиграция, которая и является решающим фактором дестабилизации положения в Палестине. На основе этого сообщения колониальный министр Великобритании лорд Пассфильд 20.10.1930 года издал «Белую книгу», в которой были оговорены новые моменты британской политики в Палестине. Пассфильд подчеркивал значимость вопроса о более тщательном контроле переселения. Это заявление британского колониального министра вызвало протесты в среде сионистов.

Позиция нацистской Германии во внешнеполитической доктрине в отношении стран Ближнего Востока определялась методами осторожной политики. Стремясь укрепить свои позиции в регионе, нацистская дипломатия старалась не вступать в открытый конфликт с Англией и Францией. В своей внешнеполитической доктрине в отношении стран Ближнего Востока нацистская Германия руководствовалась принципами политики Веймарской республики, что означало признание главенствующей роли Великобритании в этом регионе, закрепленной решениями Версальского мира, а следовательно – исключения тех моментов и планов, которые могли бы вести к осложнению этих отношений. Ко всему нацистская Германия, исходя из своей внешнеполитической доктрины в отношении ближневосточных государств и признания доминирующей роли Англии в этом регионе, не проявляла особого интереса в начале к поддержке арабского национального движения. Целью нацистской Германии прежде всего являлось укрепление своих позиций в Европе, и руководство Третьего рейха в своих стратегиче-

ских замыслах исходило из возможности договорённости с Великобританией о разделе сфер влияния[6]. Однако эти попытки нацистской дипломатии во внешней политике не привели к успеху.

В 1930-е годы центром политической жизни в регионе Ближнего Востока становится Палестина, прежде всего из-за постоянных столкновений и противоречий между арабами и евреями. Происходящие события в Палестине не могли оказать определенного воздействия в большей или меньшей степени на другие страны арабского мира[7]. Ещё в период веймарской Германии арабские националисты неоднократно обращались к руководству страны об оказании им помощи, однако их просьбы остались без удовлетворения. С приходом Гитлера к власти у значительной части арабских лидеров появились новые надежды на возможность получения помощи и поддержки со стороны Германии в их борьбе против Великобритании с одной стороны, а с другой стороны их борьбы против сионизма. Показательным в этом смысле является заявление великого муфтия Иерусалима Мухаммеда Амина аль-Хусейни, высказанное им в марте 1933 года при встрече с генеральным консулом Генрихом Вольфом, что «мусульмане внутри и за пределами Палестины приветствуют новый режим в Германии и надеются на распространение фашистских антидемократических режимов в других странах»[8]. В арабском мире нацистская Германия была воспринята прежде всего как враг евреев, а с другой стороны, рассматривалась ими как противник господства Великобритании в Палестине, Египте и Ираке. Эти симпатии к нацистской Германии прежде всего были сильно развиты в Палестине, так как арабов, проживавших там, в идеологии национал-социализма привлекал антисемитизм и в их среде рассматривался как средство в борьбе против сионизма. В данном смысле интересна работа Штефана Вильда, изданная в 1985 году, в которой автор конкретно исследует вопрос о влиянии национал-социализма в регионе Ближнего Востока в 1930-е годы. Автор в данном исследовании называет пять политических партий и движений в арабском мире, которые в большей или меньшей степени переняли элементы национал-социализма и фашизма в их деятельности[9]. В арабском движении за независимость против колониального господства Англии и Франции, которое также отрицательно относилось к сионистским стремлениям о создании еврейского государства в Палестине, участвовало большинство арабского населения, что в свою очередь вызвало образование различных политических течений. Представители арабского демократического направления в своей деятельности отвергали идеологию национал-социализма. Его политическая и пропагандистская деятельность мало нашла откликов среди арабских масс.

Помимо демократически настроенных сил, в арабском национальном движении на Ближнем Востоке и в Палестине имелись также партии и движения чисто профашистского характера. К их числу принадлежали партия Баас в Сирии, Сирийская социал-националистическая партия, Ливанская партия фаланги, Движение молодежи в Египте и иракское молодежное движение. Эти партии и движения были созданы по принципу фашистских организаций. В 1933 году в Египте был организован Союз молодежи Египта, насчитывающий в своём составе 2000 человек. Представители этого союза приняли участие в партийном съезде НСДАП в Нюрнберге в 1936 году[10].

Начало 1930-х годов характеризуется как процесс формирования политических партий в Палестине, которые придерживались различных ориентаций, но основную деятельность сосредоточили на создании партийных ячеек по всей стране. В марте 1935 года муфтий организовал «Партию союза арабских государств», которая преследовала целью борьбу против прав евреев в Палестине. Эта партия муфтия нашла союзника в лице организатора «Партии реформ» Хуссейни аль-Хамеди[11]. Помимо организации политических партий, в Палестине происходил дальнейший процесс радикализации молодежных организаций. В этот период центральной фигурой палестинского национа-

лизма был иерусалимский муфтий, который уже в 1933 году высказывал симпатии национал-социалистической идеологии. Когда в нацистской Германии в 1935 году были приняты нюрнбергские расовые законы, то Гитлер получил огромное количество телеграмм из стран арабского мира, где немецкая пропаганда была особенно активна. Деятельность муфтия Амина аль-Хусейни, направленная на борьбу против евреев в Палестине, рассматривалась им не только в религиозном контексте, но палестинский конфликт приобрел панисламистский и панарабский контекст. В одном из писем Гитлеру он писал, что «палестинский вопрос объединил все арабские страны в совместной борьбе и ненависти против Англии и евреев»[12].

13.10.1933 года началась генеральная забастовка арабов, прежде всего направленная против еврейского переселения. При этом в Хайфе еврейские учреждения были подвергнуты нападению[13]. Приход национал-социалистов в 1933 году в Германии к власти и дальнейший рост антисемитизма в других европейских странах способствовал развитию дальнейшей эмиграции евреев в Палестину. Так, если в 1933 году число прибывших еврейских эмигрантов составляло 30 327 человек, то в 1935 – 61 854. В 1937 году численность населения Палестины составляла 1 401 794 человек, из этого числа мусульмане составляли 883 446, а евреи – 395 836[14]. Британская администрация в Палестине рассматривала еврейскую эмиграцию с критической точки зрения. Для большинства служащих британского управления в Палестине основой для их деятельности служила декларация Бальфура, которая для Англии являлась базисом для её присутствия в Палестине. Некоторые служащие английской администрации были настроены проарабски, другие были антисемитами, но большинство было настроено антисионистски.

В этом смысле интересна оценка Франца Шаттенфро, автора антисемитской книги «Воля и раса», посетившего во второй половине 1930-х годов Палестину. Шаттенфро отмечал в заметках, что «британские полицейские большей частью являются приверженцами Мосли и, например, перед фашистским знаменем немецкого консульства поднимают в приветствии руку. Но главное то, что многие английские офицеры и служащие, которые на родине хорошо осведомлены о еврейском вопросе, в Палестине являются убежденными антисемитами»[15]. Для большинства арабов Палестины все более возраставшая волна еврейской эмиграции представляла важнейшую проблему их дальнейшего существования.

Развитие кризисной ситуации в Палестине в 1936 году показывает конкретно, что политика Англии как государства, имеющего по решениям Версальской конференции мандат на управление этой территорией, была направлена на создание еврейского национального государства, а также одновременно на оказание защиты арабскому населению в Палестине[16]. Результатом деятельностью английской комиссии во главе с Пилем, целью которой в июне 1937 года было изучение основополагающих аспектов палестинской проблемы, явился план раздела Палестины на два независимых государства – еврейское и арабское. Тем самым английское правительство видело в разделе Палестины возможность решения конфликта[17].

Позиция фашистской Германии по вопросу кризисной ситуации в Палестине определялась прежде всего её интересами и политическими требованиями о возможности еврейского переселения. Провозглашение Великобританией новой политики в отношении Палестины и противоречия политического характера, возникшие в этом регионе, привели к тому, что нацистская Германия была вынуждена обратить внимание на палестинскую проблему и пересмотреть свою политику в отношении Палестины[18]. Ещё до прихода к власти Гитлер выступал против создания еврейского государства в Палестине[19]. Это отрицательное отношение имело следующее обоснование, что образование еврейского государства укрепит организации западноевропейских евреев и евреев других стран, что будет способствовать их защите[20].

Эта точка зрения на создания еврейского государства в Палестине была также высказана министром иностранных дел фашистской Германии Нейратом в одном из меморандумов относительно решения комиссии Пиля о разделе Палестины. Он писал, что «образование еврейского государства в Палестине не соответствует интересам Германии, но интересам Германии соответствует усиление арабов как противовес влиянию евреев»[21]. Поэтому одним из важных аспектов политики Германии в Палестине было прежде всего отношение к арабскому населению. Надо отметить, что решения комиссии Пиля рассматривались в нацистской Германии как неудавшаяся попытка раздела Палестины на еврейские и арабские округа, поэтому в правительственных и партийных кругах выступали против возможности создания еврейского государства в Палестине. Арабские националисты публично не выражали протеста против политики Германии, направленной на поощрение эмиграции евреев в Палестину, но дальнейшее проведение этой политики впоследствии способствовало развитию противоречий между арабами и Германией.

Позиция нацистской Германии в «палестинской проблеме» резко изменилась после опубликования статьи Альфреда Розенберга в «Völkische Beobachter» 4.01.1936 года, в которой он высказал мнение, что сионизм представляет определённую опасность. Выступление Розенберга в официальном органе нацистской Германии способствовало тому, что 21.01.1936 года был учреждён орган во главе с Шумбургом, целью которого являлась координация немецкой политики в отношении Палестины. Шумбург придерживался идеи, что нацистская Германия должна поддерживать политику Англии в отношении Палестины, однако она должна помешать созданию еврейского государства в Палестине. К тому же Шумбург подчеркивал, что эмиграция евреев должна происходить в интересах Германии, однако он также отмечал, что всеобщая эмиграция евреев из Германии будет только способствовать частичному решению внутриполитического вопроса об евреях в рейхе. По мнению Шумбурга, еврейское государство в Палестине должно будет укрепить еврейское влияние в мире[22].

Шумбург не предлагал пересмотра существующей до этого немецкой политики в отношении Палестины, требование которой особенно были направлены на эмиграцию евреев в Палестину[23].

После возникновения кризисной ситуации в Палестине в апреле 1936 года на происходившие столкновения между арабским и еврейским населением в официальной прессе нацистской Германии пропагандировался тезис о невмешательстве в события в Палестине. Эту же позицию подтвердил в своей деятельности генеральный консул в Иерусалиме Доле. Интересен тот факт, что вопрос об эмиграции немецких евреев в Палестину был главной темой беседы 7.12.1936 года между представителем сионистской организации в Германии Зигфридом Мозесом и генеральным консулом в Иерусалиме Доле. Мозес в этой беседе сообщил генеральному консулу Доле точку зрения руководителей сионистского движения на вопрос об эмиграции немецких евреев в Палестину, в котором подчеркнул, что было бы желательно, если бы комиссия Пиля могла также рассмотреть в интересах Германии вопрос о расширении возможностей эмиграции евреев в Палестину. Доле отнесся к этому предложению скептически, так как он не верил, что немецкое правительство готово к этому шагу. В министерстве иностранных дел нацистской Германии в начале января 1937 года стало работать отделение, изучавшее положение в Палестине. Руководитель этого отделения Генрихс предлагал провести изменения основ в немецкой политике по отношению к Палестине. Английское правительство, считал он, должно обратить внимание на немецкую позицию в палестинском вопросе и отказаться от идеи создания еврейского государства в Палестине.

Совершенно другую позицию в развитии положения в Палестине имел генеральный консул в Иерусалиме Доле. В конце 1937 года он сообщил в министерство иностранных дел свой взгляд по проблеме решения палестин-

ского вопроса, отмечая, что комиссия Пиля не имеет каких-либо конкретных решений по данной проблеме. Доле не ограничился критикой немецкой политики в отношении Палестины, но и предложил пересмотр этой политики. В частности, он писал, что «мы мало сделали для того, чтобы сохранить и усилить симпатии, которые арабы испытывают к новой Германии, и упустили из виду опасность того, что арабы из-за нашей помощи в строительстве еврейского национального очага и еврейской экономики могут стать нашими врагами»[24]. Далее Доле, высказывая своё мнение о позиции Германии к арабскому населению Палестины, подчеркивал, что для немецких интересов в Палестине было бы важнее создание арабского государства, чем еврейского, обосновывая своё мнение тем, что Палестина станет одной из немногих стран Ближнего Востока, где Германия может рассчитывать на симпатии и где для Германии будет найден рынок сбыта для немецкой внешней торговли.

В 1937 году состоялась встреча генерального консула в Иерусалиме Доле с аль-Хусейни, на которой муфтий вновь затронул вопрос о симпатиях арабов к Германии и высказал мысль о надежде на её помощь в борьбе против евреев. В этой беседе муфтий также остановился на том, что интересы арабов совпадают с интересами нацистской Германии, и просил у консула выяснить, может ли германское правительство открыто выступить против создания еврейского государства[25]. Однако в Берлине по-прежнему старались проводить политику невмешательства в конфликт, возникший в Палестине, и заняли выжидательную позицию. В тоже время в нацистской прессе была организована кампания, направленная против плана раздела Палестины. Осторожность нацистского руководства и его внешней политики относительно прямых контактов и поддержки арабского национального движения в Палестине объяснялась прежде всего тем, что в нацистской Германии мало верили в реализацию предложенного английского плана по разделу Палестины. С началом Второй мировой войны Палестина для Германии отошла на второй план.

Примечания

[1] *Achcar, Gilbert.* Die Araber und der Holocaust. Der arabisch-israelische Krieg der Geschichtsschreibungen. Hamburg, 2012. S. 17.

[2] Bericht über Palästina. Erstattet durch die britische königliche Palästina – Kommission unter dem Vorsitz von Earl Peel. Berlin, 1937. S. 25.

[3] *Küntzel, Matthias.* Djihad und Judenhass. Freiburg 2003. S. 15.

[4] *Weht-Fischer, Kurt.* Amin al-Husseini. Großmufti von Palästina. Berlin, 1937, S. 65.

[5] *Segev, Tom.* Es war einmal ein Palästina. Juden und Araber vor der Staatsgründung Israels. München, 2005. S. 16.

[6] *Hillgruber, A.* Das „Dritte Reich“ und der Nahe/Mittlere Osten 1933–1939, in: “Mitteilungen der Ranke – Gesellschaft”? № 2 (1988). S. 137.

[7] *Шестрюков С.А.* «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха. Барнаул, 2014. С. 47.

[8] *Gensicke, Klaus.* Der Mufti von Jerusalem, Amin el Husseini und die Nationalsozialisten. Frankfurt am Main, 1989. S. 45.

[9] «Die Welt des Islams» (25), № 1 (1985). S. 130.

[10] *Steppat, Fritz.* Das Jahr 1933 und seine Folgen für die arabischen Länder des Vorderen Orients, in: Schulz, Gerhard (Hrsg.): Die Große Kriese der dreißiger Jahre. Von Niedergang der Weltwirtschaft bis zum Zweiten Weltkrieg. Göttingen, 1985. S. 273.

[11] См.: *Schiller, David Th.* Palästinenser zwischen Terrorismus und Diplomatie. Die paramilitärische palästinensische Nationalbewegung von 1918 bis 1981. München, 1982, S. 55.

[12] *Höpp, Gerhard (Hrsg.).* Mufti – Papiere. Briefe. Memoranden. Reden und Aufrufe Amin al-Husaines aus dem Exil. 1940–1945. Berlin, 2001. S. 21.

[13] *Krämer, Gudrun.* Geschichte Palästinas. Von der osmanischen Eroberung bis zur Gründung des Staates Israel. München, 2002. S. 297.

[14] *Krämer, Gudrun.* Geschichte Palästinas, S. 280.

[15] *Schattenfloh, Franz.* Britenfaust und Judengeist. Eine Reise durch Ägypten und Palästina im Schatten des Krieges. Berlin, 1940. S. 55.

[16] См.: *Maam al-Hamui.* Die britische Palästinapolitik. Berlin, 1943. S. 136.

[17] *Schüle, Adolf.* Der Plan der Teilung Palästinas, in: "Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht". № 8 (1938). S. 470–499; а также: *Weiß, Günter.* Die Entwicklung der Palästinafrage seit dem Peel – Bericht, in: "Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht" № 9 (1939/40). S. 328-426.

[18] *Dessouki, Kamal.* Hitler und der Nahe Osten. Berlin, 1963. S. 39.

[19] *Hitler, Adolf.* Mein Kampf. München, 1943. S. 356.

[20] *Phelps, Reginald H.* Hitlers grundlegende Rede über den Antisemitismus, in: "Vierteljahreszeitschrift für Zeitgeschichte". № 16 (1968). S. 403.

[21] *Lewis, Bernard.* "Treibt sie ins Meer!" Die Geschichte des Antisemitismus. Frankfurt/Main, 1987. S. 170.

[22] *Schröder, Josef.* Die Beziehungen der Achsenmächte zur arabischen Welt, in: "Zeitschrift für Politik". № 18 (1971). S. 80-95.

[23] *Neubert, Paul Harald.* Die deutsche Politik im Palästina – Konflikt 1937/1938. Bonn, 1977. S. 9.

[24] См.: Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Под общ. ред. О.А. Колобова. Т. 1. Закономерности и особенности. Нижний Новгород, 2008. С. 273.

[25] *Шестюков С.А.* Указ. соч. С. 52.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-84-88

А.Е. Локшин

ИУДАИЗМ В ОЦЕНКЕ ЭКСПЕРТОВ КГБ

Период «оттепели» – либерализации советского режима примерно с 1958 г. – отмечен и антирелигиозным «штурмом небес» – резким усилением борьбы с религией. Инициатива здесь, несомненно, принадлежала Н.С. Хрущёву – Первому секретарю ЦК КПСС, ставшему затем и Председателем Совета министров СССР. Как из рога изобилия, пошёл поток партийных и правительственных постановлений, направленных на осуществление лозунга «О преодолении религиозных пережитков в обществе». Главной мишенью руководства стала самая крупная конфессия в стране – православная церковь. Немало внимания было уделено и еврейской религии. Украина оказалась своеобразным лидером по размаху антииудаистской кампании. Настроения чиновников в этой республике опирались на лишь изменивший формы, но сохранявшийся государственный антисемитизм в то время[1]. Об этом свидетельствуют и публикуемые здесь архивные материалы, хранящиеся в Российском центре хранения современной документации.

Поступившая из Киева информация не была обойдена вниманием и воспринята на Старой площади в Москве как «тревожный сигнал» явного неблагополучия в сфере партийного контроля над иудейскими общинами и их прихожанами. Первый заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В.И. Снастин (1913–1976), отличившийся ещё в годы борьбы с космополитизмом, наметил срочные меры по усилению пропаганды, направленной на раскрытие «реакционной сущности» и «националистического характера» еврейской религиозной литературы. Эти предложения были одобрены секретарями ЦК М. Сусловым, Е. Фурцевой и Н. Мухитдиновым, подвигли украинское руководство на более решительные действия[2]. Борец с иудаизмом Т. Кичко в брошюре «Іудаізм без прикрас», изданной Академией наук Украины в 1963 г. тиражом в 12 тыс. экз., писал, что «спекуляция мацой, свининой, воровство, обман, разврат – суть настоящее лицо руководителей синагоги» (с. 56). В аннотации говорилось: «Иудаизм… вобрал в себя в концентрированном виде всё самое реакционное в писаниях современных религий». Унизительны были опубликованные в брошюре многочисленные карикатуры, сами по себе напоминающие нацистскую антисемитскую пропаганду. С протестными заявлениями на книгу Кичко выступили самые различные политические силы: от представителя США в Комиссии ООН по правам человека М. Абрамса до лидеров французских и итальянских коммунистов М. Тореза и П. Тольятти. В результате по распоряжению тогдашнего идеолога партии Л.Ф. Ильичева решением Идеологической комиссии при ЦК КПСС признавалось, что в брошюре Кичко имеется «ряд ошибочных высказываний… и иллюстрации могут оскорбить чувства верующих и быть истолкованы в духе антисемитизма»[3]. А на следующий день в «Известиях», главным редактором которых был А. Аджубей, в статье «Об одной непонятной шумихе» отмечалось: «Сам по себе замысел этой брошюры не может вызвать никаких сомнений. Иудаизм, как и любую другую религию, можно и должно подвергать научной критике. Силы на Западе спекулятивно используют факт появления брошюры, чтобы навести “тень на ясный день”, опорочить политику Советского государства в национальном вопросе»[4].

За последние годы правления Хрущева число антииудаистских статей продолжало расти. К 1964 г. издано не менее 240 подобных статей, что составляло примерно от 15 до 20% антирелигиозных публикаций в стране, направленных против православия, ислама, католицизма и других конфессий[5].

Документы

ОТДЕЛУ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ ЦК КПСС ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ

Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров УССР поручил группе соответствующих работников изучить содержание библии-торы и еврейских молитвенников иудейского религиозного ритуала, а именно:

1. Тора («Пятикнижие») на древнееврейском языке.
2. Танах (тора, книги пророков, письмена) на древнееврейском языке
«Кисвей Кодеш», гор. Вильно, изд. Ромм, 1893 г.
3. Каноническое издание Ветхого и Нового завета, Нью-Йорк, издание Американского библейского общества.
4. Некоторые разделы Талмуда.
5. Молитвенник «Мир», изданный еврейской религиозной общиной Москвы (1956 г.) под ред. раввина Ш.М. Шлифера[6].
6. Молитвослов «Тфилес Исроел» (молитвы Израиля) с русским переводом. Вильно, 1907.
7. Молитвенник «Кол Бэй» («Всё в нём»). Дореволюционное русское издание (год издания не указан) на древнееврейском языке.
8. Молитвенник краткий на древнееврейском языке, Вильно, 1937 г.
9. «Махзир» на древнееврейском языке (Богослужение в первый день «Рош-Гано»), дореволюционное издание (год издания не указан). Молитвенник «Тфилес Исроел» («Молитвы Израиля»), изданы в Базеле.
10. Молитвенник «Ам Исроел» («Еврейский народ»). Тель-Авив, 1953.
11. Молитвенник «Ме прас Эйнаим»[7] («Светоч очей»). Тель-Авив. Издательство Синай, 1956 г.
12. Молитвенник «Сидер Гашалом» («Полный молитвенник»), Тель-Авив, изд. Синай, 1956 г.
13. Молитвенник «Тфилас Шаходеш» («Новый молитвенник»), Тель-Авив, изд. Синай, 1956 г.
14. Молитвенник «Дерех Гахаим» («Путь жизни»), Тель-Авив, изд. Синай. Составитель Яков из Лиссы. Год изд. 1954.
15. «Пятикнижие» на древнееврейском языке с комментариями, Базель[8].
16. В связи с тем, что в выводах комиссии о содержании литературы имеются ссылки на молитвенник «Мир», изданный в своё время в Москве, посылаем к сведению копию выводов.

Зав.отделом пропаганды и
агитации ЦК КП Украины (Хворостяный)
2 /9 -1959 г.

ВЫВОДЫ

Библия–тора, книги пророков, письмена, молитвенники проникнуты насквозь духом воинствующего национализма, «духовного расизма», который нередко перерастает в расизм биологический и политический. Тора-библия, молитвенники, книги пророков, письмена[9], написанные в определённых исторических условиях, легли в основу идеологии сионизма, возникшего во второй половине XIX века. Современный сионизм придал основным положениям еврейской религии резко выраженную политическую функцию.

Особенно широко используются современным сионизмом порочные концепции торы, книги[10] пророков, письмен и молитвенников, в соответствии с которыми евреи, «рассеянные» по всей земле, должны в конце концов возродиться в своем национальном государстве, в своей «колыбели», в древней Палестине. Эта клерикальная концепция, получившая своё политическое выражение ещё во 2-й половине XIX века, в движении сионизма приобрела в настоящее время новые, расистские черты. Опираясь на неё, современный сионизм выдвинул тезис необходимости духовной и политической агрессии империалистического государства Израиль.

1. В условиях советской действительности одним из главных питательных источников националистических и сионистских взглядов, приобретающих нередко, как это явствует из материалов экспертизы, антисоветскую функцию, являются молитвенники, библия-тора, книги пророков, письмена, а также еврейский религиозный ритуал. Именно эта религиозная литература, свободно читаемая и изучаемая в синагогах, миненах[11] и ешиботе[12], являются средством для пропаганди[13] сионистских взглядов, в соответствии с которыми еврейский народ якобы является нацией и не существует какой-либо разницы между евреями-гражданами Советского Союза и евреями, проживающими в Израиле, Америке и других капиталистических странах.

2. Заведомо фальшивый тезис еврейской религиозной литературы об «общности» и «братстве» евреев всего мира в настоящих условиях не только вбивает клин между еврейским нацменьшинством Советского Союза и социалистическими странами, но может толкнуть верующих евреев-граждан Советского Союза, а также евреев, прямо или косвенно попавших под их влияние, на путь антипатриотизма. Этот тезис, используемый враждебными элементами в пропагандистских целях, направлен на то, чтобы отвлечь евреев Советского Союза от дела коммунистического строительства, привить им порочный тезис о том, будто евреи, проживающие в СССР, связаны в большей степени с заокеанскими и израильскими капиталистами еврейского происхождения, чем с окружающим их населением нееврейского происхождения. Особенно полезны для враждебных элементов, пропагандирующих сионизм, многочисленные высказывания молитвенников, торы-библии, пророков, письмен, в соответствии с которыми подлинной родиной евреев, вне зависимости[14] от того, где бы они ни проживали, является не страна, воспитавшая их, а Сион (т.е. империалистическое государство Израиль).

3. Еврейская религиозная литература может быть широко использована враждебными элементами для пропаганды среди еврейского населения СССР расистской концепции исключительности и превосходства еврейского народа, для пропаганды ненависти к «инородцам» и «инакомыслящим», к окружающему населению, для взращивания «этики», враждебной устоям социалистической морали. В то же время библия-тора, книги пророков, письмена, молитвенники прививают верующим евреям Советского Союза ложные представления о том, будто материализм и вытекающий из него атеизм являются «ересью», поскольку они не соответствуют догмам еврейской религии. Более того, все эти религиозные письмена, в сущности, толкают на путь отрицания материалистической мысли, ибо всё то, что противоречит иудейским догмам, в соответствии с торой-библией, талмудом, книгами пророков и письменами, достойно всяческого посрамления и унижения.

4. Экспертная комиссия обращает внимание на то, что националистические, сионистские концепции, проповедуемые торой-библией, пророками, письменами, молитвенниками, могут оказывать своё вредное влияние не только непосредственно, но и, так сказать, опосредованным путём: через литературу, некоторые старинные народные песни, пословицы, обычаи, «этические» представления и т.д. В силу этого концепции, пропагандируемые торой-библией, книгами пророков, письменами, молитвенниками, концепции, столь выгодные[15] современным сионистам, получают более широкий диапазон[16]. Под их враждебным воздейст-

вием оказываются не только верующие евреи, но и лица, тем или иным образом сталкивающиеся с проявлениями религиозной иудаистской традиции в семье и быту.

5. Комиссия обращает особое внимание на то, что молитвенник «Мир», изданный в 1956 г., является одним из самых реакционных молитвенников, выпущенных за последние 100 лет. В нём помещены молитвы, наиболее реакционные («Алейну»[17], «Колнидре»[18] и др.), молитвы, которые открыто проповедуют сионизм, «исключительность» и «превосходство» еврейского народа, конечную победу еврейского народа над всем миром.

Если даже израильские молитвенники сочли нужным наиболее реакционные, мракобесические молитвы снабдить комментариями, если ряд дореволюционных молитвенников вовсе опустил наиболее расистские и националистические, агрессивные молитвы, которые призывают к ненависти к другим народам, то молитвенник «Мир» воспроизвёл эти молитвы полностью, без каких-либо примечаний[19].

Экспертная комиссия не может не рассматривать подобную редакцию молитвенника как сознательное действие, направленное на пропаганду сионизма, направленное на подрыв дружбы, на развращение умов трудящихся евреев, проживающих в Советском Союзе.

Верно: (подпись не разборчива).

ЦК КПСС[20]

Зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП Украины т. Хворостянный[21] сообщает, что КГБ при Совете Министров УССР изучил еврейскую религиозную литературу, имеющую распространение среди верующих евреев-граждан СССР.

Установлено, что эта литература проникнута духом воинствующего национализма и в условиях советской действительности является источником пропаганды сионизма. В числе этих изданий имеется молитвенник «Мир», выпущенный в 1956 г. в Москве.

Надо заметить, что бóльшая часть указанных книг была распространена в нашей стране ещё до Октябрьской революции, некоторые из них проникли в годы Великой Отечественной войны. Что касается молитвенника «Мир», то это издание было выпущено с ведома Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

Все эти издания являются основной еврейской религиозной литературой, сложившейся в определённых исторических условиях.

В целях пресечения вредного влияния указанной литературы на верующих-евреев на граждан СССР считаем целесообразным в оперативном порядке принять следующие меры:

1. Рекомендовать Госполитиздату, редакции журнала «Наука и религия», а также центральным и местным органам печати выпустить популярные издания и опубликовать ряд статей, в которых раскрыть националистический характер еврейской религиозной литературы.

2. Обратить внимание Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний на необходимость в выступлениях его лекторов по атеистическим вопросам раскрыть реакционную сущность еврейской религиозной литературы, направленную на пропаганду сионизма, подрыв дружбы народов СССР.

Просим согласия.

Зам. Зав. Отделом пропаганды
и агитации ЦК КПСС по союзным республикам (В. Снастин)
17 сентября 1959 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 127. Л. 31-37. Копия. Дата регистрации: 7.9.1959.

Примечания

[1] *Костырченко Г.* Тайная политика Хрущёва. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 221.

[2] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 227. Л. 37.

[3] Правда. 1964. 4 апреля.

[4] Известия. 1964. 5 апреля.

[5] См.: *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge, 1988. P. 287.

[6] Молитвенник «Мир» был единственным молитвенником, изданным при советской власти. Тираж 3 тыс. экз. С 1943 г. Ш.М. Шлифер (1889–1957) – раввин Московской хоральной синагоги. В 1957 г. создал единственную легальную в Советском Союзе иешиву, которая готовила шохетов – резников, совершавших убой скота и птицы в соответствии с ритуальными предписаниями.

[7] При транслитерации названия молитвенника, видимо, была допущена ошибка. Следует читать «*Меирас Эйнаим*»

[8] Необходимо учитывать, что названия молитвенников записаны кириллицей в соответствии с транскрипцией. принятой у евреев, говорящих на языке идиш. Поэтому некоторые из названий отличаются от установленных ивритских транскрипций.

[9] В тексте допущена ошибка. Имеется в виду «книг пророков».

[10] Танах – Библия (в христианской традиции Ветхий завет), аббревиатура названий трёх его разделов: Тора, Невиим у-Хтувим (Пятикнижие, Пророки и Писания).

[11] Минен (правильно – *миньян*, буквально означает «счёт», «подсчёт», «число») – кворум из десяти взрослых мужчин (старше 13 лет), необходимый для общественного богослужения и для исполнения ряда религиозных церемоний.

[12] *Иешива* (букв. означает «сидение», «заседание». Множественное число – иешивот, в русской традиции – иешибот) – название института, которое является высшим религиозным учебным заведением в иудаизме. В Новейшее время иешивы служат для подготовки к званию раввина учащихся иешив. После революции в Советском Союзе деятельность подобных учебных заведений была запрещена, хотя существовали подпольные иешивы. Как уже отмечалась, первая легальная иешива открылась при Московской хоральной синагоге в 1957 г.

[13] Описка: пропаганды.

[14] Эта концепция находилась в явном противоречии с принятой в Советском Союзе официальной позицией, опиравшейся на брошюру И. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.), согласно которой русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи не являются единой нацией, а «живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере». См.: Сталин И. Сочинения. М., 1948. Т. 2. С. 297-300.

[15] Имеется в виду «выгодные».

[16] Очевидно, здесь должен быть конец одного предложения и начало другого.

[17] *«Алейну»* (буквально означает «нам надлежит») – молитва, которую читают по окончании каждой ежедневной, субботней или праздничной службы и в начале дополнительных служб на Рош-ха-Шана (Новый день) и на Йом-Кипур (Судный день). Включена во все молитвенники. По содержанию делится на две части. Первая является славословием Богу за то, что Он дал народу израильскому истинную веру и тем выделил его из других народов. Во второй части выражается надежда на скорое наступление царства Божия, когда истинная вера будет принята всем человечеством.

[18] Правильно «*Кол Нидре*» (буквально с иврита переводится как «все обеты») – провозглашение отказа от обетов, зароков и клятв, относящихся только к давшему их. Произносится один раз в году, в начале вечерней литургии в Йом-Кипур. (Судный день). Эта молитва в антисемитской литературе часто служит доказательством неблагонадёжности любой присяги, произносимой иудеями.

[19] На самом деле текст молитвенника «Мир» издан в соответствии с принятыми канонами.

[20] На полях последнего листа документа имеется резолюция «Согласиться по комиссии» и подпись Суслова (две другие подписи неразборчивы), а также надписи: «Ознакомлен. М. Сиволобов» и «Все организации, указанные в записке, с её содержанием ознакомлены».

[21] При написании фамилии, видимо, допущена ошибка. В первом случае автор записки написал её как «Хворостяный».

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-89-94

В.Г. Бухерт

ПЕРЕПИСКА В.К. ЯЦУНСКОГО С СУНЬ ЦЗИНЧЖИ

Важнейшей составной частью советско-китайского взаимодействия после образования КНР было сотрудничество в области науки. Оно развивалось по линии государственных учреждений, общественных организаций, вместе с тем важное место занимали и личные контакты советских и китайских учёных.

Среди тех, кто принимал непосредственное участие в развитии советско-китайских научных контактов, был известный советский историк Виктор Корнельевич Яцунский[1] – «выдающийся учёный, глубокий исследователь и талантливый организатор научной работы», интересы которого «лежали в области исторической географии и генезиса капитализма»[2], автор фундаментального труда «Историческая география: История её возникновения и развития в XIV–XVIII веках» (М., 1955).

На окружающих, в том числе на студенческую молодёжь, В.К. Яцунский производил впечатление и внешне, и внутренне красивого человека[3]. Его «самая заветная мечта, самое глубокое желание» состояла в том, чтобы отечественная историческая наука «не замыкалась в себе»[4]. Он, сравнительно с другими своими коллегами, много публиковался за рубежом, консультировал иностранных историков, выступал с докладами и лекциями за границей, был в полном смысле слова учёным с мировым именем, владевшим одиннадцатью иностранными языками. Работы В.К. Яцунского переводились не только на европейские, но и на азиатские языки (китайский, корейский, японский), причём некоторые из них на русском языке так и не были опубликованы[5]. Переводу на иностранные языки способствовал своеобразный авторский стиль В.К. Яцунского, для которого была характерна «лапидарность в изложении выношенных, хорошо продуманных идей»[6].

В Архиве Российской академии наук (АРАН) в личном фонде В.К. Яцунского (Ф. 1639) хранится его переписка с заведующим кафедрой экономической географии Пекинского университета, секретарём Географического общества Китая профессором Сунь Цзинчжи[7].

24 апреля 1955 г. Сунь Цзинчжи писал В.К. Яцунскому: «В Китае почти все географы знают Ваше имя. Ваши статьи давно уже распространяются в Китае»[8]. Он просил В.К. Яцунского написать для китайского исторического журнала «Дили-и-бао» (сборник переводных географических статей) о предмете, задачах и методах исторической географии. В следующем письме от 8 августа 1955 г. он пояснял, что китайские географы не знают, как правильно надо составлять «историко-географические очерки», часто составляя их как «историю развития народного хозяйства»[9].

На русский язык были переведены и изданы в СССР в 1958–1963 гг. шесть книг Сунь Цзинчжи: одна – его авторская работа[10], а другие пять (о Северном, Центральном, Восточном и Южном Китае) – те, где он был ответственным редактором[11], ранее публиковались его статьи[12].

Для публикации отобраны наиболее интересные по содержанию письма. Письма Сунь Цзинчжи написаны по-русски, однако автор владел русским языком не в совершенстве, что приходилось учитывать при передаче текста его писем.

№ 1
Сунь Цзинчжи – В.К. Яцунскому

10 октября 1957 г.

Дорогой тов. Яцунский!

Я Вам давно не писал, так как борьба против правых уклонистов занимает у меня почти всё время[13].

Вчера получил Вашу статью. Я хотел переводить её на китайский язык и опубликовать в журнале «Переводная газета по географии». Меня очень интересует эта статья. Она может помочь мне в изучении вопроса о процессе размещения населения Китая.

Ваше произведение «Историческая география» уже включено в план «Издательства китайского народа», и его переводят. Меня интересует вопрос географии населения, но мне неизвестен предмет и метод изучения географии населения. В этом году я обследовал городску[ю] географию на северо-западе и юго-западе. Я очень рад был бы, если бы Вы смогли помочь мне в этом вопросе.

По вопросу о национальном китайском языке, о котором Вы меня спрашивали, я могу сказать, что в Китае существуют 50 наций, кроме маньчжур (满族) и чжуан (壮族) каждая нация имеет свой язык[14]. Кроме того, ещё надо указать, что китайский язык включает много местных языков.

Желаю Вам успеха в научной работе и поздравляю с праздником Великой Октябрьской социалистической революции

Сунь Цзинчжи

АРАН. Ф. 1639 (В.К. Яцунский). Оп.1. Д. 608. Л. 7-8. Автограф.

№ 2

В.К. Яцунский – Сунь Цзинчжи

Китай, г. Пекин, Народный университет Китая, Кафедра экономической географии, товарищу Сунь Цзинчжи

17 ноября 1957 г.

Дорогой тов. Сунь Цзинчжи!

Рад был получить от Вас письмо. Оно шло несколько дольше обычного, так как Вы направили его по не совсем правильному адресу – в Институт географии; там меня знают, но работаю я в Институте истории Академии наук СССР, (адрес – Москва, Волхонка 14, Институт истории Академии наук СССР, В.К. Яцунскому), куда и следует адресовать мне письма.

Большое спасибо Вам за поздравление с 40-летием нашей Великой революции и за приятные для меня вести о переводе моей книги «Историческая география» и моей статьи о размещении населения на китайский язык. Я буду очень признателен за присылку этих переводов мне, когда они выйдут из печати.

Я с большим удовольствием исполню Вашу просьбу и постараюсь познакомить Вас с советским пониманием предмета и метода географии населения.

Я думаю сделать это тремя способами:

Во-первых, высылкой книг и статей советских авторов по географии населения, во-вторых, библиографическими указаниями на нашу литературу по этой дисциплине в расчёте, что многое может оказаться в библиотеках Пекина, в-третьих, путём сообщения Вам некоторых своих наблюдений в этой области.

Сегодня для начала я высылаю Вам книгу А.Г. Рашина «Население России за сто лет»[15]. Рашин не географ. Он – статистик. Это Вы сразу увидите, ознакомившись с его книгою. Но он очень тщательно и добросовестно собрал большой материал. В его книге содержатся обильные указания на литературу. Основным недостатком книги является слабость научного анализа собранного материала. Книга быстро была распродана по выходе в свет. Но автор подарил мне два экземпляра. Один из них я Вам и посылаю.

Московским филиалом Всесоюзного географического общества было издано три сборника статей по географии населения. Это сборники «Вопросы географии» №№ 5, 14 и 38. Эти сборники Вам могут быть очень полезны. У меня сейчас нет в распоряжении этих сборников. Я думаю, они есть в библиотеках Пекина. Если нет, напишите мне, я постараюсь поис-

кать здесь в магазинах старых книг и в издательстве. В статьях этих сборников имеются указания на литературу.

Могут для Вас представить интерес книги: Спидченко. «Города Кузбасса»[16] и Кабо «Города Западной Сибири»[17].

Свои мысли я в одном письме не смогу изложить. Придётся написать несколько писем. Сегодня напишу кое-что о предмете географии населения (продолжу в следующем письме).

Население в СССР изучают статистики, историки (они мало этим занимаются) и географы. Статистики изучают численность населения, его состав по полу, по возрасту, по национальности и родному языку, по месту рождения, по социальному положению, по профессии. Их интересует распределение населения на городское и сельское, на грамотных и неграмотных. Статистики изучают рождаемость, смертность, естественный прирост населения и т. п. Все эти признаки статистики изучают по отношению ко всему населению станы и по отношению к населению тех административных единиц, на которые страна делится, т. е. если речь о населении СССР, то статистик делит население по союзным республикам, а внутри их по автономным республикам, краям и областям. Если статистик рассматривает данные о населении в историческом разрезе, то получается то, что мы называем исторической демографией. Книга Рашина и является примером такой работы.

Географы изучают размещение страны по территории. Отношение между населением и территорией находится в центре внимания географа. При этом, во-первых, географ стремится при распределении населения по территории, если это только возможно, не руководствоваться одними лишь административными единицами, которые часто включают разные по густоте населения местности, а учитывает места сгущения населения и места, где оно редкое, учитывает характер расселения (вдоль рек, большими или малыми селениями и т.д.). Во-вторых, географ стремится объяснить размещение населения, исходя из всей совокупности причин, обусловивших это размещение, он принимает во внимание как природные условия, так и причины исторического порядка.

Размещение населения обычно складывается постепенно. Причины исторические и физико-географические находятся во взаимодействии. Благодаря этому географ оказывается вынужденным не ограничиваться статистикой, а изучать размещение населения в историческом разрезе. Получается историческая география населения, один из основных разделов исторической географии как научной дисциплины.

К этому же приходит и историк, изучающий динамику населения в этом случае, если он не хочет ограничиться одной лишь исторической демографией, а хочет рассматривать вопрос в территориальном разрезе. Примером работы по исторической географии может служить моя статья, Вам известная. Так как это статья, то изложение там очень краткое. Если бы я имел больше места, получилась бы книга.

Обычно, но, конечно, не всегда при изучении размещения населения в историческом разрезе географ привлекает прошлое для объяснения настоящего, которое для него является основным предметом изучения, а историк интересуется прежде всего историческим процессом размещения населения, сам этот процесс для него является основным объектом исследования.

Примерами работ, где география населения изучается не в историческом разрезе, а лишь применительно к современности, могут служить многие статьи и в названных мною выше сборниках №№ 5, 14 и 38.

Вот пока некоторые (неполные, конечно) наблюдения о предмете географии населения. Если что неясно или что ещё Вас интересует, спрашивайте пожалуйста, я, насколько смогу, постараюсь ответить.

С приветом

В. Яцунский

АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 406. Л. 10-13. Машинопись.

№ 3
Сунь Цзинчжи – В.К. Яцунскому

28 ноября 1957 г.

Уважаемый тов. Яцунский.

Получил Вашу статью «Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг.»[18]. Теперь несколько товарищей переводят эту статью на китайский язык. Ваша книга «Историческая география»[19] будет скоро выпущена в Китае.

На Ваш вопрос я отвечу следующее:

Численность населения, говорящего на ханьском языке (тыс. человек).

Год	Всё население Китая	Население, говорящее на ханьском языке
1800	295,000	270,000
1850	430, 000	400, 000
1900	440, 000	420, 000
1950	560, 000	530, 000

Примечание:

1) По переписи 1953 г. численность населения Китая была 590, 000 (тыс. чел., кроме китайских резидентов). Естественный прирост населения Китая составляет 2% (или 20 ‰). А в старом Китае естественный прирост – 1% (или 10 ‰). По этим коэффициентам мы можем учитывать динамику роста населения в ближайших двух столетиях.

2) Численность населения нацменьшинств Китая учитывается в 1953 г. [в] 35, 000 тыс. человек, в том числе 10, 000 тыс. человек, говорящих на ханьском языке.

3) В таблице материалы для 1800 г. и 1850 г. менее достоверны, а материалы для 1900 и 1950 гг. более достоверны. Причины этого имеются следующие: а) До 1900 г. территория Китая меняется часто, тогда в районах нацменьшинств не были переписи; б) при Цинской династии (Кэши 51 г. – 1704 г. ?)[20] государственный аппарат собирал налоги по численности человек. Поэтому жители часто указывают действительное число.

Если эти материалы не надобны для Вашей научной работы, скажите мне, я буду находить другие.

Я посылаю Вам книгу «Экономическая география Северного Китая».

Прошу Ваши замечания.

С приветом!

Вчера я получил Ваше другое письмо. Спасиб[о]!

Сунь Цзинчжи

АРАН. Ф. 1639. Оп.1. Д. 406. Л. 10-11. Автограф.

№ 4
В.К. Яцунский – Сунь Цзинчжи

Декабрь 1957 г.

Уважаемый тов[арищ] Сунь Цзинчжи !

Спасибо Географическому обществу Китая и кафедре экономической географии Китайского народного университета и лично Вам за поздравление с сорокалетием нашей Великой революции.

Спасибо Вам за присланные Вами сведения о динамике численности населения, говорящего на китайском языке в 1800–1950 гг. Эти сведения для меня очень ценны. Я хочу написать небольшую статью о динамике численности населения, говорящего на десяти крупнейших языках земного шара (китайском, английском, хинди-урду, русском, испанском, японском, арабском, немецком, португальском, французском). Сведения по китайскому языку, которыми я располагаю, были неудовлетворительными.

Сведения о китайских резидентах за границей я собираюсь складывать с числом лиц, говорящих на китайском языке в самом Китае, Тайвань считать на все годы (в том числе, конечно и в 1900 г.) территорией, население которой говорит на китайском языке. В связи с этим я буду очень благодарен за сообщение – входит ли в цифру говорящих на китайском языке в 1900 году (Вы указали 420 тыс. человек) население Тайваня, а также сколько можно считать китайских резидентов за границей, сохранивших родной язык в 1800, 1850 и 1900 годах. Может быть, существуют какие-либо приблизительные данные.

В статье я буду указывать источники, откуда я беру цифры, буду указывать различные статистические издания разных стран. Относительно цифр по Китаю я, конечно, укажу, что получил их от Вас. Следует ли мне, кроме того, добавить какие-либо указания и на какие именно китайские источники?

Спасибо также за книгу «Экономическая география Северного Китая».

Уважающий Вас

В. Яцунский

АРАН. Ф. 1639. Оп.1. Д. 406. Л. 15-15об. Машинопись.

№ 5

Сунь Цзинчжи – В.К. Яцунскому

28 января 1958 г.

Уважаемый тов. Яцунский.

Получил Ваше письмо. Спасибо! Данные по 1800, 1850 и 1900 гг. я цитировал из цинского правительственного доклада «Дунхуа–шулу» («Дополнительные материалы Восточного Китая»), а данные по 1950 г. цитировал из книги «Статистический справочник 1953 г.».

Число населения, говорящего [на] ханьском языке, не очень точно. В Китае имеется только единое ханьское письмо, но единый ханьский язык не имеется (общий язык, то есть пекинский язык является только представителем разных языков). Это положение точно похоже [на положение] московского[21] языка в РСФСР. Мы сейчас продолжаем работу преподавания социалистических идей и работу очистки буржуазной правой.

С приветом!

Большого успеха в работе!

Уважающий Вас Сунь Цзинчжи

АРАН. Ф. 1639. Оп.1. Д. 608. Л. 12. Автограф.

Примечания

[1] Яцунский Виктор Корнельевич (1893–1966) – историк, ст. научный сотрудник Института истории АН СССР (с 1946 г.), профессор МГИАИ (с 1950 г.). О нём см.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. V. К 70-летию доктора исторических наук В.К. Яцунского. М., 1962; *Никитин Н.П.* Виктор Корнельевич Яцунский // Историческая география России (Вопросы географии.

Сб. 83). М., 1970. С. 5-14; *Истомина Э.Г.* Виктор Корнельевич Яцунский и Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: В 2-х кн.: Кн. 1. Вологда, 2009. С. 23-30; Список научных трудов В.К. Яцунского. Сост. Н.Я. Крайнева, П.В. Пронина // *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв.: избранные труды. М., 1973. С. 12-30.

[2] В.К. Яцунский (некролог) // История СССР, 1967, № 2. С. 237.

[3] См.: «Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...». Воспоминания профессора Т.В. Батаевой об Историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2005, № 1. С. 94. Батаева Татьяна Васильевна (1927–2006) – историк, профессор МГИАИ (1982–1995), РУДН (с 1995 г.)

[4] В.К. Яцунский (некролог) // История СССР, 1967, № 2. С. 239.

[5] *Литвак Б.Г.* К 100-летию В.К. Яцунского // Отечественная история. 1993, № 1. С. 135.

[6] Там же. С. 130.

[7] В тексте писем встречается разное написание его имени и фамилии, например, «Сун Дьинджи».

[8] АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 608. Л. 1.

[9] Там же. Л. 2.

[10] *Сунь Цзин-чжи.* Экономическая география Китая как наука. М., 1959.

[11] *Дэн Цзин-чжун, Цао Вань-жу, Ли Сун-цзэн и др.* Северный Китай. М., 1958; *Сунь Пань-шоу, Ли Вэнь-ян, Ли Му-чжэнь.* Центральный Китай. М., 1961; *Ху Сюй-вэй, Ли Сун-цзэн, Сюн Чжун-ин* и др. Восточный Китай. М., 1962; *Лян Жэнь-цай, Хуан Мянь, Шэнь Вэй-чэн.* Южный Китай. М., 1962; *У Чуань-цзюнь, Ли Чжэнь-цюань, Лян Жэнь-цай и др.* Экономическая география Северо-Восточного Китая. М., 1963.

[12] *Сунь Цзин-чжи.* Краткий обзор развития географической науки в Китае // Известия Академии наук СССР, серия географическая, 1955, № 5. С. 61-67; *Он же.* Продовольственные ресурсы и рост населения (Доклад заведующего кафедрой экономической географии Китайского народного университета на Международном географическом семинаре, январь 1956 г.) // Природа. 1956, № 9. С. 3-12.

[13] Имеется в виду кампания по борьбе с «правым уклоном», начало которой положил VI расширенный пленум ЦК КПК (октябрь 1955 г.).

[14] Так в тексте, имеется в виду письменность.

[15] См.: *Рашин А.Г.* Население России за сто лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956.

[16] *Спидченко К.И.* Города Кузбасса. (Экономико-географический очерк). М., 1947.

[17] *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. (Очерки историко-экономической географии). (XVII – первая половина XIX в.). М., 1949.

[18] См.: *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957, № 1. С. 192-224.

[19] См.: *Яцунский В.К.* Историческая география: История её возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955.

[20] Так в тексте. По-видимому, имеется в виду правление китайского императора Канси (1654–1722), вступившего на престол в 1661 г.

[21] Так в тексте.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-95-99

В.В. Беляков

РЕШЕНИЕ ОБ ОТПРАВКЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ЕГИПЕТ

Весной 1970 года в Египте появились советские воинские части. Перед ними была поставлена задача: не пропустить израильские самолеты западнее Суэцкого канала. Решение направить войска в Египет было принято в конце января, во время тайного визита в Москву президента Египта Гамаля Абдель Насера[1]. Это решение до сих пор нельзя посмотреть в архиве, оно засекречено. Единственный источник – книга Мухаммеда Хасанейна Хейкала[2] «Дорога к Рамадану» ("The Road to Ramadan"), выпущенная им на английском языке в Лондоне в 1975 году. В ней поездке Насера в Москву посвящён целый раздел. По мнению Хейкала, идея попросить советских руководителей отправить в Египет войска появилась у Насера во время переговоров. Она была неожиданной для партнеров. Чтобы одобрить её, пришлось срочно собирать Политбюро. В апреле советские войска появились в Египте.

Вот как пишет об этом М.Х. Хейкал.

* * *

КРИЗИС В МОСКВЕ

Он был болен: грипп на фоне других жалоб. И был предупреждён о страшном холоде в Москве в это время года. Тем не менее он чувствовал, что должен ехать, и ранним утром четверга 22 января 1970 года он поднялся на борт специального советского самолета, который ожидал его в военной части Каирского аэропорта.

Было немного грустно от того, что в этом большом самолете летели всего несколько человек – экипаж, четверо или пятеро телохранителей, пара врачей, а за Насером сидели только генерал Фаузи[3] и я, и ещё двое русских – Сергей Виноградов[4], посол в Каире, и генерал Катышкин[5], глава советской военной миссии в Египте, сменивший генерала Лащенко[6], которого с сердечным приступом госпитализировали в Каире.

Мы прилетели в московский аэропорт между 9.30 и 10.00. Самолет остановился в конце посадочной площадки. Когда мы вышли, то увидели Подгорного[7] и Косыгина[8] с одним телохранителем, приветствовавших нас. Колонна чёрных машин доставила нас в виллу номер один на Ленинских горах, одно из зданий для официальных гостей. Возле виллы есть стадион с медицинским центром, которым часто пользуются члены правительства, а также залы для массажа и упражнений, бассейн и так далее, а также большой зал для приемов. Это совсем недалеко от посольства Египта, и решено было проводить переговоры именно на вилле.

Подгорный и Косыгин спросили нас, не надо ли нам отдохнуть и начать переговоры завтра, но Насер сказал, что он хотел бы начать переговоры прямо сейчас. Первая встреча была назначена после обеда, причем египетский посол в Москве Мурад Галеб[9] присоединился к нам.

Насер начал встречу с объяснения причин, которые привели его в Москву. Судьба всего Ближнего Востока, сказал он, должна быть решена на кусочке земли протяжённостью около тридцати километров по обе стороны Суэцкого канала. Израильские глубокие налеты и низколетящие атаки на внутреннее положение в Египте имеют две цели: во-первых, сорвать все попытки Египта создать ракетную стену, которая закроет атаки через канал; и во-вторых, подорвать мораль внутреннего фронта. Израиль не смог добиться капитуляции Египта в 1967 году и намерен сделать это сейчас.

Насер сказал, что целый Египет не защищён, он открытый. Много сотен гражданских рабочих и солдат были убиты. Он всегда думал, что израильское превосходство в воздухе должно быть сбалансировано с еги-

петской стороны и что быстро сделать это можно только авиационной защитой. Он говорил твёрдо, но я видел, что он нервничает.

Брежнев[10] начал защищать ракеты SAM-2, которые у Египта уже были. Насер сказал, что не имеет ничего против ракет SAM-2, но они не эффективны против самолетов, летящих ниже 500 метров, и не очень эффективны на высотах от 500 до 1000 метров. Российские специалисты в Египте могут подтвердить это. (SAM-2 были поставлены в Египет ещё до войны 1967 года, но поскольку израильские налеты были сюрпризом, эти ракеты никогда не использовались. Когда Захаров[11] утверждал об обороноспособности Египта, никто в Каире не знал – и, возможно, не знали и сами русские – ограниченности SAM-2. Никто, конечно, не думал, что израильтяне, с помощью американской электроники, найдут ответ на эти ракеты так быстро.) Насер сказал Брежневу, что хотел бы иметь возможность защищать Каир, Александрию и другие важные районы, а также линию фронта на канале. Он специально подчеркнул важность Александрии, потому что Порт-Саид не работал и Красное море закрыто, и это был единственный египетский порт, принимающий суда. Если израильтяне начнут бомбардировку Александрии, сказал Насер, Египет окажется в блокаде.

Дискуссия продолжилась, местами довольно жаркая, и казалось, что может возникнуть полный тупик. Но эту опасность удалось избежать, когда Брежнев признал, что SAM-3 закроет нужды Египта и что советские руководители готовы передать их Египту. «Наш друг Насер, – сказал Брежнев, – всегда получает то, что хочет».

После этого началось обсуждение количества нужных ракет SAM-3, но было решено отложить обсуждение этого вопроса до следующего дня, поскольку генерал Фаузи и маршал Гречко[12] должны были иметь возможность обсудить районы, требующие защиты. Так что мы отправили этих двоих вместе с генералом Катышкиным и некоторыми другими экспертами работать над этим.

Ранним следующим утром генерал Фаузи пришел в спальню Насера. Он привёз с собой в Москву список районов, которые нужно защищать. Кроме фронта на Суэцком канале, он включал Каир, Александрию, Асуан, индустриальные центры Махалла аль-Кубра, Кафр ад-Давар, Шибин аль-Кум, Шубра аль-Хейма и Хелуан. Было ясно, что такого количества зенитчиков у Египта нет. Насер спросил Фаузи о возможности перевести команды с ракет SAM-2, и вероятно именно тогда новая идея стала формироваться у него в голове.

Две полные делегации встретились в Центре здоровья в десять часов. Брежнев начал с того, что решение, принятое накануне, имеет немало проблем. Объекты, которые хотел бы защитить Египет, слишком многочисленны.

Гречко доложил Брежневу, так же, как Фаузи Насеру, и вот тут Брежнев впервые понял настоящие потребности Египта. Насер указал, что у Египта есть команды, обученные на SAM-2, и предложил, что некоторые из них могут переключиться на SAM-3. Но ему сказали, что потребуется минимум шесть месяцев, чтобы переучить пользоваться SAM-3, и что это должно происходить в Советском Союзе. Так что это выглядит как период не менее шести месяцев, во время которых Египет будет подвержен израильским низколетящим атакам. При этом ему будет хуже, чем раньше, потому что некоторые команды, которые сейчас обслуживают SAM-2, будут находиться в Советском Союзе, обучаясь на SAM-3. В этот опасный момент Египет будет подвержен и низколетящим, и высоколетящим атакам израильской авиации.

И тут Насер нанес удар. Единственная возможность ликвидировать эту ситуацию, сказал он, это предоставить египтянам русские команды. Брежнев и все остальные не были готовы к такому требованию. Насер сказал, что понимает: для них тяжело согласиться на это, но это единственная возможность, которую он видит. Он не может позволить уничтожить армию или потерять мораль гражданских лиц. Египет выдержи-

вал это три года и не намерен сдаваться сейчас. Надежды всего арабского мира связаны с решением, которое мы сейчас примем. Насер заявил, что не хотел бы размещать советские команды на линии фронта. Египет будет продолжать находиться на канале. Он просит у хозяев обеспечить безопасность внутренних районов.

Гречко что-то сказал Брежневу, а тот ответил, что проблема не только в командах. Ракеты – лишь часть сложной системы защиты, они требуют авиацию. «Хорошо, – ответил Насер. – Отправьте и самолеты». Брежнев ответил, что это будет шаг с серьёзными международными последствиями. Он создаст кризис в отношениях с Соединёнными Штатами. Насер спросил: «Почему американцы могут всегда увеличивать свою поддержку, а мы иногда ведём тебя так, будто запуганы…» Брежнев перебил его: «Мы никого не боимся. Мы сильнейшие на этой земле. Но вы должны понять, что это повлечёт значительный риск, и я не уверен, что мы должны сделать это. Мы должны взвесить нашу позицию». Насер сказал: «Что касается меня, то я сделал необходимые расчёты. Будем откровенны. Если вы не предоставите того, о чем я прошу, то все подумают, что единственное решение находится в руках у американцев. Мы никогда не видели, чтобы американцы не поддержали израильтян. А Египет – антиимпериалистический пост на Ближнем Востоке, и если Египет уступит американо-израильской силе, то и весь арабский мир падёт. Мы не просим воевать за нас, мы хотим сохранить нашу независимость. Но я вижу, что вы не готовы помогать нам так, как Америка помогает Израилю. Это оставляет мне единственную возможность: возвратиться в Каир и сказать людям правду. Я скажу им, что пришло время мне уйти и передать дела проамериканскому президенту. Если я не могу спасти их, это сделает кто-то другой. Это моё последнее слово».

Слова Насера наэлектризовали обстановку. Потом встал Брежнев и сказал: «Товарищ Насер, не говорите так. Вы ведь лидер…» Насер перебил: «Я лидер, которого бомбят каждый день в моей собственной стране, чья армия брошена на произвол судьбы и чей народ беззащитен. Я имею право сказать людям неприятную правду – что, нравится им это или нет, американцы владеют миром. Я не собираюсь сдаваться американцам. Кто-нибудь другой займет моё место и сделает это».

Русские вскричали: «Пожалуйста, давайте договоримся. Что Вы действительно хотите? Дайте нам ещё один день, и мы посмотрим, что можно сделать». Насер ответил, что не может ждать ещё день. Русские предложили прерваться на десять минут и начали обсуждение. Египетская делегация вышла на улицу. «Итак, – сказал я, – мы на грани?» «Нет, – сказал Насер. – Это не шутки. То, что я сказал, было моим твёрдым убеждением. Я бы обманул людей, если бы повёл себя по-другому. Мы обучали армию, но израильтяне используют тактику, которую мы не можем отразить – налёты в глубину, налёты на гражданских. Когда дети погибают и солдат убивают, потому что у них нет защиты, ситуация полностью меняется».

Советские решили, что отправка зенитчиков на SAM-3 в Египет настолько серьёзна, что для этого нужно решение Политбюро. Его членов собрали со всей страны, и они приезжали в своих черных машинах со спущенными шторками. Впервые за мирное время двенадцать советских маршалов прибыли на заседание Политбюро.

Мы вернулись на Виллу номер один, чтобы пообедать. Следующая встреча была назначена на шесть часов. Как только мы вошли в комнату, стало ясно, что решение принято. Брежнев выступил первым. «Товарищ Насер, – сказал он, – Советский Союз сегодня принял решение, которое может иметь серьёзные последствия. Это решение не похоже ни на одно, которое мы принимали раньше. Оно нуждается в Вашей поддержке и требует от Вас сдержанности». Затем нам сказали, сколько батарей SAM-3 передадут нам и где они будут стоять, а также количество людей, которые приедут вместе с ними. Будут посланы восемьдесят советских самолетов, а до них – четыре высоколетящих сверхзвуковых самолетов-разведчиков X500,

как их называли русские. На Западе их знают как МИГ-25. Примерно 1800 египтян должны прибыть в Советский Союз на шестимесячную подготовку.

На этой встрече мы увидели другую атмосферу – и маршалы, и политики были довольны принятым решением, но среди части из них, особенно у Косыгина, известного пессимиста, энтузиазм смешивался с беспокойством.

Насер взял ответное слово. Он понимает исторический характер принятого решения и благодарит за него. Египет не будет играть с тем, что ему дано. Напротив, он намерен быть как можно тише, потому что главная цель – подготовка вооружённых сил. Я обещаю, что с той помощью, которая придёт, мы сможем завершить нашу подготовку к битве. «Я хочу, чтобы ваши команды были у нас ограниченное время, – сказал он русским. – Я не хочу, чтобы они оставались в Египте, когда начнутся военные действия. Но переходный период будет очень трудным, и они помогут нам сократить его. И если израильтянам будет разрешено и дальше разрушать мораль публики и армии, они смогут прийти и взять то, что хотят. Мы никогда снова не сможем высоко держать головы».

В какой-то момент Брежнев покинул своё место посередине на другой стороне стола и подошел ко мне. «Господин Хейкал, – сказал он, – всё это секрет». Я ответил, что, конечно, знаю, что это секрет. «Но важно, – сказал Брежнев, – чтобы это осталось секретом надолго. Конечно, когда-то американцы и израильтяне узнают об этом, но пока это не случится, мы идём по вашу душу. Как мы представим это миру? Я хочу, чтобы Вы разработали схему, чтобы мы отвергли кампанию, ведущуюся, несомненно, против нас – против Египта и Советского Союза». Я сказал: «Мистер Секретарь, дело государственных людей принимать большие решения. Мы всегда найдем средства, с помощью которых представим их миру». <…>

Когда мы вернулись в Каир, то первым делом нужно было подготовить позиции для новых ракет. Гражданские лица внесли в это дело героический вклад. Но программа оказалась дорогой и в деньгах, и в людях. Египту не хватало цемента, и он был ценнее золота, поскольку в это время завершалось строительство Высотной плотины, и правительство оказалось вынуждено строить две Высотные плотины одновременно, одну в Асуане, а другую для ракет. Получение цемента для ракет было приоритетом.

В начале апреля первые разведывательные самолеты прилетели, и мы разместили их на воздушных базах в Гаканлисе и Бени Суэйфе, в пустыне недалеко от Александрии. 18 апреля они впервые столкнулись с израильтянами. Израильские самолеты приблизились к Сухне, русские самолеты ввязались в бой, и израильтяне повернули назад к Синаю. Русские отпугнули израильтян, при этом все переговоры между ними шли по-русски. Об этом сообщили Насеру, он был смущен. Как это соотносится с необходимостью соблюдать секретность? По моей теории, это была игра между сверхдержавами: это был сигнал американцам, что русские появились в Египте. Каковы бы ни были объяснения, израильтяне всё поняли. После 18 апреля больше не было налётов вглубь страны.

Такое же объяснение может быть у забавной истории с прибытием в Александрию через несколько дней первой партии ракет. Опять же, строго придерживаясь секрета, мы организовали прибытие корабля ночью и размещение его в дальней части порта. Началась разгрузка. Когда она была закончена, русские, к нашему изумлению, выбрали путь к месту установки ракет через центр города, и в полночь, сидя на грузовиках, махали людям и кричали *«асдика»* (друзья). Из этого был сделан вывод, что русские уведомили американцев о прибытии ракет, так же, как американцы уведомили русских о продаже оружия Ирану.

Heikal, Mohamed. The Road to Ramadan. London, 1975. P. 83-90.

Примечания

[1] Насер, Гамаль Абдель (15.01.1918–28.09.1970) – египетский государственный и

партийный деятель. Президент Египта (1956–1970).

[2] Хейкал, Мухаммед Хасанейн (23.09.1923 – 17.02.2016) – египетский журналист. Главный редактор газеты «Аль-Ахрам» (1957–1974), министр информации (1970–1974).

[3] Фаузи, Мухаммед (05.03.1915 – 02.2000) – египетский военный деятель, министр обороны (1968–1971).

[4] Виноградов, Сергей Александрович (25.05.1907 – 27.8.1970) – советский дипломат, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Египте (1967–1970).

[5] Катышкин Иван Сергеевич (13.11.1914 – 2000) – советский военачальник, генерал-полковник. Главный военный советник в Вооружённых силах Египта (1969–1970).

[6] Лашенко Петр Николаевич (19.12.1910 – 21.04.1992) – советский военачальник, генерал армии. Главный военный советник в Вооружённых силах Египта (1967–1969).

[7] Подгорный Николай Викторович (18.02.1903 – 11.01.1983) – советский партийный и государственный деятель. Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977).

[8] Косыгин, Алексей Николаевич (21.02.1904 – 18.12.1980) – советский государственный и партийный деятель. Председатель Совета Министров СССР (1964–1980).

[9] Галеб, Мухаммед Мурад (01.04.1922 – 18.12.2007) – египетский государственный деятель. В 1961–1971 – посол в СССР.

[10] Брежнев, Леонид Ильич (19.12.1906 – 10.11.1982) – советский государственный и партийный деятель. Генеральный секретарь ЦК КПСС (1966–1982).

[11] Захаров, Матвей Васильевич (17.08.1898 – 31.01.1972) – советский военачальник, Маршал Советского Союза.

[12] Гречко, Андрей Антонович (17.10.1903 – 26.04.1976) – советский военный, государственный и партийный деятель. Маршал Советского Союза. Министр обороны (1967–1974).

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-2-100-111

С.В. Прожогина

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ФРАНКОЯЗЫЧИЯ ТУНИСЦЕВ

Литература Туниса на языке арабском – явление достаточно изученное[1], вполне естественное для Магриба, составляющее большую долю в современной культуре страны и входящее в значительный объём её культурного наследия. Но в данной работе мы попытаемся рассмотреть другую часть современной тунисской литературы, которая была создана на французском языке.

Этот язык в годы французского протектората (1881–1956 гг.) считался официальным языком, и во многих случаях знание его было необходимо для проникновения североафриканцев в сферы общественно-политической и культурной жизни. «Зная один лишь свой язык, колонизованный становится чужеземцем в своей родной стране», – отмечал выдающийся тунисский писатель Альбер Мемми, говоря о причине колониального двуязычия[2].

Для служащих-туземцев французский язык был обязательной необходимостью. Литераторам знание его значительно облегчало возможность публикации своих произведений не только у себя в стране, но и в метрополии, а это гарантировало бóльшую читательскую аудиторию. И если в первые годы протектората французским языком владела ещё незначительная часть местной национальной интеллигенции, то в последующее время его знал почти каждый тунисец, получивший образование.

Использование языка колонизаторов писателями североафриканской страны не являлось только признаком того, что они «побеждены и завоеваны европейской культурой, её величием», как отмечали французы, что в свою очередь «является свидетельством успехов» колониальной политики[3]. Объективной оценкой подобной тактики писателей служат, на наш взгляд, слова того же Альбера Мемми: «Овладев этим языком, колонизованные совсем не расположены употреблять его лишь с тем, чтобы воздавать хвалу своим угнетателям. Им есть что сказать о себе, и сказать по-своему»[4].

И, на наш взгляд, произведения франкоязычных писателей Туниса, как, впрочем, и в Магрибе в целом, являют пример именно такого использования «чужого» языка.

К удивлению, все ещё приходится напоминать о том, что в некоторых арабских странах, в Магрибе, в частности, особенностями последствий колониальной эпохи стали бесспорные проявления некоего «синтеза» разных цивилизаций, столкнувшихся на этой территории. Одной из функций национальной истории в странах Магриба стало и возникновение абсолютно нового типа культуры и литературы, унаследовавшей традиции метрополии – Франции. Яркий пример – литературное франкоязычие. О марокканском и его истоках было нами уже показано в одном из номеров «Восточного архива» (М., 2020, № 1). Тунисская литература на французском языке развивалась не столь интенсивно, как в Алжире или Марокко, – более гибкий режим протектората позволял сохранять и продолжать традиции культуры отечественной, – однако к концу XX столетия она создала значительные ценности, свидетельствующие о плодотворности исторически приобретённого Магрибом культурного и литературного двуязычия.

Как и другие европоязычные литературы, тунисская франкоязычная словесность возникла именно в недрах литературы колониальной, которая, в свою очередь, формировалась вначале из литературы «туристической», принадлежавшей перу писателей из метрополии, посещавших Тунис, а потом – преимущественно из произведений, созданных уже писателями из среды колонистов, считавшими впоследствии своё творчество отличным от литературы французской. Приобщение писателей-автохтонов к француз-

скому языку, с одной стороны, служило своеобразной защитой и доказательством могущественности культурного влияния метрополии, а с другой – объективно способствовало образованию такого своеобразного пласта в колониальной литературе, который постепенно дал укрепиться и развиться самобытным, собственно тунисским чертам, в дальнейшем оформившимся в самостоятельную ветвь тунисской национальной литературы.

Тунис стал интересовать французских писателей с конца XVII – начала XVIII в., когда Франция вела активную политику, начатую ещё в XVI столетии, за оттеснение своих соперников, главным образом Испании, из сферы влияния на Средиземноморском побережье. Сложная политическая игра нашла отражение в мемуарах Ж. Пейсонеля «Путешествие по приказу короля вдоль берегов Берберии в 1724–1728 гг.» (1729 г.)[5]. Книга эта, хотя и не собственно художественного жанра, выгодно отличалась от подобных мемуаров английского путешественника Шоу, посетившего Тунис в 1727 г., тем, что живо и образно рисовала жизнь страны в эпоху турецкого господства, хотя и с меньшей научной достоверностью.

Описание Туниса, но уже в более позднее время встречается и у французского писателя Луи Франка, прожившего там целое десятилетие (с 1806 по 1816 г.). Его книга «Тунис. Описание Регентства», свидетельствуя о глубоком знании истории и этнографии Туниса и изобилуя точными наблюдениями, касающимися быта и жизни тунисских городов начала XIX столетия, послужила во многом ориентиром для развивающегося в дальнейшем течения тунисской «этнографической» прозы, поначалу активно использовавшей возраставший интерес французских читателей к стране, а со временем и ставшей основой национальной литературы.

Иного рода зарисовки Туниса сделал посетивший страну в 1807 г. Ф.-Р. Шатобриан, который в последних главах своего «Путешествия из Парижа в Иерусалим» (1811 г.) описал величавую красоту карфагенских руин. «Тени прошлого» и камни – «безмолвные свидетели» былого могущества пунической цивилизации, – взволновав воображение французского писателя, стали со временем источником вдохновения и для тунисских поэтов-романтиков, учившихся у своего знаменитого предшественника мастерству.

Тунисская тема звучит и у А. Дюма-старшего в его «Впечатлении от путешествия», явившемся завершением поездки писателя в Африку в 1864 г. А через двенадцать лет после Дюма автор нашумевшего в Париже романа «Мадам Бовари» приехал в Тунис, чтобы своими глазами увидеть «декорации», на фоне которых должны были развертываться события уже задуманного им романа «Саламбо»... Флобер объехал почти всю страну, надолго задержавшись в Карфагене. Писателя интересовали, однако, не только памятники старины, но и живая действительность. Вот почему современники, прочтя роман, узнали многие черты близкой и знакомой им эпохи, известных тогда государственных деятелей – своих соотечественников, усиленно интересовавшихся и Тунисом после удачной для Франции Алжирской экспедиции 1830 г., положившей начало колониальной экспансии французов в Африку.

Помимо крупных французских писателей в Тунисе ещё задолго до захвата его Францией в 1881 г. побывали различные литераторы, историки, географы и просто путешественники, мемуары, записки и другие сочинения которых давали самую разнообразную информацию о стране, порой отличавшуюся и поверхностностью сведений, и повышенной тягой к экзотике.

Особенно усилился поток писателей-«туристов», а также корреспондентов крупных французских газет в Тунис после 1881 г., когда над страной был установлен протекторат. Не анализируя качества политической информации и собственно журналистских достоинств, историки литературы отмечают, что в их заметках и статьях во многом сохранялся ставший уже почти традиционным экзотизм в изображении мест-

ных нравов и природной среды[6]. Типичным произведением, как бы подытоживавшим возникшую во Франции «литературу о Тунисе», явился роман мадам де Вуазен (печатавшейся под псевдонимом Мириам Гарри) «Белоснежный Тунис» (1898 г.), за вычурностью языка и неумеренной экзальтацией скрывавший поверхностное представление автора о стране и стремление подыграть вкусам обывателей, жаждавших описаний «необыкновенных красот» неведомых земель и «африканских страстей»...

Пожалуй, наиболее серьёзным произведением о Тунисе того времени стал роман В. Шербюльеза «Признание графа Гислена» (1898 г.), где в коллизиях сюжета показано трудное становление нового режима в стране, разруха и голод, царившие в тунисской деревне, ажиотаж и интриги французских колонистов, старавшихся в эпоху захвата заполучить при дележе «лакомый кусок» чужой земли. Критический взгляд на колониальную политику Франции и нескрываемое сочувствие к пострадавшим тунисцам, отличающие это лишённое обычной экзотики произведение, располагают его в русле исторического направления французской романистики.

Характерно, что собственно колониальные романы, написанные тунисскими французами, отличались преимущественно прославлением политики европейских поселенцев, защитой *всех* начинаний колонистов, а порой и восхищением их героизмом, проявлявшимся, с точки зрения писателей, в их добровольном согласии жить в самых отдалённых провинциях страны, в тяжёлых для европейцев климатических условиях. Наиболее популярными произведениями подобного рода были книги супругов Шарля и Клер Женьё («Столкновение рас», 1912 г.; «Как стать колоном», 1909 г.; «Наша маленькая хижина», 1915 г., и др.), в которых весьма точно воспроизводились быт и нравы «аборигенов», чью культуру и религию надлежало «исправить», «улучшить», дабы обратить их лицом к цивилизации, привить навыки труда и образа жизни европейцев. Своеобразная дидактика колониальной литературы выражалась и в искренней попытке писателей умерить разыгравшиеся аппетиты и страсти колонистов, доказать им необходимость «борьбы за общее дело» – возделать землю, которую отныне все должны считать «французской».

Защита колониальных экономических и политических порядков и начинаний сопровождалась в литературе одновременно и стремлением к укреплению культурных позиций метрополии в стране. Французский критик А. Каналь, анализируя первые опыты колониальной литературы в Тунисе, так сформулировал роль писателей и их главные задачи: «Колонизовать – это не только вспахать новоявленную французскую землю американским плугом, – она может переходить из рук в руки... Колонизовать – это прежде всего суметь каждым своим словом и каждым своим произведением заставить туземца принять наш язык и нашу мысль»[7].

Насильственной политики культурной ассимиляции в Тунисе, в отличие от Алжира, не осуществлялось, однако интенсивная деятельность по пропаганде французской культуры и литературы велась не только в учебных заведениях (в стране повсюду были открыты школы европейского типа, где преподавание велось на французском и куда принимались и дети мусульман), но и в различных клубах (просветительская традиция в них не прервалась и до сих пор), кружках, а также на страницах многочисленных газет и журналов, выходивших как на французском, так и на арабском языке.

Литературные журналы, вокруг которых стали группироваться писатели европейского происхождения (не только французы, но и жившие в Тунисе итальянцы, мальтийцы, испанцы), стали основными проводниками культурной политики Франции.

«Ревю тюнизьен», «Оазис», «Ревю нуар» и др., выходившие в Тунисе с начала 1900-х годов, где сотрудничали такие, ставшие впоследствии известными, литераторы, как Фердинанд Ксюар, Антуан Грегуар, Жюль Аффлю и другие, следовали девизу: «Познакомить Францию с Тунисом, заставить Тунис полюбить Францию». Рассчитывая на

вкусы читателей метрополии, журналы печатали разнообразные произведения – рассказы, повести, эссе, на которых был всё тот же налёт либо гиперболизированного героизма, либо сусальной экзотики, присущих «туристической» литературе начального периода европейской колонизации Магриба. Ярко раскрашенные воображением литераторов картинки из жизни деревенского тунисского юга или городских медин (арабских кварталов) чередовались на страницах журналов с воспоминаниями о Франции, со стихами в духе поэтов-парнасцев, с новеллами, где модные парижские сюжеты разыгрывались в восточных декорациях, с поэмами, прославляющими величие Франции и её идеалов Свободы, Равенства и Братства. «Национализм достиг своего апогея, – констатировала французская критика, внимательно следившая за литературной деятельностью своих соотечественников "по ту сторону" Средиземного моря. – Он был приятным занятием для молодых людей, которые вдали от матери-родины, в чужой стране, сделали своей благородной задачей насаждение французского духа»[8].

От «Оазиса» и «Ревю тюнизьен» несколько отличался литературный альманах «Ревю нуар», пытавшийся вести более гибкую политику и ориентировавшийся на подлинные образцы местной культуры: он предоставлял свои страницы писателям, которые обрабатывали местный фольклор (переводы и адаптации на французский) или же создавали авторские сказки на известные арабские мотивы. «Ревю нуар» печатал также различного рода «занимательные истории» из жизни французов в Тунисе, стремясь привлечь внимание тунисцев к «благим намерениям» их новых хозяев. Таковы, к примеру, рассказы П. Лаффита, С. Кандаса, Э. фон Брисселя и других, в которых обычно колониальные чиновники и офицеры выступали «лучшими друзьями» тунисских горожан и феллахов, а последние – «преданными и верными» их слугами и проводниками.

Отмеченные выше наиболее характерные ориентации тунисской колониальной литературы свидетельствуют не столько о качестве этой литературы, сколько об объективных и субъективных предпосылках возникновения франкоязычной словесности автохтонов, сумевших получить европейское образование. Необходимость или даже историческая неизбежность появления первых литературных опытов франкоязычных тунисцев (как и в других странах Магриба) была во многом предопределена именно существованием в стране колониальной литературы. Уже к середине 1920-х – началу 1930-х годов, когда ею был накоплен достаточно солидный багаж, стало ясно, что писатели-европейцы так и не осуществили всерьёз одну из своих главных задач – «познакомить Францию с Тунисом». Один из историков французской колониальной литературы, Ив Шателен, на примере Туниса объясняя причины её слабости, подчеркивал, что для колониальных писателей, «людей иной цивилизации», оказались доступными лишь «внешние проявления чуждой им жизни туземцев», а не «внутренние законы её развития» и «скрытые тайники» «непроницаемой» души аборигенов... Так или иначе, но франкоязычная «литература о Тунисе» явилась в истории французской литературы свидетельством определённого этапа экспансии французской культуры в Африку, привнёсшего своеобразный «локальный» колорит во французскую поэзию и прозу.

Характерным явлением в культурной жизни Туниса и Магриба в целом стало создание в 1920 г. «Общества североафриканских писателей», инициаторами которого были как те литераторы европейского происхождения, которые решили навсегда связать свою судьбу с Северной Африкой (Артур Пеллегрен, Мариус Скалези и др.). так и сами североафриканцы (например, тунисец Абдерахмаи Гига). Общество издавало литературный журнал «Ля Кахена» (по имени легендарной берберской царицы), который выходил с 1929 по 1950 г. «Манифест североафриканского литературного регионализма», которым открывался первый номер этого журнала, свидетельствовал о новых целях и задачах, созревших в литературе француз-

ских колоний и протекторатов: писатели, считавшие Северную Африку своей родиной, пытались отстоять право не столько на «дочернюю» свою принадлежность к французской литературе, сколько на свою самобытность, в которой географический регионализм определял степень отделённости литературы той или иной страны Магриба от литературы метрополии, непохожесть её – как содержательную, так и формальную.

Справедливо отмечая, что уже и сам французский язык в творчестве североафриканцев, изобилующий местными словами и выражениями, несущими отпечаток совместного бытия культур многих народов, практически стал «североафриканским французским», писатели-регионалисты не менее справедливо утверждали, что в отличие от французской литературы колониального образца собственно североафриканская литература должна глубоко и правдиво отражать жизнь «своей страны» и «своего народа». При этом многие европейские североафриканцы искренне полагали, что в народ этот уже воедино сливаются представители всех рас, всех этносов и национальностей, которые проживали на территории и Туниса, и Алжира, и Марокко. Заблуждением такого рода страдали – и весьма долгое время – не только представители культуры, но и некоторые политические деятели, чьи вполне благие намерения не совпадали, однако, с исторической реальностью, в которой колониальная политика Франции оказалась фактором не столько культурного сплочения разных народов, сколько их резкого противостояния.

Однако и тунисскому варианту «североафриканского регионализма» не суждено было стать явлением подлинно национальной литературы. Даже оставшееся в истории франкоязычной литературы, рождённой в Тунисе, такое крупное имя, как поэт Мариус Скалези (1891–1923), связывают прежде всего с Бодлером, «нашедшим в Северной Африке своего талантливого продолжателя»[9].

Действительной же попыткой тунисской литературы обрести свой голос – на языке французском – оказалось творчество самих исконных тунисцев (арабов, а также берберов и евреев, издревле населявших страну), естественное стремление которых правдиво отразить в художественной реальности собственный мир таким, как знали и видели его они, «законные» дети своей земли, совпадало с объективными потребностями самой франкоязычной литературы, переживавшей кризис своего колониального бытия.

Вот почему уже первые ростки франкоязычного творчества тунисцев проросли не столько в ансамбле колониальной литературы, сколько в стороне, минуя уже сложившиеся в ней традиции. При этом следует отметить, что довольно долгое время голоса автохтонов раздавались не так уж часто, что было вполне закономерно: впитать в себя привнесённую культуру и полноценно выразить на языке заимствованном – процесс, потребовавший в литературе довольно длительного времени. Впрочем, из редких явлений творчества франкоязычных тунисцев ещё до установления в стране протектората, но уже в русле возникшего во Франции интереса к Северной Африке можно отметить имя поэта-лирика Шукри Ганема, который в 1834 г. публиковал свои стихи на страницах парижских изданий.

Позднее в созданных в Тунисе литературных альманахах (таких, как «Ревю тюнизьен») и других журналах (особенно в «Ля Тюнизи иллюстре») наряду с писателями европейского происхождения сотрудничали и литераторы-мусульмане, чаще всего – поэты и публицисты. Так, с 1900 г. на страницах этих изданий печатались Мустафа Курд и Ахмед Шерги, чьи стихотворные опыты на французском языке были наиболее самостоятельными, хотя и свидетельствовали о заметном влиянии на них поэзии французских романтиков, особенно Ламартина. До почётной возможности публиковаться в таких солидных колониальных изданиях один из этих поэтов – Мустафа Курд – уже был известен как автор небольшой сказки «Маленький курильщик опиума», которая была напечатана отдельной книжечкой в частной типографии в конце

1900-х годов и привлекла к себе внимание не только занимательностью сюжета, но и зарисовкой среды, практически недоступной для европейцев[10].

Тогда же начали появляться в тунисских газетах на французском языке очерки Мухаммеда бен Ходжи, посвящённые проблеме эмансипации арабских женщин, необходимости получения ими образования, возможности для них работы и на общественной ниве. Однако в этот период франкоязычная публицистика тунисцев – явление ещё крайне редкое, как и другие формы литературного творчества. Более заметным оно становится с конца второго десятилетия XX в.

В 1920-е годы тунисская литература на французском языке усиленно развивается в среде местных евреев, чьи поселения в стране относятся ещё к II–I вв. до н. э. Сосредоточенные ранее в основном на юге Туниса (о-в Джерба), они постепенно распространились повсюду в Тунисе, и практически в каждом городе до сих пор есть особый квартал – гетто (в Магрибе называемый «гара», «укала», «меллах»). Древние обычаи и нравы, запечатлённые в богатом местном фольклоре, представили на французском языке в книге «Гара рассказывает» (1929 г.) несколько авторов, активно сотрудничавших в «Ля Кахене», – В. Даном, Ж. Вегель и П. Ривель. В книге были пересказаны также наиболее популярные в Тунисе истории и легенды, бытующие в этой среде, переведены песни, собраны афоризмы, свидетельствующие о специфике местных поверий, привычек, особенностях быта. Через несколько лет, в 1934 г., Ж. Вегель и П. Ривель опубликовали и «Сказки о животных, услышанные в гетто» – своеобразный свод народных представлений о метаморфозах людей и зверей.

Помимо собирания и обработки фольклора еврейским франкоязычным писателям Туниса принадлежит и роль первых национальных бытописателей, реалистически точно типизировавших условия жизни бедняцких городских кварталов, в простых историях, незамысловатых сюжетах запечатлевших будни и праздники тунисских евреев, сполна испытавших тяготы «французской оккупации» страны, где «бедные стали ещё беднее». Повесть «Деревня под солнцем» С. Беннатара (1923 г.), романы «Ребенок из укала» П. Ривеля (1931 г.), «Арон-лоточник» В. Данона (1933 г.) как бы по-своему продолжили и дописали картину жизни тунисцев, начатую ещё в 1919 г. Ж. Вегелем в его повести «Вечера в Хафсийи», с почти документальной точностью изобразившей, напротив, быт буржуазных слоев.

Несмотря на очевидно «этнический» элемент бытописания, эти произведения в истории франкоязычной литературы Туниса являют собой образцы уже не локальной французской, но собственно тунисской словесности, связанной объективно с общенациональной задачей отстоять и отразить в искусстве свой собственный мир.

Просветительская по своему характеру проза этого периода принадлежала часто перу не профессиональных литераторов, но европейски образованных тунисских интеллигентов, стремившихся пробудить интерес соотечественников к политическим, социальным и культурным проблемам своего времени, к достижениям европейской мысли. Повесть «За занавесом» тунисского адвоката М. Немана, вышедшая в 1923 г., – образец такого рода литературы, где, в частности, затрагиваются и весьма насущные вопросы развития тунисского общества, противопоставляются уровни образования, полученного в коранических школах и французских лицеях, а также критикуется косность патриархальных традиций, определяющих быт арабов.

Тенденции бытописания, «этнографического реализма» усиливаются в 1930-е годы с появлением биографической прозы Мухаммеда Аслана – «Африканские страницы» (1933 г.)[11]. Постепенно расширяется тематическая сфера романа, оформляются его разные виды (например, «Изумрудная волшебница» Тахара Эссафи с исторической проблематикой). Роман постепенно становится ведущим жанром тунисской франкоязычной литературы. Однако период 1930–1940-х годов отмечен преимущественным обращени-

ем литераторов к «малой прозе», характерным образцом которой можно считать повесть Тахара Эссафи «Марокканка»[12] (1935 г.), поднимавшую важные вопросы эмансипации тунисок, необходимости социальных реформ внутри мусульманского общества и волновавшую многих тунисцев проблему «смешанного брака» – между представителями двух разных религий или этносов.

Просветительская литература в целом и франкоязычная в частности сыграла большую роль в деле укрепления национального самосознания тунисцев, воспитывая патриотические чувства, утверждая идею необходимости борьбы с колониализмом, социального прогресса, духовного и политического раскрепощения. Поэтому неожиданно проявившиеся на фоне общего направления развития тунисской словесности новейшего времени тенденции противоположные, да ещё в период резкого взлёта антиколониального движения и сразу после установления в стране независимости прозвучали резким диссонансом и остались в истории франкоязычной литературы Туниса явлением хотя и заметным, но единичным. Романы Баккуша Хашими «Карфагенская царица» (1953 г.)[13] и «Я по-прежнему верю» (1958 г.) фактически прославляли колониальный захват Северной Африки и возвеличивали деяния французов, цивилизовавших «отсталые» народы. Не случайно подобные настроения вызывали обратную реакцию – в литературе широко распространилось обращение к отечественному культурному наследию, обработка фольклора, возник новый жанр рассказа-сказки в духе народных легенд и преданий о героическом прошлом тунисцев. В журнале «Файза» («Faïsa»), выходившем в Тунисе в 1950–1970-е годы, печатались произведения молодых прозаиков и поэтов, которые были проникнуты уважением к народной мудрости, воспевали красоту и благородство древних обычаев, стремились связать ожидания будущего со славными страницами национальной истории. Имена Нефиссы бен Саид, Фатмы бен Башир, Ферида Сухейла, Суад Гелюз и многих других прозаиков связаны с появлением в тунисской франкоязычной литературе этих тем, а также с обращением к актуальным для страны вопросам, в частности, о необходимости «модернизации» деревни, изменения системы национального образования, отношения к Западу. Некоторые из прозаиков, дебютировавших в журнале, впоследствии приобрели широкую известность, как, например, Суад Геллюз. Но в основном многочисленные молодые франкоязычные литераторы, пробовавшие свои силы на страницах «Файзы», так и остались авторами «журнальными», и не многим из них удалось со временем опубликовать отдельные книги, сборники своих рассказов.

В этом плане больше повезло поэтам, с именами которых ещё в 1950–1960-е годы «Файза» познакомила своих читателей. Почти все из них сегодня – авторы нескольких сборников стихов. Но именно тогда, на страницах «Файзы» утверждался индивидуальный облик поэзии каждого из них. Это были стихи о любви Тахара Тунси, гражданская лирика Азизы Мухаммеда, «пейзажная» и философская М. Жамуси и З. Тиджани. Тогда же, в 1950–1960-е годы, писательская молодежь пробовала свои силы и в драматургии. Пьесы «Мир» («Аристофания») и «Каракуз на службе любви» Азизы Мухаммеда, с юмором воспроизводившие нравы мелкобуржуазной городской среды Туниса, как и комедия нравов Тахара Тунси «Нарушенное согласие» (1962 г.) и его же пьеса-фарс «Любите ли вы Браима?» (пародировавшая роман Франсуазы Саган «Любите ли вы Брамса?»), пользовались популярностью не только среди читателей журнала, но и среди многочисленных в Тунисе любителей драматического искусства: их в те годы ставили и на профессиональных, и на любительских сценах молодежных и студенческих клубов.

Но наиболее значительным явлением для литературы Туниса на французском языке и вообще для франкоязычной литературы Магриба в 1950–1960-х годах стало творчество Альбера Мемми (род. в 1920 г.), чьи первые романы, запечатлевшие эпоху, связанную со

Второй мировой войной и началом освобождения страны от французского «присутствия», отразили процесс столкновения нового и старого мира в сознании молодежи, осветили многие важные проблемы современной тунисской действительности. В целом же творчество этого писателя явилось важным этапом в развитии тунисской литературы XX в. (о нём подробно см. в нашей работе «Тунисская элегия». М., 2016).

В творчестве Альбера Мемми изначально была сформулирована и главная задача практически всей национальной литературы Туниса: «**Смотреть на самих себя**». Решение этой задачи эволюционировало и в его собственном творчестве (от обычного в Магрибе бытописания к социально-критическому ви́дению национальной реальности, неприятие которой – поначалу «тёмных следов прошлого»), и в творчестве других писателей 1990-х и 2000-х гг. к довольно сложному художественному синтезу философских, социо-психологических и психо-аналитических размышлений, которые легли в основу романов и новелл. Прямой перекличкой, к примеру, с романным творчеством Мемми явился опубликованный в начале 1980-х гг. роман Адель Арви «Жозабет и Мурад» («Josabette et Mourad», Тунис, 1981).

Нельзя сказать, что пришедшие вслед за А. Мемми тунисские писатели, обращаясь к проблемам, достигают высокохудожественного уровня, чаще всего их книги страдают порой и публицистичностью, и просветительским морализаторством, но есть (хотя и однотипные в плане, к примеру, показа «жизни женского сердца») и яркие романы, среди которых можно отметить «Пепел на заре» Дж. Хафсийи (1975), «Ахлем» Фр. Хашеми (1978), «Жизнь и агония» С. Хедри (1978), её же – «Раненая роза» (1982) и «Тунисские красавицы» Н. Моати (1983).

Тенденции, прямо противоположные вышеотмеченным, наблюдаются в 1970–1980-е гг. в романе Ж. Гермази «Признания умирающей» (1974), где, наоборот, изобличаются идеи женской эмансипации, а в творчестве Суад Геллюз (род. в 1937 г.) уже и прямо утверждается необходимость **опоры на традицию**, возрождения и охранения тех устоев человеческого существования, которые были «завещаны предками», прежде всего озабоченными сохранением «долга и чести» – «Простая жизнь» (1975) и «Сады на севере» (1982)[14]. При этом надо отметить, что автор не страдает некоего рода пассеистской идеологией, и охранительно-консервативная тенденция в её творчестве связана прежде всего с судьбой того наследия, которое досталось потомкам арабов и берберов, вернувшихся в Северную Африку в XV в. из Испании.

В несколько ином аспекте и значительно шире, чем у Геллюз, понимание необходимости «сохранения прошлого» в творчестве Мустафы Тлили (1937–2013), уже давно, подобно А. Мемми, жившего в эмиграции. Во франкоязычной литературе его имя стало известно после публикации романа «Нутро, горящее яростью» (1975), в котором впервые тема критики Запада, столь характерная для магрибинцев, касалась не только Европы, но и Америки, ставшей в книге Тлили местом жестоких душевных страданий героя, обуреваемого жаждой справедливости, революционных бурь и потрясений, не смирившегося с «холодом чужбины», хотя и обрекшего себя на вечные скитания и поиски идеала[15].

Обобщённый образ нового времени (как разрушительного), воссозданный в романах Тлили, воплощён и в романе Айши Шайби «Рашед» (1975), разочарованной плодами независимости, ускорившей формирование в стране «капиталистических тенденций». Показанное в произведении становление нового типа туниса – собственника и хищника, по-своему, в не меньшей степени, чем колонизатор, угнетающего свой же народ, живущего за его счет, пользующегося царящей в стране неграмотностью, отсталостью, темнотой и невежеством масс.

В целом, после установления в стране независимости, с течением времени появляются произведения, в которых всё больше и больше – чаще по причине недовольства окружающим – осмысляются события, связанные с национально-освободительным дви-

жением, родившим многие несбывшиеся идеалы (подобно тому, как в последние годы – разочарование от иллюзии «Жасминовой революции» 2011 г.).

Так, в романе известного политического и общественного деятеля Рашида Дриса (1917–2009) «Фонарь и рассвет» (1981)[16], подобно другому историческому роману А. Ладжеми «Не хлебом единым» (1980)[17], воссоздается предыстория массовых народных волнений, рисуются картины первых бунтов горожан против засилья французских колониальных властей, вспоминается атмосфера народного единения, всеобщего подъёма, энтузиазма, рождавшего надежду на пришествие «Нового Дня».

В романе А. Ладжеми «Не хлебом единым» также наблюдается попытка создания *исторического жанра*, стремление автора художественно запечатлеть эпоху «первых выстрелов», сделанных восставшим народом, для которого – в собирательном образе главного героя – слова «человеческое достоинство» и «братство» звучат не лозунгом, но наполнены реальным смыслом обретения Свободы, за которую люди проливают кровь и жертвуют жизнью.

Утратой иллюзий особенно характеризовалось первое десятилетие после обретённой Тунисом в 1956 г. независимости. Отсюда – возникновение острой критической тенденции с политическим уклоном, которая очевидна в творчестве Ж. Наккаша, автора нашумевшего романа «Кристалл», опубликованного только в 1982 г.[18]

Другой тунисский писатель, Фавзи Мелах (род. в 1946 г.), известный ранее как очеркист, публицист и автор также острополитического драматургического памфлета, в начале 1980-х гг. концентрирует свой критический заряд на изображении тех сторон жизни современного общества, которые свидетельствуют об анахронизме социальных структур, о косности массового сознания, о спекулятивных попытках религиозных деятелей и разного рода догматиков использовать невежество, отсталость народа и втянуть его в свои политические игры и махинации.

По-своему проблему необходимости обновления тунисского общества, модернизации всех аспектов его жизни, совершенствования личности человека нового времени, необходимости образования, обращения страны к достижениям мировой цивилизации и культуры, «открытости» Западу решает Тауфик Абдельмула, который в *романе-аллегории* «Композиция человека» (1980) усилия своего героя-врача направляет на создание человеческого существа, «достойного современного мира», «составленного» из *разных частей*, но содержащих *«основные элементы» Востока и Запада*...[19]

В отличие от Абдельмулы, в довольно абстрактной, «фантазийной» манере различающего некий эклектико-механистический выход из тупиков современной жизни, его соотечественник Салахэддин Бхири (род. в 1947 г.), живущий в эмиграции во Франции, обращается в своём первом романе «Надежда была на завтра» (1982)[20] к невыдуманной реальности, жгучей болью пронзившей и его собственную жизнь. Поэтому Запад для Бхири не просто элемент его бытия, но совершенно конкретная совокупность определённых форм общественного устройства, вызывающих страстный протест человека, поверившего в идеальный образ мира, с которым связывались когда-то все надежды на обретение Свободы и счастья, а теперь – «убивая» его в образах, воссоздавших героя произведения в лице араба и его угнетателя – француза.

В манере, прямо противоположной Бхири, Абдельваххаб Меддеб (1949–2014), тоже долго работавший во Франции, питает свой идеал не туманным Будущим, но воспоминаемым Прошлым, создавая некий «текстовый» поток памяти, в ассоциациях – по сходству ли, или по контрасту – определяя для себя и свои взаимоотношения и с Настоящим, и с Прошлым в своих романах «Талисман» и «Фантазия»[21].

«Талисман», написанный Меддебом в 1979 г., и «Фантазия» (1986) приглашали читателя к разгадке некоей тайны – завета о борьбу за Свободу, – оставленного в далёкой истории.

Мотив боли «откоренённости», ностальгии по утраченному Прошлому, но только в ещё более драматической окраске, – прозвучал и в романе Фавзи Меллаха, воссоздавшем легенду о карфагенской «Элиссе – пунической царице-скиталице» (1988)[22].

По-своему ностальгирует о «Великом Прошлом», о «прежней Земле» и свидетельствует о крахе иллюзий борьбы за национальную Независимость и всё больше тяготеющий к художественному творчеству тунисский адвокат Али Бешёр (род. в 1940 г.) (романы 90-х гг. и новеллы последних лет)[23].

Печальная мелодия «избывания жизни», словно эхо, многократно повторяется и в романах тунисцев 1990-х гг., подхваченная творчеством активно вышедших на литературную арену франкоязычных прозаиков-женщин. Так, в своём произведении «Параллельная хроника» (1991)[24] Эмна Бель Хадж Яхья создает своеобразный диптих, где каждая из двух героинь-подруг рассказывает историю своей жизни, с одной стороны, протекавшей как бы самостоятельно, не пересекаясь с жизнью другой, но в то же время составляя единую картину жизни страны и общества, переживавшего в эпоху обретённой независимости период модернизации, с трудом освобождавшегося от гнёта косных традиций и предрассудков и вновь погружавшегося в полосу духовного кризиса, возвращавшегося к «истокам веры» под напором волны исламского фундаментализма (не стихающей и по сей день), пытавшегося по-своему сохранить и отстоять национальную самобытность, не поддаться «соблазну Запада». «Параллельные» жизни, воссозданные автором «хроник», дополняя друг друга, стали, таким образом, своеобразным продолжением начатого в творчестве тунисских прозаиков и 1950-х, и 1960-х, и 1970-х, и 1980-х годов диалога Востока и Запада, показав остроту и болезненность проблемы «выбора» той или иной цивилизации именно для тунисцев, исторически сконцентрировавших в себе множественность различных культурных, этнических и конфессиональных начал. И потому не случайно, что именно в 1990-е гг., – когда повсюду в Магрибе наблюдаются интегристские всполохи, связанные с усилением религиозных, мусульманских позиций, с акцентированием только арабских традиций, вновь обостряются преследования любых проявлений «вольнолюбия», – возникают художественные «отголоски» нового несмирения, нового бунта, но и одновременно краха всех порывов и иллюзий обретения Свободы.

Так, Али Абасси, в романе «Тирса» (1996)[25], вернув своего героя, получившего образование на Западе, на родину, укрепив его позиции в новой жизни, сделав его вполне благополучным материально, обрёк на вечные поиски призраки женщины, воплотившей его идеал любви и счастья, в зыбучих песках оазиса Тирса на юге страны…

Тема ухода из жизни, только уже без всякой метафоризации, заявлена и реализована и в романе уже отмеченного выше Али Бешёра «Дни прощания» (1997)[26], где герой, не выдержав разочарований, зная и о своей неизлечимой болезни, решает проститься с прошлым, с родительским домом, с друзьями молодости, и «уйти навсегда». Потерпев крах в личной жизни (жене-иностранке не было дано понять причин его журналистских скитаний), утратив веру в праведность своих политических идеалов и пристрастий, не согласный со всем тем, что происходит в стране, за независимость которой когда-то боролся, не обретший нигде – ни на Востоке, ни на Западе – чувства покоя и равновесия, гармонии и уверенности, не видящий смысла в дальнейшем существовании, герой, простившись с Прошлым, уедет «в глушь», в Африку, куда-то «южнее Тимбукту», где ни Восток, ни Запад не будут терзать и рвать его душу, где на самом краю Великой Пустыни он, уже умирая, услышит божественные звуки виолончели и увидит «последние отблески дня»...

Ночь Смерти, опускаясь над героями произведений тунисских прозаиков 1990-х гг., не означала «избывания» самой франкоязычной литературы, хотя и обретавшей всё более мрачные тона, усиливавшие её изначальный, исходный разлад с действительно-

стью, которую, с присущим многим франкоязычным магрибинцам талантом бытописателей, они изображали тщательно и достоверно, несмотря на всё своё к ней «недоверие».

Именно в 1990-е – начале 2000-х гг. усиленно пополняется отряд женщин-писателей, и к именам, уже зарекомендовавшим себя в 1970–1980-е гг. (Шайби, Геллюз, Хедри, Хафсийи, Хашми), а в начале 1990-х гг. и к отмеченной выше Эмне Бель Хадж Яхья (написавшей в 1996 г. роман «Невидимый этаж», продолживший тему первой её книги), прибавляются имена Аззы Филяли (автора нескольких повестей и романов «Неподвижный пассажир», 1990, и «Господин N», 1999); Хэле Бежи (роман «Маршрут из Парижа в Тунис», 1992); Алии Мабрук (роман «Вопль», 1992); Махарзии Амиры-Бурназ (романы «В Тунисе 1920 г.», 1993, и «Махерзийа вспоминает Тунис 1930 г.», 1999); Джелилы Бехи (повесть «Череда теней», 1993); Софи Эль-Гуль (роман «Тайны Туниса», 1993); Найды Фершиу (роман «Призраки Карфагена», 1993); Хеджер Джилани (роман «Но небо было голубым», 1994, повесть «Хамза», 1996); Сафийи Мсакни (повесть «Женский взгляд», 1994); Лейлы Бенсмаин (роман «Запахи Алжира», 1996); Сирин (повесть «Когда у моря вырастут крылья», 1996); Дорры Шаммам (повесть «Зеркало», 1997); Хедийи Баракет (повесть «Нассва», 1998); Жаклин Бисмут (роман «Ля Гулетт», 1999) и многих других, чьи произведения (дополненные сегодня во всё более утверждающем себя жанре магрибинской новеллистики, особенно в творчестве женщин-мусульманок[27]) либо обращены к истории своей страны, либо к индивидуальному опыту, истории своей личной жизни, перипетиям женской судьбы, **отмеченной печатью традиционной власти мужчины в семье**. Именно в «женской литературе» особенно заметны и интенсивно анализируются проблемы столкновения традиции и «модернизации», должной обеспечить женщине свободную дорогу к получению образования, всех гражданских прав и свобод и т. д., хотя именно в Тунисе, в отличие от других стран Магриба, женщинам предоставлено много прав было изначально, сразу после достижения независимости в 1956 г. Но поскольку эти проблемы усиливаются в сознании традиционалистов приравниванием социального «прогресса» к «вестернизации», а, значит к утрате «самобытности», к «*нечистоте*» национальной жизни, то потому, видимо, так пристрастно они исследуются именно женщинами, ибо им как часто «страдающим субъектам» – они особенно близки и понятны.

Подводя итоги, нельзя не отметить, что франкоязычная проза Туниса, с самого начала формировавшаяся в русле реализма, обращённая на протяжении нескольких десятилетий к острым проблемам национальной реальности, хотя и использовавшая европейскую жанровую систему, постоянно обогащалась в художественных поисках, преодолевала рамки традиционного бытописания, обретала социальную заостренность и психологическую глубину и масштабность изображения действительности. Не учитывать этот феномен в истории новейшей литературы арабских стран означает не знать истинной реальности состояния общественного сознания постколониальной эпохи, и как следствие – не видеть полноту реальности окружающего мира.

Примечания

[1] См., например, издания на русском языке: История литературы Туниса. М., 1993 (Авт. колл. Э. Ализаде, Ф. Асадуллин, К. Юнусов, С. Прожогина).

[2] *Memmi A.* Portrait du colonisé précédé du portrait du colonisateur. P., Buchet – Chastel, 1957, p. 140.

[3] См.: *Châtelain J.* La vie intellectuelle et littéraire en Tunisie de 1900 à 1937. P. 1937, p. 201.

[4] *Memmi A.* Portrait du colonisé précédé de portrait du colonisateur, p. 142.

[5] Эти и другие сведения почерпнуты из книги: *Lebel R.* Histoire de la litterature coloniale en France. P., 1930.

[6] См., например: *Dupuis E.* La Tunisie dans les lettres d'expression francaise. P., 1956; *Lebel R.*

Histoire de la litterature coloniale en France. P., 1930.

[7] *Canal A.* La littérature et la presse tunisienne de l'occupation à nos jours. P., 1900, с. 11.

[8] *Dupuis E.* La Tunisie dans les lettres d'expression française. P., 1956, с. 70.

[9] *Dejeux J.* Regards sur la littérature maghrébine d'expression française. P., 1957, с. 82.

[10] Здесь и далее переводы на русский язык названий произведений, а также годы изданий даны по сведениям, опубликованным в книге моего учителя, проф. Сорбонны Ж. Деже (см.: *J. Déjeux*. Op. cit.).

[11] *Aslan M.* Entre deux mondes. Tunis, 1938.

[12] О них см. *Dejeux*. Ук. соч., 1957.

[13] *Baccouche H.* La dame de Cartage. Тунис, 1953; «Je crois comme tonjours. Тунис, 1961.

[14] Об отмеченных выше именах см. подробно в нашей книге «Магрибинский роман». М., 2008.

[15] О нём подробно см. нашу книгу «Тунисская элегия». М., 2016.

[16] *Drisse R.* L'aube et la lanterne. Tunis, 1981.

[17] *Ladjemi A.* Non du pain seul. Tunis, 1980.

[18] *Maccache J.* Le Cristal. Tunis, 1982.

[19] Об отмеченных нами прозаиках подробнее см. в нашей работе «Магрибинский роман».

[20] Bhiri S. L'espoir était pour demain. P., 1982.

[21] О нём подробнее см. нашу работу «Тунисская элегия».

[22] *Mellah F.* La reine vagabonde. P.. 1988.

[23] О нём – в нашей работе «Антология магрибинской новеллистики». М., 2019.

[24] *Emna B.H.Y.* Chroniques parallèles. P., 1991.

[25] *Abassi A.* Tirsa. Tunis, 1996.

[26] *Becheur A.* Les jours d'aujourd' hui. P., 1997.

[27] См. подробно в нашей работе «Антология магрибинской новеллы». М.. 2019.

НАШИ АВТОРЫ

АНАЙБАН Зоя Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: anayban@mail.ru

АТАНОВА Снежана Александровна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: snej.atanova@gmail.com

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ДМИТРИЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ehidna-family@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КУЗЬМИН Сергей Львович – доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ipe51@yahoo.com

ЛОКШИН Александр Ефимович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ale-lokshin@yandex.ru

МОЛЛЕРОВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований при правительстве Тувы (г. Кызыл). E-mail: nigorbunov@ mail.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ФИЛИППОВА Татьяна Александровна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: filipova2006@yandex.ru

ЦВИЖБА Лариса Исиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: laratas@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de